

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

Научный журнал
№ 2, 2025

Издается с 2017 г. Периодичность: с 2018 года 4 номера в год. Индексируется в РИНЦ.

Настоящий научный журнал представляет материалы, освещающие актуальные вопросы общего языкознания, переводоведения, социо- и психолингвистики, функциональной грамматики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, русской литературы, литературы народов РФ, зарубежной литературы, лингводидактики, педагогики. Материалы предназначены для широкого круга специалистов в области филологии и педагогики. Статьи рецензируются. Перепечатка без разрешения редакции запрещена, ссылки на журнал при цитировании обязательны.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шустова Светлана Викторовна – главный редактор, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Аверина Анна Викторовна – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный областной университет)

Андросова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Арустамова Анна Альбертовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Балакин Сергей Владимирович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский государственный университет путей сообщения)

Белобородова Ниля Сабитовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Бирск, Башкирский государственный университет (Бирский филиал))

Братухин Александр Юрьевич – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Бурдина Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Горбунова Наталья Владимировна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Ялта, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского)

Гордиенко Татьяна Петровна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Симферополь, Крымский индустриально-педагогический университет им. Ф. Якубова)

Дворцова Наталья Петровна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Тюмень, Тюменский государственный университет)

Евсеева Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Красноярск, Сибирский федеральный университет)

Елшанский Сергей Петрович – доктор психологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский экономический институт)

Зеленина Тамара Ивановна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Игна Ольга Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Томск, Томский государственный педагогический университет)

Иоселиани Аза Давидовна – доктор философских наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Каплявик Кира Юрьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Российский университет дружбы народов)

Комарова Юлия Александровна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Кондаков Борис Вадимович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Коптева Наталия Васильевна – доктор психологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)

Костева Виктория Михайловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Российский государственный гуманитарный университет)

Кошкарлова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный (национальный исследовательский) университет)

Маркова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный педагогический университет)

Меньшакова Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Онина Софья Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ханты-Мансийск, Югорский государственный университет)

Ореховская Наталья Анатольевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Поздеев Вячеслав Алексеевич – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Сыктывкар, Федеральный исследовательский центр Коми, научного центра Уральского отделения РАН)

Потанина Наталия Леонидовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Тамбов, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина)

Прокофьева Лариса Петровна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Саратов, Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского)

Проскурин Борис Михайлович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Пузанкова Елена Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московская международная академия)

Резанович Ирина Викторовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет)

Роготнев Илья Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Семененко Наталия Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Белгород, Старый Оскол, Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Сидорова Ольга Григорьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Сыромятников Олег Иванович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Сюткина Надежда Павловна – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Трофимова Нелли Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

Файзиева Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет)

Фельде Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Красноярск, Сибирский федеральный университет)

Фетисов Александр Сергеевич – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет)

Хабибуллина Лилия Фуатовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Чернобров Алексей Александрович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный медицинский университет)

Чугунов Дмитрий Александрович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный университет)

Шараков Сергей Леонидович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Старая Русса, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, Дом-музей Ф. М. Достоевского)

Шачкова Эльвира Вадимовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Ялта, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)

Шипова Ирина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)

Шумилова Елена Аркадьевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Краснодар, Кубанский государственный университет)

Юсупова Ляля Гайнулловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский государственный горный университет)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гао Чуньюй – профессор (Китай, округ Цицикар, Цицикарский университет)

Ивашкевич Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Ли Ифан – кандидат филологических наук (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Нижнева Наталья Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Рузиева Лола Талибовна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Ходжиматова Гулчехра Масаидовна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Чжан Цзяньвэнь – кандидат филологических наук (Китай, г. Хэйхэ, Хэйхэйский университет)

Чэнь Шуан – кандидат педагогических наук, профессор (Китай, г. Цзинань, Шаньдунский Женский университет)

Ши Хуншэн (Shi Hongsheng) – профессор (Китай, г. Хэфэй, Научно-исследовательский институт зарубежного страноведения и регионоведения Аньхойского университета, директор Центра по изучению России Аньхойского университета)

Ши Шаньшань – кандидат филологических наук, доцент (Китай, г. Шихэцзы, Институт иностранных языков Университета в Шихэцзы)

Ширнинова Римма Хакимовна – доктор филологических наук, профессор (Узбекистан, г. Ташкент, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека)

Яхьяпур Марзие – кандидат филологических наук, профессор (Иран, г. Тегеран, Тегеранский университет)

PERM STATE UNIVERSITY

EURASIAN HUMANITARIAN JOURNAL**SCIENTIFIC JOURNAL
No. 2, 2025**

Published since 2017 Frequency: since 2018, 4 issues per year. Indexed in the RSCI.

The journal contains materials covering current issues of general linguistics, translation studies, sociolinguistics, psycholinguistics, functional grammar, cognitive linguistics, discourse, Russian literature, the literature of the peoples of the Russian Federation, foreign literature, linguodidactics, and pedagogics. The materials are intended for a wide range of specialists in the field of philology and pedagogics. Articles are reviewed. Reprinting without permission of the editorial board is prohibited, links to the journal are mandatory when quoting.

EDITORIAL BOARD**Svetlana V. Shustova** – Editor-in-chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Anna V. Averina** – Deputy Editor-in-Chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Regional University)**Svetlana V. Androsova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)**Anna A. Arustamova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Sergey V. Balakin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural State University of Railway Transport)**Nylya S. Beloborodova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Birk, Bashkir State University (Birk Branch))**Alexander Yu. Bratukhin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Svetlana V. Burdina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Perm, Perm State University)**Natalia V. Gorbunova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Yalta, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky)**Tatyana P. Gordienko** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Simferopol, Crimean Industrial and Pedagogical University named after F. Yakubov)**Natalia P. Dvortsova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Tyumen, Tyumen State University)**Irina V. Evseeva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Krasnoyarsk, Siberian Federal University)**Sergey P. Elshanski** – Grand Ph. D. (Psychology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Institute of Economics)**Olga N. Igna** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Tomsk, Tomsk State Pedagogical University)**Aza D. Joselin** – Grand Ph. D. (Philosophy), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)**Kira Yu. Kashlyavik** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Peoples' Friendship University of Russia)**Boris V. Kondakov** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Julia A. Komarova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia)**Natalia V. Kopteva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University)**Victoria M. Kosteva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Russian State University for the Humanities)**Natalia N. Koshkarova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Chelyabinsk, South Ural State (National Research) University)**Tatiana N. Markova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Chelyabinsk, South Ural State Pedagogical University)**Nadezda N. Menshakova** – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Sofia V. Onina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Khanty-Mansiysk, Yugra State University)**Natalia A. Orekhovskaya** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)**Vyacheslav A. Pozdeev** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Syktyvkar, Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)**Natalia L. Potanina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Tambov, Derzhavin State University of Tambov)**Larisa P. Prokofieva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Saratov, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky)**Boris M. Proskurnin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Elena N. Puzankova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Moscow, Moscow International Academy)**Irina V. Rezanovich** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State Pedagogical University)**Ilya Yu. Rogotnev** – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Natalia N. Semenenko – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Belgorod, Stary Oskol, Belgorod State National Research University)

Olga G. Sidorova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)

Oleg I. Syromyatnikov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Nelly A. Trofimova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Saint Petersburg, National Research University Higher School of Economics)

Galina V. Faizieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Astrakhan, Astrakhan State University)

Olga V. Felde – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Krasnoyarsk, Siberian Federal University)

Alexander S. Fetisov – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State Pedagogical University)

Liliya F. Khabibullina – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University)

Alexey A. Chernobrov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Medical University)

Dmitry A. Chugunov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State University)

Sergey L. Sharakov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Staraya Russa, Novgorod State United Museum-Reserve, F. M. Dostoyevsky House-Museum)

Elvira V. Shachkova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Yalta, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) Crimean Federal University named after Vernadsky)

Irina A. Shipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Pedagogical State University)

Lyalya G. Yusupova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural State Mining University)

Nadezda P. Syutkina – Executive Secretary, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Irina N. Ivashkevich – Grand Ph. D. (Philology), Associate Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)

Mekhriniso B. Nagzibekova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Natalya N. Nizhneva – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarus State University)

Gulchehra M. Hodzhimatova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Gao Chunyu – Professor (China, Qiqihar, Qiqihar University)

Li Yifan – Ph. D. (Philology), (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Lola Ruzieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Zhang Jianwen – Ph. D. (Philology), (China, Heihe University)

Chen Shuang – Ph. D. in Pedagogy, Professor (China, Jinan, Shandong Women's University)

Rimma Shirinova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Uzbekistan, Tashkent, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan)

Shi Hongsheng – Professor (China, Hefei, Anhui University Institute of Foreign and Regional Studies, Director of Russian Studies Center, Anhui University)

Shi Shanshan – Ph. D. (Philology), Associate Professor (China, Shehezi, Institute of Foreign Languages of Shehezi University)

Yahyapour Marzieh – Ph. D. (Philology), Professor (Iran, Tehran University)

СОДЕРЖАНИЕ

80 ЛЕТ ПОБЕДЫ!	6
<i>Шипова И. А.</i>	
ЯЗЫК «ОБМАНА» (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)	6
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ.....	10
<i>Яркова В. В.</i>	
ДЕФИНИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ.....	10
<i>Сёмкин Р. Е.</i>	
КАТЕГОРИЯ ИЗОМОРФИЗМА В ФИЛОСОФИИ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ	26
<i>Малахова Е. В., Шустова С. В.</i>	
ДИХОТОМИЯ СВОЙ / ЧУЖОЙ В БИРМАНСКОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ	40
<i>Лю Хун, Андросова С. В.</i>	
ПРОСОДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КИТАЕ	49
ДИСКУРСОЛОГИЯ	69
<i>Юшкова Л. А., Робертс Н. А.</i>	
ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ УБЕЖДЕНИЯ В ТЕКСТАХ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ ПО ПСИХОЛОГИИ	69
<i>Соболева Л. А.</i>	
КАТЕГОРИЯ ЛИНГВОКОНФЛИКТОГЕННОСТИ В ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ.....	77
ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	83
<i>Рязанцев К. А., Графова О. И.</i>	
ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ МАНИФЕСТА НА ПРИМЕРЕ «THE RUSSELL-EINSTEIN MANIFESTO»	83
<i>Зубарева Е. О., Колотов Д. А.</i>	
БАЗОВЫЕ КАТЕГОРИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ	90
ЛИНГВОДИДАКТИКА.....	98
<i>Харченко М. Д.</i>	
ФЛЕШ-КАРТОЧКИ КАК МЕТОД ЭФФЕКТИВНОГО ЗАПОМИНАНИЯ СЛОВ: ПИЛОТНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ	98
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ.....	107

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 6–9.

Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 1. P. 6-9.

Научная статья

УДК 81'23

**ЯЗЫК «ОБМАНА»
(НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ
ЧЕЛОВЕЧНОСТИ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)**

Ирина Алексеевна Шипова

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия,
schipowa@mail.ru

Аннотация. В исследовании рассматривается язык «обмана», связанный не только с действиями фашистской Германии, но и с их презентацией в общественном сознании. Речь идет о языковой стороне восприятия действий и фактов, имевших место во время Второй мировой войны, а именно то, как они назывались в общественной коммуникации и чем на самом деле были. Проводя античеловечную политику, представители гитлеровской диктатуры стремились смягчить восприятие ряда фактов проводимой ими политики и идеологии с помощью использования «языка обмана». Тенденцию называния жестоких актов массового уничтожения людей можно проследить уже на первом году прихода к власти Гитлера. Преступные власти маскировали свои действия с помощью «языка обмана», манипулируя сознанием общества, не обращая внимание на слабые возражения родственников жертв.

Ключевые слова: язык обмана, фашистская Германия, преступления против человечества, Вторая мировая война.

Для цитирования: Шипова И. А. Язык «обмана» (на материале исследований преступлений против человечности во время Второй мировой войны) // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 6–9.

Original article

**THE LANGUAGE OF "DECEPTION" (BASED ON THE RESEARCH
OF CRIMES AGAINST HUMANITY DURING WORLD WAR II)**

Irina A. Shipova

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, schipowa@mail.ru

Abstract. The study is considered the language of “deception” associated not only with the actions of Nazi Germany, but also with their presentation in the public consciousness. We are talking about the linguistic side of the perception of actions and facts that took place during World War II, namely, how they were called in public communication and what they actually were. Pursuing an anti-human policy,

representatives of the Hitlerite dictatorship sought to soften the perception of a number of facts of the policy and ideology they pursued by using the "language of deception". The tendency to name brutal acts of mass extermination of people can be traced back to the first year of Hitler's rise to power. The criminal authorities disguised their actions with the help of the "language of deception", manipulating the public consciousness, ignoring the weak objections of the victims' relatives.

Keywords: language of deception, fascist Germany, crimes against humanity, World War II.

For citation: Shipova I. A. The language of "deception" (based on studies of crimes against humanity during World War II). Eurasian Humanitarian Journal. 2025;2:6-9. (In Russ.).

Введение

Прошло 80 лет с того времени, как так называемый Третий Рейх прекратил свое существование после победы Советских войск над фашистской Германией, и многие детали того страшного времени постепенно уходят из памяти, оставаясь не до конца осознанными. Они связаны не только с действиями, но и с их презентацией в общественном сознании. Итак, далее речь пойдет о языковой стороне восприятия действий и фактов, имевших место во время Второй мировой войны, а именно то, как они назывались в общественной коммуникации и чем на самом деле были.

Основная часть

Проводя античеловечную политику, представители гитлеровской диктатуры стремились смягчить восприятие ряда фактов проводимой ими политики и идеологии с помощью использования «языка обмана». Тенденцию названия жестоких актов массового уничтожения людей можно проследить уже на первом году прихода к власти Гитлера. Так, в феврале 1933 г. в Германии после поджога здания Рейхстага в Берлине нидерландским левым анархистом ван дер Люббе был принят указ «О защите народа и государства» ("Verordnung zum Schutz von Volk und Staat"). Он стал тем документом, который по своей номинации должен был защищать граждан страны, а на самом деле превратился в разрешение любых действий, нарушающих права человека. Благодаря указу стало возможным просматривать личную переписку людей, прослушивать телефонные разговоры, запрещать митинги и собрания.

И, наконец, вслед за этим была создана система концлагерей, куда заключали всех неблагонадёжных, к которым причислялись деятели рабочего движения, евреи, цыгане, и другие представители расово неполноценных народов. Круг людей, которые попадали в концлагеря постепенно и постоянно расширялся. Все категории населения могли оказаться в положении, обозначавшемся как «защитный арест» (*Schutzhaft*), а тот, кто подлежал такому аресту, назывался *Schutzhäftling* – «заключенный, находящийся под защитным арестом». При этом понять, кого защищают и от кого, при такой номинации невозможно.

Еще одна сфера, где «язык обмана» вводил в заблуждение несведущих людей, была косвенным образом связана с медициной. Также в 1933 г. был принят закон, формулировка которого гласила: «*Gesetz zur Verhütung erbkranken Nachwuchses*» (Закон о профилактике детей с наследственными заболеваниями). Он и положил начало практике убийства людей, страдающих различного рода патологиями. Шестью годами позже в 1939 г. был создан Имперский комитет под названием: «*Reichsausschuss zur wissenschaftlichen Erfassung von erb- und anlagebedingten schweren Leiden*» (Имперский комитет по научному учету тяжелых недугов, связанных с наследственностью). В его задачи входило выявление тех членов

общества, которые ему были не нужны, поскольку имели разного рода патологии, такие как слабоумие, шизофрения, маниакально-депрессивный синдром и т. п. Решение о судьбах этих людей было передано в руки консультантов-участников акции Т4 – «T4-Gutachter», которые представляли канцелярию фюрера под руководством Филиппа Булера – одного из руководителей Национал-социалистической рабочей партии Германии (Phillip Bouhler – ein Reichsleiter der NSDAP). Именно он был ответственным за проведение акции Т4.

Сегодня мы знаем, что эта практика не оставляла шансов людям с проблемами, общество той системы не считало целесообразным заботиться о неизлечимо больных, поэтому их ожидала смерть. Однако нельзя было говорить об этом открыто, общественность некогда демократически ориентированной страны не могла принять подобную практику. Поэтому в новой системе ценностей были изобретены свои номинации для объяснения и оправдания убийства несчастных. Этот способ обозначения преследовал цель вводить людей в заблуждение и придавать античеловечным методам вид «безобидного» способа так называемого «гуманного умерщвления» (*Gnadentod*). Слово *Gnade* переводится как *милосердие*, что в случае этих действий придавало всей процедуре коннотацию чуть ли не благого действия, так же, как и наименование людей, принимавших решение по этому поводу. Они назывались экспертами Т4 – «T4-Gutachter». Аббревиатура Т4 вошла в историю как составляющая названия: Акция Т4 (*Aktion T4*) по берлинскому адресу Тиргартенштрассе 4 (*Berlin, Tiergartenstr. 4*), где находилось центральное бюро Т4 (*Zentraldienststelle-T4*) по решению различных вопросов о «лечении» людей всех возрастов, в частности, с наследственными заболеваниями. Вилла пострадала от бомбардировок в конце войны и была разрушена, но зловещее значение Акции Т4 никуда не исчезло. Сама организация носила название Благотворительный фонд помощи учреждениям, осуществляющим уход за больными (*Gemeinnützige Stiftung für Anstaltspflege*), и мало кому могло прийти в голову, что именно здесь в 1940 году была проведена пробная процедура убийства 15 таких больных в газовой камере. Номинация Акции Т4 не должна была вызывать у людей каких-либо зловещих ассоциаций, поскольку «благотворительный фонд» сложно воспринимать как преступную организацию. Таким образом происходило манипулирование сознанием граждан Германии, от которых многое скрывали посредством «языка обмана». То, что за названием могло скрываться всё, что угодно, можно показать на примере истории ребенка, убитого в 1943 г. в детской клинике нервных болезней «Ам Шпигельгрунд» в Вене, куда отправляли детей с задержками развития и где с помощью «гуманного умерщвления» решали проблемы тысяч детей и взрослых с проблемами развития.

В газете *Neue Ruhr Zeitung* от 27.04.2021 была опубликована статья под заголовком «*Euthanasie – Opfer war sechs Jahre*» (Эвтаназия – жертве было шесть лет). В ней говорилось о Карле-Хейнце Кемпкене, который родился 28.01.1937 в Хомберге – части города Дуйсбурга, находящейся на левой стороне от Рейна. Имея отклонения в развитии после родовой травмы, он не мог учиться в обычной школе, был переведен в коррекционную, но не проявив никаких способностей, был отправлен в другие лечебные учреждения, а после них в Вену в ту самую клинику нервных болезней. В июле 1943 г. после недельного пребывания в клинике он умер, потому что врачи добавляли в еду своих особых пациентов препараты, приводившие к смерти. В истории болезни причина смерти была названа: воспаление легких. Судьба этого мальчика – лишь один пример десятков тысяч жертв практики убийств гитлеровского режима. В заключениях врачей-экспертов действия с больными детьми в историях болезни обозначались следующим образом: указание *Keine weiteren Maßnahmen*

(Без дальнейших мероприятий) означало в действительности *Nahrungsentzug* (лишение питания); под определением *Beobachtung* (наблюдение) имелось в виду *Tötungvorbehalten* (в перспективе умерщвление); *Behandlung* (лечение) представляло собой *sofortige Tötung* (немедленное умерщвление).

Для взрослых, страдавших патологиями, вместо клиник предлагались особые условия в так называемых санаториях. На территории Германии их было шесть: Бранденбург-на-Хавеле – Brandenburg an der Havel (Landesanstalt Brandenburg-Görden), Графенэк – Grafeneck (in Baden-Württemberg, Schloss Grafeneck), Хартхайм – Hartheim (bei Linz in Österreich, Schloss Hartheim), Бернбург – Bernburg (Heil- und Pflegeanstalt Bernburg in Sachsen-Anhalt), Хадамер – Hadamar (Heil- und Pflegeanstalt Hadamar in Hessen) и Зонненштайн – Sonnenstein (Heil- und Pflegeanstalt Pirna-Sonnenstein in Sachsen). Во всех этих местах стоят прекрасные замки, имеющие свою историю, одной из страниц которой стали массовые убийства людей. По документам к 1945 г. было убито более 200 тысяч людей в рамках программы Акции Т4.

Заключение

Таким образом преступные власти маскировали свои действия с помощью языка обмана, манипулируя сознанием общества, не обращая внимания на слабые возражения родственников жертв. Правда стала известна значительно позже, и сейчас о ней можно прочитать в открытых источниках, но поколения молодых уже не очень интересуются событиями тех лет. Поэтому важно рассказывать об этом, вскрывая подлинное лицо людей, владеющих «языком обмана».

Источники

1. "Euthanasie – Opfer war sechs Jahre" // Neue Ruhr Zeitung. 27.04.2021.
2. https://www.homberg-unterm-hakenkreuz.de/index.php?title=Homberg_unterm_Hakenkreuz#cite_note-171 (дата обращения: 12.04.2025)
3. <https://www.dhm.de/lemo/kapitel/ns-regime/etablierung/schutzhaft> (дата обращения: 15.01.2025)

Информация об авторе

И. А. Шипова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкого языка, Московский педагогический государственный университет.

Information about the author

I. A. Shipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Professor of the German Language Department, Moscow Pedagogical State University.

Статья поступила в редакцию 10.05.2025; одобрена после рецензирования 15.05.2025; принята к публикации 20.05.2025.

The article was submitted 10.05.2025; approved after reviewing 15.05.2025; accepted for publication 20.05.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 10–25.

Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 1. P. 10-25.

Научная статья

УДК 811.161.1'37

ДЕФИНИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

Влада Вячеславовна Яркова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Пермь, Россия,
vladaiarikovaa@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье представлен дефиниционный анализ глагола инструментальной семантики русского языка *пилить*. Исследование основано на данных из различных лексикографических источников, включая толковые, фразеологические и синонимические словари и энциклопедии. Были изучены значения глагольной лексемы, выявлены ассоциации, пословицы, поговорки, синонимы, близкие по смыслу слова и выражения, семантические ассоциативы, установлены базовые семантические признаки глагола, а также описаны прототипические и непрототипические значения инструментальности. Дефиниционный анализ был дополнен методами семного анализа и вычислениями степени синонимичности, зафиксированных в словарях глагольных лексем. В рамках компонентного анализа были установлены ядерные (интегральные) семы, семы ближней и дальней периферий. Вычисления степени синонимичности определили степень близости глагола *пилить* к другим глагольным лексемам. Были установлены основные семантические признаки, такие как акциональность, целенаправленность, каузальность, каузативность, инструментальность, локутивность, интерактивность, которые актуализируются в ситуации с глаголом *пилить*. Полученные результаты демонстрируют широкий семантический потенциал рассматриваемого глагола.

Ключевые слова: функциональная грамматика, дефиниционный анализ, семантическая категория инструментальности, русский язык, глагол.

Для цитирования: Яркова В. В. Дефиниционный анализ глаголов инструментальной семантики // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 10–25.

Original article

DEFINITIONAL ANALYSIS OF VERBS OF INSTRUMENTAL SEMANTICS

Vlada V. Yarkova

HSE University, Perm, Russia, vladaiarikovaa@gmail.com

Abstract. The article provides a definition-based analysis of Russian instrumental verbs *пилить* (*to saw / cut or to nag*) as a case study. Various lexicographic sources, including explanatory, phraseological, and synonym dictionaries, as well as encyclopedias, are used. The research focuses on the meanings

recorded in the sources, identifies associations, proverbs, idiomatic expressions, semantically related words, and key semantic features of the verb. It also describes both prototypical and non-prototypical meanings of instrumentality. The definitional analysis is enhanced by componential analysis and synonymy degree calculations. The componential analysis identifies core (integral) semantic features, as well as peripheral ones. Calculations of the synonymy degree provide insights into the verb and its lexical proximity to other Russian verbs considered synonyms. The main semantic features such as rationality, purposefulness, causality, causativeness, instrumentality, locativity, interactivity, which are actualized in a situation with the verb *nag*, were identified. The findings highlight the broad semantic potential of the analyzed verb and its diverse range of uses.

Keywords: functional grammar, definition-based analysis, semantic category, instrumentality, Russian, verb.

For citation: Yarkova V. V. Definitional analysis of instrumental semantics verbs. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;2:10-25. (In Russ.).

Введение

Дефиниционный анализ инструментального глагола *пилить* выполнялся на основе следующих лексикографических источников: Большого толкового словаря русских глаголов Л. Г. Бабенко (далее БТСРГ-Б), Малого академического словаря А. П. Евгеньевой (далее МАС), Большого толково-фразеологического словаря М. И. Михельсона (далее БТФС-М), словаря «Культура речевого общения: Этика. Прагматика. Психология» Н. Н. Романовой и А. В. Филиппова (далее С-РиФ), Словаря автомобильного жаргона (далее САЖ), Словаря бизнес-сленга Е. Погребняка (далее СС-П), Словаря многих выражений (далее СМВ), Словаря русского арго В. С. Елистратова (далее СРО-Е), Словаря современного русского литературного языка (далее ССРЛЯ), Словаря современной лексики, жаргона и сленга (далее ССЛЖиС), Словаря сленга «Nacker's dictionary» В. К. Буракова (далее СС-Б), Толкового словаря русского языка Д. Н. Ушакова (далее ТС-У), Толкового словаря русского языка Д. В. Дмитриева (далее ТС-Д), Толкового словаря русского языка С. И. Ожегова (далее ТС-О), Толкового словаря русского языка Т. Ф. Ефремовой (далее ТС-Е), Словаря «Язык Одессы. Слова и фразы» В. Котова-Померанченко (далее ЯО-КП), Энциклопедического словаря (далее ЭС).

Помимо дефиниций, исследователями представлены ассоциации к глаголу, пословицы и поговорки, в которых используется данная лексема, синонимический ряд, близкие по смыслу выражения и семантические ассоциативы рассматриваемой единицы. В настоящей работе также представлены результаты семного анализа и расчеты степени синонимичности глагольных лексем.

Основная часть

В указанных словарях и энциклопедиях были выявлены следующие значения глагола:

I. Большой толковый словарь русских глаголов Л. Г. Бабенко (БТСРГ-Б):

1. что. Разделять на части кусок дерева, металла, камня и тому подобного с помощью пилы. Например: «Хозяин дачи вышел во двор посмотреть, как работники **пилят** доски». 2. (указывается несовершенная и совершенная формы глагола – *пилить* и *выпилить*) что. Делать (сделать) что-либо из дерева, металла, камня и тому подобного специальным инструментом в виде стальной пластины или диска с заостренными зубцами по краям. Например: «Отец привез целую машину дров, и нам пришлось **пилить** их до самой ночи»; «Умелые мастера украшали дома изысканным кружевом, которое **выпиливали** из особых пород дерева» [БТСРГ-Б].

II. Малый академический словарь А. П. Евгеньевой (МАС):

1. Разрезать пилой. Например: «*Пилить бревна*»; «[Старик] **пилил** кусок железа, и сыпались железные опилки»; «Виктор не **пилил** больше – пила висела на гвозде там, где ей полагалось висеть, а Виктор сидел в своем углу». // перен., разг. Изводить, донимать непрерывными попреками, придирками. Например: «– Разве это жизнь? **Пилят** с утра до ночи: дурак, да дурак! Это невыносимо наконец!» 2. перен., разг., неодобр. Играть на смычковом музыкальном инструменте. Например: «[Райский] подошел к форточке, отворил ее,дохнул свежим воздухом: до него донеслись звуки виолончели. – Ах, опять этот **пилит**! – с досадой сказал он»; «[Наташа:] В твою комнату я велю переселить Андрея с его скрипкой – пусть там **пилит**!» // Издавать однообразные резкие звуки (о насекомых). Например: «Ночная смена кузнечиков **пилит** и **пилит** на одной ноте: цвирь-дэвинь, цвирь-дэвинь – словно едет телега, поскрипывая разошедшимся, намазанным колесом». 3. разг. Стачивать верхние слои, края чего-либо, придавая нужную форму; опиливать. Например: «*Пилить* напильником деталь»; «Пилка плохо **пилит**» [МАС].

III. Большой толково-фразеологический словарь М. И. Михельсона (БТФС-М):

1. иноск. кого. Без конца укорять словами, докучать, не давать покоя. Например: «Ее двоюродный брат офицер, веселый малый... часто со смехом рассказывал, что когда ночью «супружница начинает **пилить**» его, то он обыкновенно берет подушку и, посвистывая, уходит к себе в кабинет»; «Рукам воли не давал, но подначальные говорили: не в пример бы легче было, ежели бы хозяин за всяко просто в ус да в рыло... А то **пилит-пилит**, ругается над тобой, ругается – не видно ни конца, ни краю...»; «Ты *coeur d'or et tête folle*. – «Да, татап меня за это всегда **пилит**, за мои *extravagances*», – жалобно проговорила Маша» [БТФС-М].

IV. Словарь «Культура речевого общения: Этика. Прагматика. Психология» Н. Н. Романовой и А. В. Филиппова (С-РиФ):

1. перен. Беспрерывно попрекать [С-РиФ].

V. Словарь автомобильного жаргона (САЖ):

1. ехать [САЖ].

VI. Словарь бизнес-сленга Е. Погребняка (СС-П):

1. Договариваться с акционерами и заинтересованными лицами о разделе бизнеса, обычно предприятия-банкрота или захваченного в результате недружественного поглощения. Например: «*Пилить активы*» [СС-П].

VII. Словарь многих выражений (СМВ):

1. что. Разрезать пилой какой-либо материал (дерево, камень, металл и тому подобное). Например: «*Пилить бревна*»; «*Пилить железную трубу*»; «*Пилить гранит*»; «Пила тупая, плохо **пилит**»; «*Пилить что-либо до мозолей на руке*. // разг. что. Резать что-либо ножом аналогично движениям пилой. Пример: «*Пилить сахар*». 2. разг. что. Стачивать верхние слои, края детали, предмета до нужного размера, формы. Например: «*Пилить* напильником заусеницы»; «*Пилить* напильником ногти». 3. разг. кого-что. Изводить, донимать непрерывными попреками, придирками; корить. Например: «*Пилить сына за двойку*»; «Жена **пилит** мужа»; «Попутчики **пилили** друг друга всю дорогу». 4. неодобр. Неумело играть на смычковом музыкальном инструменте, неприятно воздействуя на слух. Например: «Сосед с утра пораньше **пилит** на скрипке»; «Сколько можно **пилить** на баяне?» // Издавать однообразные резкие звуки (о насекомых). Например: «Кузнечики *трещат*, будто **пилят**» [СМВ].

VIII. Словарь русского арго В. С. Елистратова (СРО-Е):

(указывается две формы глагола – *пилить* и *пильнуть*) 1. кого. Вступать с кем-либо в половую связь (о мужчине). Например: «**Пильнул** и увильнул». 2. куда и без доп. Идти, шагать, двигаться, направляться куда-либо. Например: «Вон Дрюня (Андрей) **пилят**»; «**Пили** сюда». 3. что. Портить, изнашивать, неаккуратно обращаться. Например: «Не **пили** пластинку». 4. ср., уг. Перепродавать. Например: «Надо одну вещь **пильнуть** куда-нибудь»; «**Пильну** недорого» [СРО-Е].

IX. Словарь современного русского литературного языка (ССРЛЯ):

1. Разрезать пилой различные материалы (древесину, металл и тому подобное). Например: «Тут видели мы кузницу, еще **пилили** дерево, красили простую материю, продавали зелень, табак да разные сласти»; «Старик с одним глазом **пилил** кусок железа, и сыпались железные опилки»; «Он натаскал горбылей в угол двора, где стояли козлы, и с большой охотой взялся за дело. Но **пилил** он плохо: водил пилу рывками, косо»; «Начал Егор входить в хозяйство. Целые дни принялся он вокруг дома хлопотать: то молотком стучит, то тенором рубит, то пилой **пилят**»; «Мне кажется, что и пилку эту он сделал собственными руками, чтобы **пилила** бесшумно». // Профессионально заниматься пилкой, распиливанием чего-либо; быть пильщиком. Например: «– Я пильщик был... Я семнадцать лет бревна резал... **Пилить**, – это, дружба, не легкая занятия». // разг. Резать что-либо ножом, производя движения, как при пилении. Например: «– И сам иногда острит, даром что проездом здесь живет: зато как и острит! Ни дать, ни взять тупым ножом бечевку **пилят**»; «Горбушку хлеба **пилили** перочинным ножом». 2. Придавать нужную форму, подпиливая, стачивая верхние слои, края чего-либо. Например: «**Пилить** напильником детали»; «Для чего барин... чистит зубы пятью порошками, **пилят** ногти пилой – этого Гаврюшка не мог одолеть». 3. перен., разг. Изводить, донимать кого-либо непрерывными поучениями, придирками, бранью; корить, попрекать чем-либо. Например: «Ее отношения к дочери глубоко безнравственны: она каждую минуту **пилят** Машеньку и доводит ее до страшного нервного раздражения, до истерики своими непрерывными жалобами и попреками»; «До полдня проработали, позавтракать хотим. Приходит немец: «Только-то?...» И начал нас по-своему, не торопясь, **пилить**. Стояли мы голодные, а немец нас поругивал»; «[Иван Петрович] кутался в поднятый воротник пальто и внутренне **пилил** себя. Во-первых, на приветствие Персюкова ему следовало ответить как можно суше. Во-вторых, он недоумевал, каким образом все это так быстро случилось»; «Махнув на все рукою, я хотел начинать новую повесть, но не мог забыть потери и невольно всякую минуту **пилил** упреками и учителя и делателей хлопущек»; «Барон через несколько дней снова начал **пилить** Смарагда поучениями и требовать отчетности в делах его и поступках»; «Теперь **пилить** меня замужеством! – начала как бы сама с собою полушепотом Юлия. – Ну, скажите, ну, за кого я пойду?» 4. перен., разг. Играя на музыкальном инструменте (преимущественно смычковом), извлекать резкие, негармоничные звуки. Например: «[Райский] подошел к форточке, отворил ее,дохнул свежим воздухом: до него донеслись звуки виолончели. – Ах, опять этот **пилят**! – с досадой сказал он, глядя на противоположное окно флигеля»; «С тоски начал учиться играть на скрипке, **пилил** по ночам в магазине, смущая ночного сторожа и мышей»; «Анна Петровна пошла к жильцу унимать, чтобы не **пилил** на скрипке»; «Где лучшие? Музыкантов четыре. Один **пилят** на скрипке, другой на гармонии, третий на виолончели». // Издавать однообразные, негармоничные звуки (о музыкальных инструментах). Например: «Музыкантов пятеро: две

скрипки **пилят** с остервенением, виолончель вторит однообразными густыми нотами, контрабас ревет»; «Бабе снится, что в веселом кабаке Пьяный муж ее несет в трепаке... И руками, и плечами шевелит... А гармоника **пилит, пилит, пилит**». // Издавать однообразные, негармоничные звуки (о птицах, насекомых). Например: «Там, на лугах, летней ночью у кузнечиков была забота **пилить** в одну ноту, **пилить** и **пилить**»; «А кто это все **пилит** и **пилит**? – спросил Павлик. – Сверчок это, спи» [ССРЛЯ].

Х. Словарь современной лексики, жаргона и сленга (ССЛЖиС):

1. Продолжительно и в повышенном тоне учить, упрекать, высказывать недовольствие чем-либо. Например: «– Опять ты меня **пилишь**? – Да не **пилю** я тебя! – Вчера **пилил** и сегодня **пилишь**!» [ССЛЖиС].

ХІ. Словарь сленга В. К. Буракова (СС-Б):

1. Пытаться прочесть информацию с плохих дисков. Например: «**Пилить** диски» [СС-Б].

ХІІ. Толковый словарь Д. Н. Ушакова (ТС-У):

1. что. Разрезать твердое вещество (дерево, металл) пилой. Например: «**Пилить** дрова». 2. перен., разг., фам. кого-что. Мучить, донимать непрерывными попреками, придирадками. Например: «Часто со смехом рассказывал, что когда ночью «супружница начинает **пилить** его», то он обыкновенно берет подушку и, посвистывая, уходит в кабинет»; «Жена... бранила и **пилила** меня за это» [ТС-У].

ХІІІ. Толковый словарь русского языка Д. В. Дмитриева (ТС-Д):

1. Разрезать что-либо на части или срезать, отсоединять с помощью пилы. Например: «**Пилить** станет легче, если полотно пилы смазать воском»; «Строгать и **пилить** — моя любимая работа»; «На территории заповедника запрещено **пилить** лес». 2. разг. Упрекать кого-либо в чем-либо, ругать за что-либо. Например: «Хорошая жена мужа не **пилит**»; «Когда ты, наконец, прекратишь **пилить** меня?»; «Дурака сколько не **пили**, умнее не станет» [ТС-Д].

ХІV. Толковый словарь С. И. Ожегова (ТС-О):

1. что. Резать пилой, а также снимать слой металла напильником. Например: «**Пилить** доски». 2. перен., разг. кого-что. Беспрерывно упрекать, попрекать. Например: «**Пилить** мужа» [ТС-О].

ХV. Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой (ТС-Е):

1. Разрезать пилой различные материалы (древесину, металл и тому подобное). // Профессионально заниматься пилкой, распиливанием чего-либо; быть пыльщиком. // разг. Резать что-либо ножом, производя движения, как при пилении. 2. Придавать нужную форму, подпиливая, стачивая верхние слои, края чего-либо. 3. перен., разг. Изводить, донимать кого-либо непрерывными поучениями, придирадками, бранью; корить, попрекать чем-либо. 4. перен. разг. Плохо играя на смычковом музыкальном инструменте, извлекать резкие, негармоничные звуки [ТС-Е].

ХVІ. Труд «Язык Одессы. Слова и фразы» В. Котова-Померанченко (ЯО-КП):

1. Вступать с кем-либо в половой акт. Пример: «Я тебя точно **пилю**: лежишь подо мной, как бревно, и телик смотришь». 2. Ехать. Пример: «Впереди на мотоцикле с коляской **пилили** два милиционера. И он погнался за ними» [ЯО-КП].

ХVІІ. Энциклопедический словарь (ЭС):

1. что. Разрезать пилой какой-либо материал (дерево, камень, металл и тому подобное). Например: «**Пилить** бревна»; «**Пилить** железную трубу»; «**Пилить** гранит»; «Пила тупая, плохо **пилит**»; «**Пилить** что-либо до мозолей в руке». // разг. что. Резать что-либо ножом

аналогично движениям пилой. Например: «**Пилить** сахар». 2. разг. что. Стачивать верхние слои, края детали, предмета до нужного размера, формы. Например: «**Пилить** напильником заусеницы»; «**Пилить** напильником ногти». 3. разг. кого-что. Изводить, донимать непрерывными попреками, придирами; корить. Например: «**Пилить** сына за двойку»; «Жена **пилит** мужа»; «Попутчики **пилили** друг друга всю дорогу». 4. неодобр. Неумело играть на смычковом музыкальном инструменте, неприятно воздействуя на слух. Например: «Сосед с утра пораньше **пилит** на скрипке»; «Сколько можно **пилить** на баяне?» // Издавать однообразные резкие звуки (о насекомых). Пример: «Кузнечики **трещат**, будто **пилят**» [ЭС].

В представленных дефинициях глагольной лексемы были выявлены семы, входящие в ее семантический потенциал. Была составлена таблица (таб. 1), репрезентирующая обнаруженные нами семы (первый столбец таблицы), лексикографические источники (первая строка таблицы) и наличие (знак «+») или отсутствие (знак «-») фиксации данной семы в каждом использованном источнике.

Таблица 1. Семантический потенциал глагола *пилить*
(по данным лексикографических источников)

Слова	БТСРГ-Б	МАС	БТФС-М	С-РиФ	САЖ	СС-П	СМВ	СРО-Е	ССРЛЯ	ССЛЖиС	СС-Б	ТС-У	ТС-Д	ТС-О	ТС-Е	ЯО-КП	ЭС	
Упрекать, донимать	-	+	+	+	-	-	+	-	+	+	-	+	+	+	+	-	+	11
Разрезать пилой	+	+	-	-	-	-	+	-	+	-	-	+	+	+	+	-	+	9
Стачивать, опиливать	-	+	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	+	-	+	5
Играть на инструменте	-	+	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	+	+	-	-	5
Издавать резкие звуки	-	+	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	4
Ехать	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	2
Вступать в половую связь	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	2
Делить активы	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1

По данным таблицы, семы «упрекать, донимать» и «разрезать пилой» являются ядерными (интегральными), так как они зафиксированы в большинстве словарей и энциклопедий: сема «упрекать, донимать» зафиксирована в одиннадцати словарях, а сема «разрезать пилой» – в девяти словарях. Если семы «стачивать, опиливать» и «играть на инструменте» находятся в зоне ближней периферии (они зафиксированы в пяти словарях), то такие семы, как «ехать», «делить активы», «вступать в половую связь», рассматриваются нами как семы дальней периферии, так как они представлены только в отдельных лексикографических источниках: сема «вступать в половую связь» встречается в двух источниках, сема «ехать» – в одном словаре; сема «делить активы» – в одном словаре. Ограниченная фиксация значений слова может свидетельствовать о их новизне или о специфическом контексте их употребления. Глагол *пилить* демонстрирует расширение семантической структуры.

Глагол *пилить* вызывает ассоциации с такими словами, как *пила, опилки, пилорама, пилочка, бревно, древесина, деревяшка, точить, бревно, доски, дощечка, дрова, плотник, доска, ногти, рубить, резать, древесный, ствол* [kartaslov.ru].

В «Пословицах русского народа» В. И. Даля (далее ПРН-Даль) представлены следующие изречения: *пилить пилой, гнуться (дуться) спиной; деревянной пилой кого пилить* [ПРН-Даль]. В Большом словаре русских поговорок В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной (далее БСРП-МиН) фиксируется ряд выражений с данным глаголом: *пилить гири* (жарг., мол, неодобр. или шутол., в значении «бездельничать»); *пилить доски* (жарг., угол., ирон., в значении «готовиться к смерти, умирать»); *пилить дым у Шаталова* (яросл., шутол.-ирон., в значении «бездельничать»); *пилить зубы* (сиб., пренебр., в значении «болтать попусту»); *пилить лещиновой пилой* (ворон., в значении «просить подавание, побираться»); *отправить в тайгу грибы окучивать (сосны лобзиком пилить)* (жарг., мол., в значении «наказывать кого-либо») [БСРП-МиН].

Синонимический ряд рассматриваемой глагольной лексемы был составлен при помощи Нового объяснительного словаря синонимов русского языка (далее НОССРЯ), Онлайн-словаря русских синонимов (далее ОСРС), Словаря русских синонимов «Контекст 5.0» (далее СРСК), Словаря русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова (далее СРС-А), Словаря русских синонимов (далее СРС), Словаря синонимов русского языка З. Е. Александровой (далее ССРЯ-А) и электронного ресурса «Карта слов и выражений русского языка» (далее kartaslov.ru) и Онлайн-синонимайзера (далее sinonim.org), при разработке которого был использован Словарь синонимов В. Н. Тришина. Глагол *пилить* имеет следующий ряд синонимов: *резать* [ОСРС; СРС; СРС-А; kartaslov.ru; sinonim.org]; *упрекать* [ОСРС; СРС; ССРЯ-А; kartaslov.ru; sinonim.org]; *бранить* [СРС; СРС-А; kartaslov.ru; sinonim.org]; *играть* [СРС; ССРЯ-А; kartaslov.ru; sinonim.org]; *пиливать* [ОСРС; СРСК; СРС; kartaslov.org; sinonim.org]; *есть, распекать, вставлять, перепиливать* [ОСРС; СРС; kartaslov.org; sinonim.org]; *ругать* [НОССРЯ; СРС; sinonim.org]; *грызть, драить, дрючить, распиливать, иметь* [СРС; kartaslov.org; sinonim.org]; *испиливать* [ОСРС; СРС; sinonim.org]; *факать, сношать, пердолить, пендюрить, дрюкать, харить* [СРС; sinonim.org]; *любить, надоедать, корить* [kartaslov.org; sinonim.org]; *трахать* [СРС]; *пить, напиваться, лакать, глотать, хлебать, рубить, валить, съедать, жарить, скоблить, точить, кромсать, закусывать, съедавать, закусывать, закусить, колоть, кромсать, разносить, крошить, дупить, попадать, целить, быть, заводить, развлекать, ладить, возиться, говорить, гвоздить, запрещать, вкушать, наслаждаться, возиться, таскать, держать, пристраивать, скоблить, скрести, чистить, драить, утюжить, мучить, изводить, перебрасываться, обмениваться, перекидываться, давать, проваливать, толкать, шпынять, возиться, завинчивать, пригонять, резаться, разыграть, сорить, прорабатывать, отделявать, строить, примерять, кроить, приспособлять, дудеть, подлаживать, приноравливать, разделять, представлять, выступать, награждать, прилаживать* [kartaslov.ru]; *разрезать, ехать, доставать, корить, донимать, попрекать, подпиливать, перепиливать, клюжить, вжикать, попиливать, пилюкать, шпилить* [sinonim.org]. Для вычисления степени синонимичности (ISyn) из синонимического ряда были отобраны наиболее частотные глагольные лексемы (то есть лексемы, которые зафиксированы в пяти или четырех словарях) и использована следующая формула:

$$ISyn = 1 / (\sum (N / QD)),$$

где: ISyn – степень синонимичности лексемы; N – порядковый номер лексемы в каждом из словарей; QD – общее количество словарей, использованных для анализа; $\sum (N / QD)$ – сумма долей порядковых номеров во всех словарях. Если лексема не была обнаружена в

словаре, то для удобства расчетов ее отсутствие выражалось как $N_{\max} + 1$, где N_{\max} – максимальное число во всей таблице. Данная формула демонстрирует следующее: чем ближе показатель степени синонимичности к 1, тем выше степень ее проявленности. Нами была составлена таблица с полученными результатами (табл. 2).

Таблица 2. Синонимический ряд глагола *пилить*

Словарь Лексема	НОСРЯ	ОСРС	СРСК	СРС-А	СРС	ССРЯ-А	kartaslov.ru	sinonim.org	ISyn
Бранить	2	13	81	1	13	81	59	19	0,029739776
Резать	81	2	81	2	2	81	13	9	0,029520295
Упрекать	81	9	81	81	9	2	57	10	0,024242424
Есть	81	1	81	81	1	81	10	6	0,023391812
Пиликать	81	4	1	81	4	81	73	22	0,023054755
Играть	81	14	81	81	14	1	64	18	0,022598870
Перепиливать	81	7	81	81	7	81	5	35	0,021164021
Вставлять	81	5	81	81	5	81	62	12	0,019607843
Распекать	81	3	81	81	3	81	80	21	0,018561484

По данным таблицы, в качестве ядра выступают такие лексемы, как *бранить*, *резать* и *упрекать*; в зоне ближней периферии находятся лексемы *есть*, *пилика́ть* и *играть*; в зоне дальней периферии – лексемы *перепиливать*, *вставлять* и *распекать*.

Выделяется ряд близких по смыслу выражений: *колоть глаза* [ОСРС; СРС; kartaslov.ru; sinonim.org]; *кидать палку* [СРС; kartaslov.ru; sinonim.org]; *играть на нервах* [kartaslov.ru; sinonim.org]; *читать нотацию* [kartaslov.ru]; *ездить по ушам*, *капать на мозг*, *капать на мозги*, *играть на нервах*, *изводить придирками*, *донимать попреками*, *донимать нравоучениями* [sinonim.org].

Семантическими ассоциативами глагола являются следующие единицы: *строгать* (0,748022), *обтесывать* (0,698107), *распиливать* (0,697451), *тесать* (0,663484), *рубить* (0,655565), *колоть* (0,619466), *стругать* (0,617675), *тюкать* (0,615833), *скоблить* (0,608234), *обтачивать* (0,60575) [НКРЯ]. Под семантическим ассоциативом понимается лексическая единица, контексты употребления которой схожи с контекстами употребления рассматриваемой лексической единицы, то есть ключевого слова. Чем ближе значение лексической единицы к 1, тем более схожи их контексты [там же].

Используемые лексикографические источники фиксируют от одного до четырех значений глагола, что говорит о его *многозначности* или *полисемии*. Выявленные значения делятся на прямые и переносные.

В прямых значениях лексема определяется с помощью глаголов *резать* [СМВ; ТС-О; ТС-Е; ЭС], *разрезать* [МАС; СМВ; ССРЛЯ; ТС-У; ТС-Д; ТС-Е; ЭС], *стачивать* [МАС; СМВ; ССРЛЯ; ТС-Е; ЭС], *разделять*, *делать*, *сделать* [БТСРГ-Б], *опиливать* [МАС], *заниматься (пилкой)*, *придавать (нужную форму)*, *подпиливать* [ССРЛЯ; ТС-Е], *срезать*, *отсоединить* [ТС-Д], *снимать (слой)* [ТС-О]. В переносных значениях лексическая единица толкуется с помощью глаголов *донимать* [МАС; СМВ; ССРЛЯ; ТС-У; ТС-Е; ЭС], *изводить*

[МАС; СМВ; ССРЛЯ; ТС-Е; ЭС], *корить, играть (на музыкальном инструменте)* [МАС; СМВ; ССРЛЯ; ТС-Е; ЭС], *издавать (звуки)* [МАС; СМВ; ССРЛЯ; ЭС], *попрекать* [ССРЛЯ; ТС-О; ТС-Е], *извлекать (звуки)* [ССРЛЯ; ТС-Е], *укорять, докучать, не давать покоя* [БТФС-М], *попрекать* [С-РиФ], *ехать* [САЖ; ЯО-КП], *договариваться* [СС-П], *вступать (в половой акт)* [СРО-Е; ЯО-КП], *идти, шагать, двигаться, направляться, портить, изнашивать, обращаться, перепродавать* [СРО-Е], *упрекать* [ССЛЖиС; ТС-Д; ТС-О], *учить, высказывать (недовольствие)* [ССЛЖиС], *(попытаться) прочитать* [СС-Б], *мучить* [ТС-У], *ругать* [ТС-Д], *воздействовать* [СМВ; ЭС]. Что в прямых, что в переносных значениях глагол выражает определенный вид деятельности, то есть обладает семантическим признаком *акциональности*: «кто-то / что-то делает что-то».

Дефиниции из лексикографических источников отражают деятельность целенаправленного характера: «кто-то / что-то делает что-то для достижения определенного результата». Цель может быть не очевидна, но она всегда обусловлена ситуацией: «*Хозяин дачи вышел во двор посмотреть, как работники **пилят** доски*» (цель – заработать деньги, выполнив работу); «*Отец привез целую машину дров, и нам пришлось **пилить** их до самой ночи*» (цель – выполнить работу, напилить доски, например, для строительства); «*Умелые мастера украшали дома изысканным кружевом, которое **выпиливали** из особых пород дерева*» (цель – выполнить часть работы, украсить дом) [БТСРГ-Б]; «***Пилить** напильником деталь*» (цель – придать детали нужную форму) [МАС]; «***Пилить** активы*» (цель – получить выгоду, заработать) [СС-П]; «***Пильнул** и увильнул*» (цель – получить физическое удовольствие); «*Надо одну вещь **пильнуть** куда-нибудь*» (цель – заработать) [СРО-Е]; «*Начал Егор входить в хозяйство. Целые дни принялся он вокруг дома хлопотать: то молотком стучит, то тенором рубит, то пилой **пилит***» (цель – привести хозяйство в порядок); «*С тоски начал учиться играть на скрипке, **пилил** по ночам в магазине, смущая ночного сторожа и мышей*» (цель – научиться играть на скрипке) [ССРЛЯ]; «***Пилить** диски*» (цель – прочитать информацию, которая сохранена на дисках) [СС-Б]; «*Когда ты, наконец, прекратишь **пилить** меня?*» (цель – побудить объект что-то сделать) [ТС-Д]; «*Впереди на мотоцикле с коляской **пилили** два милиционера*» (цель – добраться до определенного места) [ЯО-КП]; «***Пилить** напильником заусеницы*» (цель – убрать заусеницы); «***Пилить** напильником ногти*» (цель – придать ногтям нужную форму); «***Пилить** что-либо до мозолей в руке*» (цель – много напилить) [СМВ; ЭС].

Речевое действие, реализованное глаголом в переносном значении, может быть обусловлено причиной, которая, в свою очередь, связана с целеполаганием и каузативностью. В качестве причины выступает совершенное объектом действие, которое считается неприемлемым с точки зрения субъекта: «кто-то / что-то упрекает / ругает кого-то / что-то за что-то»: «***Пилить** сына за двойку*» (причина – ребенок получил плохую оценку в школе; цель – побудить, замотивировать ребенка учиться и стараться получать хорошие оценки) [СМВ; ЭС]; «*Ты coeur d'or et tête folle. – «Да, татап меня за это всегда **пилят**, за moi extravagances», – жалобно проговорила Маша*» (причина – поведение объекта, которое не совпадает с ожиданиями субъекта; цель – побудить объект вести себя по-другому, так, как хочет субъект) [БТФС-М]; «*[Иван Петрович] кутался в поднятый воротник пальто и внутренне **пилил** себя. Во-первых, на приветствие Персюкова ему следовало ответить как можно суше. ..Во-вторых, он недоумевал, каким образом все это так быстро случилось*» (причина – субъект ответил на приветствие не так, как планировал изначально; цель – проучить себя, побудить себя больше так не делать); «*Махнув на все рукою, я хотел*

начинать новую повесть, но не мог забыть потери и невольно всякую минуту **пилил** упреками и учителя и делателей хлопушек» (причина – потери; цель – побудить себя больше так не делать); «Барон через несколько дней снова начал **пилить** Смарагда поучениями и требовать отчетности в делах его и поступках» (причина – дела и поступки объекта; цель – побудить объекта больше так не делать) [ССРЛЯ]; «Жена... бранила и **пилила** меня за это» (причина – объект сделал что-то неподобающее; цель – побудить объект больше так не делать) [ТС-У]; «Дурака сколько не **пили**, умнее не станет» (причина – объект ведет как дурак, то есть как глупый, ограниченный человек; цель – побудить объект вести себя по-другому, так, как приемлемо с позиции субъекта) [ТС-Д].

Целенаправленный характер действия, выраженного глаголом, предполагает использование субъектом *средства*: «кто-то / что-то делает что-то с помощью кого-то / чего-то для достижения определенного результата».

Прямые значения глагола рассматриваются как прототипические значения инструментальности. При актуализации глаголом прямых значений средством достижения цели может являться *пила* (в значении «острый инструмент в виде стальной зубчатой пластины или острой цепи (обычно с рукояткой или рукоятками), предназначенный для разрезания дерева, металла и других материалов» или «механизм, станок с острой зубчатой пластиной, предназначенный для разрезания дерева, металла и другой материалов» [БТСРС-Б]) [БТСРГ-Б; МАС; СМВ; ССРЛЯ; ТС-У; ТС-Д; ТС-О; ТС-Е; ЭС], *специальный инструмент в виде стальной пластины или диска с заостренными зубцами по краям* [БТСРГ-Б], *нож* (в значении «орудие для резания: металлическая полоса с острым краем, закрепленная в черенке-ручке» [РГЭС]) [СМВ; ЭС], *напильник* (в значении «многолезвийный металлорежущий инструмент для снятия небольших слоев металла, а также для обработки древесины, кож, резины и других материалов» [БПЭ-Р]) [ТС-О]. Действия, реализованные глаголом в прямых значениях, также предполагают использование неотчужденных орудий, частей тела человека (например, рук).

Переносные значения являются непрототипическими значениями инструментальности. При актуализации глаголом переносных значений «изводить, донимать непрерывными попреками, придирами; без конца укорять словами, докучать, не давать покоя; непрерывно попрекать; корить; донимать кого-либо непрерывными поучениями, придирами, бранью; продолжительно и в повышенном тоне учить, упрекать, высказывать недовольство чем-либо; мучить; ругать за что-либо» и «договариваться с акционерами и заинтересованными лицами о разделе бизнеса, обычно предприятия-банкрота или захваченного в результате недружественного поглощения» средством является *речь* (в значении «конкретное говорение, протекающее во времени и облеченное в звуковую (включая внутреннее проговаривание) или письменную форму» [ЛЭС-Я]): «– Разве это жизнь? **Пилят** с утра до ночи: дурак, да дурак! Это невыносимо наконец!» [МАС]; «Ее двоюродный брат офицер, веселый малый... часто со смехом рассказывал, что когда ночью «супружница начинает **пилить**» его, то он обыкновенно берет подушку и, посвистывая, уходит к себе в кабинет» [БТФС-М; ТС-У]; «Рукам воли не давал, но подначальные говорили: не в пример бы легче было, ежели бы хозяин за всяко просто в ус да в рыло... А то **пилят-пилят**, ругается над тобой, ругается – не видно ни конца, ни краю...» [БТФС-М]; «**Пилить** сына за двойку»; «Жена **пилят** мужа»; «Попутчики **пилили** друг друга всю дорогу» [СМВ; ЭС]; «Ее отношения к дочери глубоко безнравственны: она каждую минуту **пилят** Машеньку и доводит ее до страшного нервного раздражения, до истерики своими непрерывными

жалобами и попреками»; «До полдня проработали, позавтракать хотим. Приходит немец: «Только- то?...» И начал нас по-своему, не торопясь, **пили**. Стояли мы голодные, а немец нас поругивал»; «[Иван Петрович] кутался в поднятый воротник пальто и внутренне **пилил** себя. Во-первых, на приветствие Персюкова ему следовало ответить как можно суше. Во-вторых, он недоумевал, каким образом все это так быстро случилось»; «Махнув на все рукою, я хотел начинать новую повесть, но не мог забыть потери и невольно всякую минуту **пилил** упреками и учителя и делателей хлопущек»; «Барон через несколько дней снова начал **пили** Смарагда поучениями и требовать отчетности в делах его и поступках»; «Теперь **пили** меня замужеством! – начала как бы сама с собою полушепотом Юлия. – Ну, скажите, ну, за кого я пойду?» [ССРЛЯ]; «– Опять ты меня **пилишь**? – Да не **пилю** я тебя! – Вчера **пилил** и сегодня **пилишь**!» [ССЛЖиС]; «Жена... бранила и **пилила** меня за это» [ТС-У]; «Хорошая жена мужа не **пилит**»; «Когда ты, наконец, прекратишь **пили** меня?»; «Дурака сколько не **пили**, умнее не станет» [ТС-Д]; «**Пили** мужа» [ТС-О]; «**Пили** активы» [СС-П].

При актуализации глаголом переносного значения «играть на смычковом музыкальном инструменте; неумело играть на смычковом музыкальном инструменте, неприятно воздействуя на слух; играя на музыкальном инструменте (преимущество смычковом), извлекать резкие, негармоничные звуки» средством является музыкальный инструмент (например, скрипка, альт, виолончель, контрабас и тому подобное): «[Райский] подошел к форточке, отворил ее,дохнул свежим воздухом: до него донеслись звуки виолончели. – Ах, опять этот **пилит**! – с досадой сказал он» (средство – виолончель) [МАС; ССРЛЯ]; «[Наташа:] В твою комнату я велю переселить Андрея с его скрипкой – пусть там **пилит**!» (средство – скрипка) [МАС]; «Сосед с утра пораньше **пилит** на скрипке» (средство – скрипка); «Сколько можно **пили** на баяне?» (средство – баян) [СМВ; ЭС]; «С тоски начал учиться играть на скрипке, **пилил** по ночам в магазине, смущая ночного сторожа и мышей» (средство – скрипка); «Анна Петровна пошла к жильцу унимать, чтобы не **пилил** на скрипке» (средство – скрипка); «Где лучшие? Музыкантов четыре. Один **пилит** на скрипке, другой на гармонии, третий на виолончели» (средство – скрипка) [ССРЛЯ].

При актуализации глаголом переносного значения «издавать однообразные, негармоничные звуки (о музыкальных инструментах)» наблюдается персонификация, то есть средство, являясь неодушевленным предметом, выступает в качестве субъекта, выполняющего действие: «Музыкантов пятеро: две скрипки **пилят** с остервенением, виолончель вторит однообразными густыми нотами, контрабас ревет» (субъект – две скрипки = два человека, играющие на скрипке); «Бабе снится, что в веселом кабаке Пьяный муж ее несет в трепаке... И руками, и плечами шевелит... А гармоника **пилит, пилит, пилит**» (субъект – гармоника, духовой музыкальный инструмент = человек, играющий на гармонике) [ССРЛЯ].

При реализации переносного значения «ехать» средством будет являться транспортное средство (в значении «устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем» [СОфТ]): «Впереди на мотоцикле с коляской **пилили** два милиционера. И он погнался за ними» (средство – мотоцикл) [ЯО-КП].

При актуализации глаголом переносных значений «идти, шагать, двигаться, направляться куда-либо» и «портить, изнашивать, неаккуратно обращаться» средством выступают неотчужденные орудия, то есть части тела человека (например, ноги, руки и тому подобное): «Вон Дрюня (Андрей) **пилит**»; «**Пили** сюда» (средство – ноги); «Не **пили** пластинку» (предположительно, средство – руки) [СРО-Е].

При актуализации глаголом переносного значения «перепродавать» средством может являться как речь, так и части тела человека: «*Надо одну вещь **пилить** куда-нибудь*»; «***Пилить** недорого*» [СРО-Е]. При актуализации глаголом переносного значения «пытаться прочесть информацию с плохих дисков» средством, прежде всего, выступает компьютер (в значении «устройство, обрабатывающее данные (информацию), следуя ряду команд» [НТЭС]): «***Пилить** диски*» [СС-Б]. Ряд действий, реализованных глаголом *пилить*, предполагает использование не только определенного, специализированного средства, но и совокупности неотчужденных орудий, частей тела человека: игра на музыкальном инструменте, езда на транспортном средстве, использование компьютера.

Речевое действие, реализованное глаголом в значении «изводить, донимать непрерывными попреками, придирками; корить», может предполагать активное взаимодействие субъекта и объекта. Субъект воздействует на объект так же, как объект воздействует на субъект: «*Попутчики **пилили** друг друга всю дорогу*» [СМВ; ЭС].

Стоит отметить, что во внимание исследователей не берется значение глагола «издавать однообразные, резкие звуки (о насекомых, птицах)», так как данная ситуация предполагает порождение сигнала рефлекторно-автоматического характера, то есть глагол не выражает языковое значение. Под языковым значением понимается «информация, передаваемая адресантом с использованием языковых единиц (конструкций, создаваемых на базе языковых единиц) и предназначенная для того или иного адресата с целью изменить его базу знаний и / или манипулировать им» [Касевич 2019: 34].

Заключение

Представленный в настоящей работе дефиниционный анализ позволил изучить значения, зафиксированные в используемых словарях и энциклопедиях, выявить ассоциации к глаголу *пилить*, пословицы и поговорки с данным глаголом, синонимический ряд, близкие по смыслу выражения и семантические ассоциативы лексемы, а также установить основные семантические признаки, такие как акциональность, целенаправленность, каузальность, каузативность, инструментальность, локутивность, интерактивность. Анализ показал, что глагол *пилить* обладает полисемией, охватывает широкий спектр значений, где может актуализироваться как опредмеченная, так и неопредмеченная формы инструментальности. Методы семного анализа позволили выявить семы, отражающие как прямые, так и переносные значения, определить ядерные и периферийные семы. Вычисления степени синонимичности определили степень близости глагола *пилить* к другим глагольным лексемам. Полученные результаты исследования демонстрируют широкий семантический потенциал рассматриваемого нами глагола.

Список принятых обозначений и сокращений

- БПЭ-Р – Большая политехническая энциклопедия В. Д. Рязанцева.
- БСРП-МиН – Большой словарь русских поговорок В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной.
- БТСРГ-Б – Большой толковый словарь русских глаголов Л. Г. Бабенко.
- БТФС-М – Большой толково-фразеологический словарь М. И. Михельсона.
- ЛЭС-Я – Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В. Н. Ярцевой.
- МАС – Малый академический словарь А. П. Евгеньевой.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка.
- НОССРЯ – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка.

НТЭС – Научно-технический энциклопедический словарь.

ОСРС – Онлайн-словарь русских синонимов.

ПРН-Даль – Сборник пословиц «Пословицы русского народа» В. И. Даля.

РГЭС – Российский гуманитарный энциклопедический словарь.

САЖ – Словарь автомобильного жаргона.

СМВ – Словарь многих выражений.

СОфТ – Словарь официальной терминологии на Академик.ру.

С-РиФ – Словарь «Культура речевого общения: Этика. Прагматика. Психология»

Н. Н. Романовой и А. В. Филиппова.

СРО-Е – Словарь русского арго В. С. Елистратова.

СРС – Словарь русских синонимов.

СРС-А – Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова.

СРСК – Словарь русских синонимов «Контекст 5.0».

СС-Б – Словарь сленга «Hacker's dictionary» В. К. Буракова.

ССЛЖиС – Словарь современной лексики, жаргона и сленга.

СС-П – Словарь бизнес-сленга Е. Погребняка.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка.

ССРЯ-А – Словарь синонимов русского языка З. Е. Александровой.

ТС-Д – Толковый словарь русского языка Д. В. Дмитриева.

ТС-Е – Толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой.

ТС-О – Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова.

ТС-У – Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова.

ЭС – Энциклопедический словарь.

ЯО-КП – Словарь «Язык Одессы. Слова и фразы» В. Котова-Померанченко.

kartaslov.ru – Электронный ресурс «Карта слов и выражений русского языка».

sinonim.org – Онлайн-синонимайзер на основе Словаря синонимов В. Н. Тришина.

Список литературы

1. Большой словарь русских поговорок В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/proverbs/> (дата обращения: 10.12.2024).
2. Большой толково-фразеологический словарь М. И. Михельсона. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_new/ (дата обращения: 10.12.2024).
3. Большой толковый словарь русских глаголов Л. Г. Бабенко. URL: https://verbs_ru.academic.ru/ (дата обращения: 10.12.2024).
4. Большой толковый словарь русских существительных Бабенко Л. Г. URL: https://noun_ru.academic.ru/ (дата обращения: 10.12.2024).
5. Даль В. И. Пословицы русского народа. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dahl_proverbs/ (дата обращения: 10.12.2024).
6. Касевич В. Б. Проблемы семантики. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. 304 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В. Н. Ярцевой. URL: <https://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 10.12.2024).
8. Малый академический словарь под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/mas/> (дата обращения: 10.12.2024).
9. Научно-технический энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ntes/> (дата обращения: 10.12.2024).
10. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: ноябрь – декабрь 2024).
11. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. URL: https://synonims_pic.academic.ru/ (дата обращения: 10.12.2024).

12. Онлайн-синонимайзер на основе Словаря синонимов В. Н. Тришина. URL: <https://sinonim.org/> (дата обращения: 10.12.2024).
13. Онлайн-словарь русских синонимов. URL: <https://synonymonline.ru/> (дата обращения: 10.12.2024).
14. Российский гуманитарный энциклопедический словарь. URL: <https://1597.slovaronline.com/> (дата обращения: 10.12.2024).
15. Рязанцев В. Д. Большая политехническая энциклопедия. М. : ООО «Издательство «Мир и Образование», 2011. 704 с.
16. Словарь «Культура речевого общения: Этика. Прагматика. Психология» Н. Н. Романовой и А. В. Филиппова. URL: https://speech_culture.academic.ru/ (дата обращения: 10.12.2024).
17. Словарь «Язык Одессы. Слова и фразы» В. Котова-Померанченко. URL: https://odessa_slang.academic.ru/ (дата обращения: 10.12.2024).
18. Словарь автомобильного жаргона. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/avto/> (дата обращения: 10.12.2024).
19. Словарь бизнес-сленга Е. Погребняка. URL: https://business_slang.academic.ru/ (дата обращения: 10.12.2024).
20. Словарь многих выражений. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/many-expressions-dictionary/index.htm> (дата обращения: 10.12.2024).
21. Словарь официальной терминологии на Академик.ру. URL: <https://official.academic.ru/> (дата обращения: 10.12.2024).
22. Словарь русских синонимов «Контекст 5.0». URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/ (дата обращения: 10.12.2024).
23. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова. URL: <https://synonym.slovaronline.com/> (дата обращения: 10.12.2024).
24. Словарь русских синонимов. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/ (дата обращения: 10.12.2024).
25. Словарь русского арго В. С. Елистратова. URL: https://russian_argo.academic.ru/ (дата обращения: 10.12.2024).
26. Словарь синонимов русского языка З. Е. Александровой. URL: <https://lexicography.online/synonymy/aleksandrova/> (дата обращения: 10.12.2024).
27. Словарь сленга «Hacker's dictionary» В. К. Буракова. URL: <https://hacker.en-academic.com/> (дата обращения: 10.12.2024).
28. Словарь современного русского литературного языка. URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/346> (дата обращения: 10.12.2024).
29. Словарь современной лексики, жаргона и сленга. URL: <https://argo.academic.ru/> (дата обращения: 10.12.2024).
30. Толковый словарь русского языка Д. В. Дмитриева. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/dmitriev/> (дата обращения: 10.12.2024).
31. Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 10.12.2024).
32. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (дата обращения: 10.12.2024).
33. Толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 10.12.2024).
34. Электронный ресурс «Карта слов и выражений русского языка». URL: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 10.12.2024).

References

1. Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok V. M. Mokienko, T. G. Nikitinoy [A Large Dictionary of Russian Proverbs by V. M. Mokienko, T. G. Nikitina]. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/proverbs/> (accessed: 10.12.2024).
2. Bol'shoy tolkovo-frazeologicheskii slovar' M. I. Mikhel'sona [The Great Explanatory Phraseological Dictionary of M. I. Mikhelson]. (In Russ.). Available at: https://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_new/ (accessed: 10.12.2024).
3. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh glagolov L. G. Babenko [Large explanatory dictionary of Russian verbs L. G. Babenko]. (In Russ.). Available at: https://verbs_ru.academic.ru/ (accessed: 10.12.2024).
4. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh Babenko L. G. [Large explanatory dictionary of Russian nouns Babenko L. G.]. (In Russ.). Available at: https://noun_ru.academic.ru/ (accessed: 10.12.2024).
5. Dal' V. I. Poslovitsy russkogo naroda [Dahl V. I. Proverbs of the Russian people]. (In Russ.). Available at: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dahl_proverbs/ (accessed: 10.12.2024).
6. Kasevich V. B. Problemy semantiki [Problems of semantics]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskiy universitet, 2019, 304 p.
7. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' pod red. V. N. Yartsevoy [Linguistic Encyclopedic Dictionary edited by V. N. Yartseva]. (In Russ.). Available at: <https://tapemark.narod.ru/les/> (accessed: 10.12.2024).
8. Malyy akademicheskii slovar' pod red. A. P. Evgen'evoy [Small academic dictionary edited by A. P. Evgenyeva]. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/mas/> (accessed: 10.12.2024).
9. Nauchno-tekhnicheskii entsiklopedicheskii slovar' [Scientific and technical encyclopedic dictionary]. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ntes/> (accessed: 10.12.2024).
10. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. (In Russ.). Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: noyabr' – dekabr' 2024).
11. Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. (In Russ.). Available at: https://synonims_pic.academic.ru/ (accessed: 10.12.2024).
12. Onlayn-sinonimayzer na osnove Slovary sinonimov V. N. Trishina [Online synonymizer based on the Dictionary of Synonyms by V. N. Trishin]. (In Russ.). Available at: <https://sinonim.org/> (accessed: 10.12.2024).
13. Onlayn-slovar' russkikh sinonimov [Online dictionary of Russian synonyms]. (In Russ.). Available at: <https://synonymonline.ru/> (accessed: 10.12.2024).
14. Rossiyskiy gumanitarnyy entsiklopedicheskii slovar' [Russian Humanitarian Encyclopedic Dictionary]. (In Russ.). Available at: <https://1597.slovaronline.com/> (accessed: 10.12.2024).
15. Ryazantsev V. D. Bol'shaya politekhnicheskaya entsiklopediya [The Great Polytechnic Encyclopedia]. Moscow, Izdatel'stvo «Mir i Obrazovanie», 2011, 704 p.
16. Slovar' «Kul'tura rechevogo obshcheniya: Etika. Pragmatika. Psikhologiya» N. N. Romanovoy i A. V. Filippova [Dictionary "Culture of speech communication: Ethics. Pragmatics. Psychology" by N. N. Romanova and A. V. Filippov]. (In Russ.). Available at: https://speech_culture.academic.ru/ (accessed: 10.12.2024).
17. Slovar' «Yazyk Odessy. Slova i frazy» V. Kotova-Pomeranchenko [Dictionary "Language of Odessa. Words and Phrases" by V. Kotov-Pomeranchenko]. (In Russ.). Available at: https://odessa_slang.academic.ru/ (accessed: 10.12.2024).
18. Slovar' avtomobil'nogo zhargona [Dictionary of Automotive Jargon]. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/avto/> (accessed: 10.12.2024).
19. Slovar' biznes-slenga E. Pogrebnyaka [Dictionary of business slang by E. Pogrebnyak]. (In Russ.). Available at: https://business_slang.academic.ru/ (accessed: 10.12.2024).
20. Slovar' mnogikh vyrazheniy [Dictionary of many expressions]. (In Russ.). Available at: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/many-expressions-dictionary/index.htm> (accessed: 10.12.2024).

21. Slovar' ofitsial'noy terminologii na Akademik.ru [Dictionary of official terminology on Academician.ru]. (In Russ.). Available at: <https://official.academic.ru/> (accessed: 10.12.2024).
22. Slovar' russkikh sinonimov «Kontekst 5.0» [Dictionary of Russian synonyms "Context 5.0"]. (In Russ.). Available at: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/ (accessed: 10.12.2024).
23. Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazheniy N. Abramova [Dictionary of Russian synonyms and similar expressions by N. Abramov]. (In Russ.). Available at: <https://synonym.slovaronline.com/> (accessed: 10.12.2024).
24. Slovar' russkikh sinonimov [Dictionary of Russian synonyms]. (In Russ.). Available at: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/ (accessed: 10.12.2024).
25. Slovar' russkogo argo V. S. Elistratova [Dictionary of Russian Argot by V. S. Elistratov]. (In Russ.). Available at: https://russian_argo.academic.ru/ (accessed: 10.12.2024).
26. Slovar' sinonimov russkogo yazyka Z. E. Aleksandrovoy [Dictionary of synonyms of the Russian language Z. E. Alexandrova]. (In Russ.). Available at: <https://lexicography.online/synonymy/aleksandrova/> (accessed: 10.12.2024).
27. Slovar' slenga «Hacker's dictionary» V. K. Burakova [Slang dictionary "Hacker's dictionary" by V. K. Burakov]. (In Russ.). Available at: <https://hacker.en-academic.com/> (accessed: 10.12.2024).
28. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of the modern Russian literary language]. (In Russ.). Available at: <https://iling.spb.ru/dictionaries/346> (accessed: 10.12.2024).
29. Slovar' sovremennoy leksiki, zhargona i slenga [Dictionary of modern vocabulary, jargon and slang]. (In Russ.). Available at: <https://argo.academic.ru/> (accessed: 10.12.2024).
30. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka D. V. Dmitrieva [Explanatory Dictionary of the Russian Language by D. V. Dmitriev]. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/dmitriev/> (accessed: 10.12.2024).
31. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka D. N. Ushakova [Explanatory Dictionary of the Russian Language by D. N. Ushakov]. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (accessed: 10.12.2024).
32. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka S. I. Ozhegova [Explanatory dictionary of the Russian language S. SO. Ozhegova]. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (accessed: 10.12.2024).
33. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka T. F. Efremovoy [Explanatory Dictionary of the Russian Language by T. F. Efremova]. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (accessed: 10.12.2024).
34. Elektronnyy resurs «Karta slov i vyrazheniy russkogo yazyka» [Electronic resource "Map of words and expressions of the Russian language"]. (In Russ.). Available at: <https://kartaslov.ru/> (accessed: 10.12.2024).

Информация об авторе

В. В. Яркова – ассистент, Департамент иностранных языков,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Information about the author

V. V. Yarkova – Assistant, Department of Foreign Languages,
National Research University Higher School of Economics.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 25.03.2025.

The article was submitted 10.02.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 25.03.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 26–39.
Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 1. P. 26-39.

Научная статья
УДК 81:1+81'36

КАТЕГОРИЯ ИЗОМОРФИЗМА В ФИЛОСОФИИ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ

Роман Евгеньевич Сёмкин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
semkinroman2019@mail.ru

Аннотация. Коренные изменения в технологическом укладе общества, отражающие развитие трудовой сущности человека, сопровождаются преобразованиями в человеческом интеллекте, формированием научной картины мира, систематизацией объективно истинных знаний и их эффективным применением на практике. Современная наука с её опорой на междисциплинарность и глубокую взаимосвязь между различными областями знания требует от исследователей обращения к средствам научной философии как формы познания о наиболее всеобщих, фундаментальных свойствах действительности, а также привлечения комплексной, системной методологии. В статье рассматривается категория изоморфизма как структурного тождества, осмысляются исторические и научно-философские предпосылки категорий тождества, изоморфизма и гомоморфизма, специфика проявления изоморфизма в языке. Благодаря «многоярусному» характеру структуры языка, изоморфизм может наблюдаться у единиц различных языковых уровней и планов. С позиций функциональной грамматики на примере глаголов с инкорпорированным актантом анализируются такие случаи изоморфизма, как инкорпорация и синкретизм. Считается, что причины изоморфизма в языке следует искать в феномене языковой экономии, то есть тенденции носителей передавать максимум информации меньшим количеством средств. В свою очередь, принцип экономии в языке представляется одним из объективных и универсальных законов, то есть формой самоорганизации языка как системы. Актуальность исследования обусловлена использованием системного подхода как передовой научной методологии и недостаточной изученностью категории изоморфизма в функциональной грамматике. Онтологический аспект исследования заключается в необходимости выявления подчинённости языка как материально-идеальной системы принципу всеобщей связи, функционированию систем в целом. Эпистемологический аспект исследования состоит в использовании системного подхода применительно к изучению языковых явлений.

Ключевые слова: изоморфизм, гомоморфизм, тождество, инкорпорация, синкретизм, функциональная грамматика

Для цитирования: Сёмкин Р. Е. Категория изоморфизма в философии и функциональной грамматике // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 26–39.

Original article

CATEGORY OF ISOMORPHISM IN PHILOSOPHY AND FUNCTIONAL GRAMMAR

Roman E. Syomkin

Perm State University, Perm, Russia, semkinroman2019@mail.ru

Abstract. Fundamental changes in the technological structure of society, reflecting the development of the labor essence of people, are accompanied by transformations in human intelligence, the formation of a scientific worldview, the systematization of true knowledge and its effective application in practice. Modern science with its reliance on interdisciplinarity and deep interconnection between different fields requires researchers to turn to the means of scientific philosophy which provides knowledge of the most general, fundamental properties of reality, as well as to utilize a comprehensive, systemic methodology. The article is examined the category of isomorphism as a structural identity, analyzed the historical, scientific and philosophical origins of identity, isomorphism and homomorphism, the specificity of isomorphism in language. Due to the multi-layered nature of the language structure, isomorphism can be observed in units of different language levels and planes. From the standpoint of functional grammar, using the example of verbs with an incorporated actant, such cases of isomorphism as incorporation and syncretism are analyzed. It is believed that the causes of isomorphism in language should be sought in the phenomenon of linguistic economy, i. e. the tendency of speakers to transmit maximum information using fewer means. Therefore, the principle of economy in language appears to be one of the objective and universal laws and considered a form of self-organization of language as a system. The relevance of the research lies in the use of a systems approach as an advanced scientific methodology and insufficient study of isomorphism in functional grammar. The ontological aspect of the research is due to the need of identifying the subordination of language as a material-ideal system to the principle of universal connection, to the functioning of systems in general. The epistemological aspect of the study consists in using a systems approach in relation to the study of linguistic phenomena.

Keywords: isomorphism, homomorphism, identity, incorporation, syncretism, functional grammar

For citation: Syomkin R. E. Category of isomorphism in philosophy and functional grammar. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;2:26-39. (In Russ.).

Введение

С развитием производительных сил общество неизбежно и стремительно усложняется, а накапливаемые изменения позволяют перейти на качественно новый уровень развития. В 70-х гг. XX в. результатом и квинтэссенцией этих процессов оказывается научно-техническая революция. Труд становится всё более творческим и наукоёмким: наука проникает во все сферы производственной жизни, становится главным фактором производства. Однако производительные силы и труд вообще – лишь одна из сущностных сторон человека, творца истории. Другая, не менее значимая сторона – его интеллект. Появление научного производства и преобразование жизни было бы немыслимым без радикальных изменений в человеческом интеллекте. Вместе с развитием, совершенствованием человеческой сущности, интеллекта человека, меняется не только материальный уклад общества – изменяются и представления об объективной реальности. Так, формируется подлинно научная картина мира, то есть взгляд человека на вещи и самого себя уточняется, обретает всё более объективный и целостный, а значит, закономерный, системный характер. Наука приводит само мировоззрение человека в единую систему.

Достижения частных наук, тенденции по взаимопроникновению наук и возникновение пограничных дисциплин в XX и XXI вв. на практике доказывают принцип всеобщей связи, дальнейшее освоение которого требует разработки системного подхода как наиболее передовой и адекватной научной методологии. В связи с этим, возникает необходимость осмысления системы как таковой, функционирования систем и их структуры с позиций научной философии. Не меньшую роль в этом осмыслении играет язык и структуры языка как материально-идеальной, многоуровневой системы знаков, неразрывно связанной с интеллектом человека. Одним из ключевых понятий для системного подхода, в том числе и в языке, является понятие изоморфизма.

Основная часть

Категория изоморфизма в философии

Общенаучное значение категории изоморфизма и проблематика категории тождества

Категория изоморфизма имеет общенаучный, философский характер и рассматривается в ряде частных наук: математике, химии, лингвистике и др. Изоморфизм – это «сходство свойств элементов или их совокупностей, определяющее их способность замещать друг друга в каких-н. соединениях; соответствие объектов, тождественных по своей структуре» [Ожегов 2006: 242].

Впервые понятие *изоморфизма* было предложено как химический термин немецким кристаллографом Э. Мичерлихом в 1819 г. для описания соответствия одинаковой формы кристаллов [Макаров 1973: 5–6]. Из химии понятие изоморфизма пришло в различные области математики, изначально в алгебру, где стало обозначать «схожесть систем объектов с заданными в них операциями или отношениями» [БРЭ: эл. ресурс]. Частные случаи изоморфизма можно обнаружить и в теории множеств. Так, фракталы, описанные Б. Мандельбротом, то есть структуры, которые обладают свойством самоподобия, представляются изоморфными или отчасти таковыми по отношению к самим себе, поскольку состоят из фрагментов собственной же структуры [Мандельброт 2002: 16–19].

В более широком смысле изоморфизм можно определить как структурное тождество элементов некой системы или систем. Таким образом, с философской точки зрения категория изоморфизма является формальной, *структурной стороной* категории тождества как такового, то есть совпадения, соответствия сущностей.

Безусловно, проблема тождества вообще и тождества бытия и мышления в частности всегда волновали философов. На протяжении истории философии и науки у мыслителей возникали закономерные представления о соответствии структурных элементов и тождестве различных систем, как правило, противоположных. Так, немецкий философ эпохи Возрождения Николай Кузанский создал учение о минимаксе. В основе теории Кузанского лежит принцип совпадения противоположностей – бесконечно малого и бесконечно большого на математических началах [Орлов 1998: 27]. Не трудно увидеть в данной концепции диалектическое зерно, хотя и недостаточно рационально выраженное, опосредованное интуицией и религиозностью автора [там же].

Идея совпадения противоположностей разрабатывалась в немецкой классической философии, а тождество мышления и бытия стало краеугольным камнем философии «абсолютного идеализма» Г. Гегеля, его диалектической системы развития мира. Тождество для Г. Гегеля носит не формальный (полное механическое, неразличимое совпадение сущностей), а *содержательный* характер. Противоречие, ключевое понятие для гегелевской философии – это диалектическое единство тождества и различия [Гегель 2021: 26]. Законы развития объективной реальности являются, в сущности, законами мышления, а не наоборот: «Субстанция есть субъект... Бытие есть мышление» [Гегель 2020: 31]. Так, философ решил вопрос тождества мышления и бытия в пользу мышления, то есть *духа*.

Родоначальники научной философии К. Маркс и Ф. Энгельс продолжили ход мысли немецкого классика, но подошли к решению проблемы материалистически. Ими было доказано содержательное, номологическое тождество, соответствие мышления бытию на основе исторического движения форм *материи*, в том числе социальной (человека): и объективная реальность, и человеческое мышление подчинены общим законам развития [Энгельс 2017: 662–663]. На практике такое тождество сознания и материи подтверждается через взаимодействие человека с объективной реальностью [Ильенков: эл. ресурс].

Впоследствии В. И. Лениным была предложена *концепция отражения*, которая онтологически и гносеологически обосновала связь между социальной формой материи (человеком) и сознанием, её атрибутом [Ленин 1986: 100–101]. Сознание по отношению к материи играет вторичную, подчинённую роль, отражает существенные стороны объективной реальности не только в ощущениях, но и в понятиях, схемах, моделях и т. д. Появляется и момент формального соответствия, но в данном случае речь будет идти не о тождестве, поскольку отражение может быть лишь «верной приблизительно копией отражаемого» [там же: 348]. Так, диалектический материализм, как первая форма научной философии, подготовил почву для возникновения системного подхода в науке.

В XX в. с появлением общей теории систем Л. фон Берталанфи придал понятию изоморфизма общенаучный характер: под изоморфизмом учёный подразумевал изоморфизм *законов*, то есть содержательное, номологическое тождество. Л. Берталанфи полагал, что должны существовать общие системные законы, которые применимы к любой системе определённого типа, независимо от свойств системы и её элементов [Bertalanffy 1968: 35–37]. Иными словами, изоморфные законы по Л. Берталанфи – это и есть та *всеобщая связь*, о которой писал ещё Гегель и марксисты и которая пронизывает различные системы, от экономики до языка.

В 70-е гг. XX в. философ и математик Ю. А. Гастев, разрабатывая научную теорию моделирования, ввёл понятие гомоморфизма как более общей категории по отношению к изоморфизму. В Новой философской энциклопедии под редакцией В. С. Степина исследователь даёт следующее определение данным категориям: «понятия, выражающие одинаковость (изоморфизм; от греч. *isos* – одинаковый и *morphe* – форма) либо подобие (гомоморфизм; от греч. *homoios* — подобный) строения (структуры) систем (множеств, процессов, конструкций)» [НФЭ 2010: 91]. Изоморфизм, таким образом, является частным случаем гомоморфизма. Причины такой дифференциации Ю. А. Гастев объяснял тем, что *любое тождество всегда относительно* хотя бы потому, что два отождествляемых предмета всегда различны: в конце концов, это «два предмета, а не один» [Гастев 1975: 19]. Хотя изоморфизм возможен в конечных системах, для адекватной познавательной и научной деятельности полное тождество структуры исходного объекта или системы не требуется: достаточно лишь изоморфизма «приблизительного», но достоверного (пример – чёрно-белая фотография), то есть гомоморфизма, поскольку модель – это упрощённый образ оригинала (карта, чертёж, схема, чучело животного).

Применительно к теории познания концепция Ю. А. Гастева подтверждает, что образы реальности, возникающие в нашем сознании при изучении окружающего мира, соответствуют ей, но не в полной мере [Гастев 1975: 29–30]. Таким образом, гомоморфизм и изоморфизм – это структурное проявление отражения, фундаментального атрибута материи: структуры объективной реальности, то есть материи, отражаются в структурах сознания человека. По Ю. А. Гастеву, именно к изоморфизму, то есть адекватному описанию мира, должна стремиться любая естественная наука [там же]. Но поскольку мир бесконечен, то изоморфизм в сознании, то есть наиболее полное, исчерпывающее отражение действительности, сходство структур *бесконечного* мира в структурах сознания человека – не что иное, как обладание абсолютно истинным знанием.

С позиций научной философии, абсолютная истина недоступна человеку, а постигается им шаг за шагом, через ряд относительных истин, в бесконечной сумме дающих абсолютно полное знание о мире [Орлов 1999: 30–31]. Несмотря на то, что человек и наука

действительно стремятся от гомоморфизма к изоморфизму, полного тождества достичь невозможно. Даже если допустить, что человек наиболее точно отразил структуру мира в своём сознании, в процессе отражения изменится и его материальная основа. Человек познаёт не только окружающий мир, но и самого себя как часть этого мира, как форму материи, в том числе субстрат собственного же сознания – определённые отделы мозга. По мере того, как структура мозга отражается в сознании человека, образуются новые нейронные связи. Таким образом, с получением новых, более полных знаний о мозге меняется и сама структура мозга, которая уже не может быть изоморфной сознанию, знающему о структуре своего же субстрата.

Однако достижение абсолютной истины осуществляется не на конкретном историческом этапе, а заключено в самом бесконечном процессе познания [Орлов 1999: 31]. Невозможность наиболее полно познать бесконечную и постоянно изменяющуюся реальность не отменяет, а наоборот, укрепляет неисчерпаемый познавательный потенциал человека и его способность «отражать», моделировать, отождествлять, именно потому, что человек – это часть мира: человек как система *гомоморфен* системе окружающего мира, бесконечной природы, а законы мышления *изоморфны* законам бытия. В. В. Орлов утверждал, что человек, в сущности, является микрокосмом, миниатюрной моделью макрокосма, которая содержит «в сокращённом и обобщённом виде в себе бесконечное многообразие материального мира» [Орлов 1998: 3–5], результат единого закономерного мирового процесса. Таково общенаучное и философское значение категорий изоморфизма и гомоморфизма.

Специфика категории изоморфизма в лингвистике

В лингвистику понятие изоморфизма пришло из математики: впервые оно было введено Е. Куриловичем в контексте соответствия структур слога и предложения. Изоморфизм был определён языковедом как «структурный параллелизм»; «структурные особенности, общие для обоих планов языка, звукового и семантического (выражения и содержания)» [Курилович 1962: 21].

Э. А. Макаев отрицал математическую специфику термина «изоморфизм» применительно к анализу языковых явлений. Предложенная исследователем строго лингвистическая интерпретация данного понятия была следующей: «однотипность структуры конститутивных языковых единиц различных уровней, следствием чего является (или может являться) однотипность отношений между этими единицами на разных уровнях». Так, одним из важнейших принципов анализа изоморфных единиц должно быть соблюдение непосредственной зависимости изучаемых уровней друг от друга, то есть их иерархическая градация [Макаев 1961].

По В. Д. Аракину, понятие изоморфизма обладает более широким значением; изоморфизм трактуется как «подобие или параллелизм отдельных звеньев структуры языка, отдельных микро- или макроструктур, её составляющих» [Аракин 2005: 23]. Отмечается, что изоморфизм не ограничен рамками конкретной языковой системы, а может принимать универсальный, всеобщий характер: высказываются мысли об изоморфизме целых языков. Противоположностью изоморфизма В. Д. Аракин считал *алломорфизм*, то есть разнотипность структуры языковых единиц [там же: 24–25].

Поскольку язык – это комплексная «многоярусная» система, явление изоморфизма, таким образом, может наблюдаться на разных уровнях организации языка; между единицами одного уровня; между единицами разных планов; между единицами разных языков и т. д.

В языке изоморфизм представлен, среди прочего, явлениями инкорпорации и синкретизма.

Категория изоморфизма в функциональной грамматике

Функциональная грамматика – направление, основанное А. В. Бондарко в 70-е гг. XX в. Основа функциональной грамматики заключается в системном подходе к рассмотрению языковых явлений: связи грамматических единиц с другими уровнями организации языка. Цель функциональной грамматики состоит в том, чтобы раскрыть «систему взаимодействия грамматической формы, лексики и контекста, систему закономерностей и правил функционирования языковых средств, служащих для передачи смысла высказывания» [Бондарко 2001: 3].

Для грамматики функционального типа грамматический строй языка вместо совокупности оппозиций представляется полевой структурой с «грамматикализированным ядром и лексико-грамматической периферией», которые, в свою очередь, являются центром более широкого категориального и языкового строя [там же: 21]. Грамматический строй также включает функционально-семантические поля (ФСП) – двусторонние единства семантических категорий и комплексов разнородных средств выражения в данном языке [Бондарко 2004: 10–11].

При этом целостность грамматического строя языка обусловлена как его внутренней структурой, так и функционированием в условиях конкретных речевых ситуаций [Бондарко 2001: 4]. Другими словами, истинное, глубинное функциональное содержание тех или иных единиц обнаруживается только в контексте: на это направлен анализ взаимоотношений *системы языка и речевой среды* [Бондарко 2004: 86–87].

В отличие от основной, формальной грамматики, функциональная грамматика руководствуется не только принципом *от средств к функциям* (от формы к значению), но и принципом *от функций к средствам*, что позволяет, тем самым, «соотнести систему, построенную на формальной основе, с системой, базирующейся на общности семантики» [Бондарко 2001: 35–36]. Таким образом, функциональная грамматика «снимает» формальную грамматику и выводит её на новый методологический уровень, дополняет и раскрывает её сущностный, функциональный потенциал.

Инкорпорация как проявление изоморфизма

Определение точных границ феномена языковой инкорпорации являются дискуссионными. В широком смысле инкорпорация – «объединение в одно морфологическое целое двух и более семантем, представляющих собой подвижные компоненты с обособленными лексическими значениями» [Инкорпрация: эл. ресурс]. О. С. Ахманова определяет инкорпорацию как «продуктивный способ образования слова (или особого рода синтагматической единицы) путём сочетания примыкающих друг к другу корней, совокупность которых оформляется служебными элементами» [Ахманова 2004: 177].

Считается, что инкорпорация характерна для *инкорпорирующих* или полисинтетических языков, к которым относят палеоазиатские и индейские языки. Основы, образованные по принципу инкорпорации, объединяются в целое, получившее название

инкорпоративного комплекса, который «не равен ни слову, ни обычному словосочетанию». Так, чукотское *ытлыгин купрэн* (отцова сеть) – словосочетание, а *тынэранкопранты-ватыркын* (две сети ставлю) – инкорпоративный комплекс [Жеребило 2010: 123]. Выделяют полную и частичную инкорпорацию на основании связи компонентов словосочетания или всех членов предложения [ЛЭС: эл. ресурс].

Поскольку формально инкорпорация неразрывно связана с явлением агглютинации [там же], высказываются мысли о расширении значений самого понятия инкорпорации как крайней степени агглютинации, свойственной всем языкам [Теньер 1988: 42–43]. В связи с этим, образование сложных слов в языках, которые не являются полисинтетическими (например, индоевропейские языки) некоторые исследователи считают формой инкорпорации или *инкорпорирования* одной основы в другую, причём без ограничений в синтаксических отношениях этих слов [Sapir 1911: 257–258].

Действительно, явление инкорпорации характерно не только для полисинтетических языков. Так, английские глаголы с инкорпорированными актантами, образованные по схеме сущ. + глагол (*to babysit; to housekeep; to weightlift* и др.), по семантике эквивалентны сочетаниям глагола с дополнением (*to sit with a baby; to keep a house; to lift weight*) [Анохина 2006: 75]. В данном случае компоненты глаголов выражены адгерентно. Такой вид инкорпорации М. А. Анохина называет лексически-синтаксической [там же: 76].

К проявлению инкорпорации также относят глаголы, образованные без агглютинации, но по принципу *конверсии* – перехода единицы одной морфологической категории в другую, как правило, без изменений исходной формы: в них один из компонентов выражается ингерентно. Такие глаголы указывают на предмет, способ, объект совершения действия и т. п. Например: *to elbow; to sun; to glue; to cycle* и т. д. [Смирнова 2012: 105] По М. А. Анохиной, данный вид инкорпорации следует рассматривать как семантический [Анохина 2006: 76]. Из этого следует, что инкорпорация, в таких языках как английский может не обладать эксплицитным формальным выражением: исходная форма существительного сама выступает в качестве производящей основы для производной глагольной основы; сема предметности модифицируется в сему глагольного актанта [Смирнова 2012: 105]. Но поскольку в основе инкорпорации лежит некая синтагматическая структура, сжимаемая в процессе инкорпорирования, то предикат сохраняется, хотя синтаксически и морфологически он не проявлен: *to cover with butter / ice / powder – to butter / to ice / to powder* [Смирнова 2013: 55].

Глагольная инкорпорация в русском языке получает широкое распространение благодаря особенностям словообразования: конверсия обеспечивает многообразие потенциальных глагольных форм, не совпадающих с исходной формой существительного. Феномен инкорпорации русских глаголов становится особенно актуальным, предпринимаются попытки его осмысления и категоризации. Так, Д. Д. Третьякова выделяет глаголы с инкорпорированным актантами-инструментом, объединяя глаголы по типу актанта в следующие категории: *предметное орудие* (*застольничать, обезналичить, утюжить*); *материал / вещество* (*запудривать, керосинить, запепелиться*); *средство коммуникации* (*имейлизироваться, корешевать, проинтуичить*) [Шустова, Третьякова 2022: 29–31]. Известны глаголы с актантами-дескриптивом, образованные от имён собственных: *кержаковить, дедморозить, псакнуть* [Смирнова 2015: 100]. Несмотря на то, что таким способом образуется множество неологизмов, инкорпорирование актантами было характерно для просторечного русского языка ещё в XVIII в. [Щербакова 2012: 99]

В случае словообразования глаголов инкорпорация представляется видом *семантического* изоморфизма: эквивалентности плана содержания (реализации одного значения) при различии плана выражения – синтагматической конструкции и собственно глагола, построенного по принципу инкорпорирования основ и / или актанта. Однако если учесть присутствие исходных форм в производящих структурах и производных глаголах, то обнаружится и формальное сходство, то есть своего рода гомоморфизм.

Синкретизм как проявление изоморфизма

Понятие синкретизма в лингвистике оказывается не менее противоречивым, чем инкорпорация. О. И. Просяникова обобщает свойство синкретичности как «нерасчленённость, соединённость или слитность» [Просяникова 2020: 78]. М. В. Пименова сводит понятие синкретизма до двух основных значений: «1) смешение / слияние первоначально независимых друг от друга явлений / разнородных элементов; 2) исконная нерасчленённость, характеризующая неразвитое состояние какого-либо явления» [Пименова 2011: 19–20]. Утверждается, что синкретизм характерен для всех уровней языка и речи [ЛЭС: эл. ресурс].

Так, парадигматический синкретизм (то есть на уровне языка) определяется как нейтрализация противопоставлений (оппозиций); совпадение означающих при различении означаемых [Ахманова 2004: 406].

Применительно к словообразованию в английском языке грамматический синкретизм может пересекаться с инкорпорацией, возникая вследствие конверсии, как было указано выше. Некоторые исследователи рассматривают такой тип синкретизма как *вторичный* [Просяникова 2015: 83], не сводимый к исконному, архаическому синкретизму.

В случае если компонент глагола выражен ингерентно, формы инфинитива (*to butter*) или формы 1-го лица ед. ч. / 3-го лица мн. ч. Present Simple (*I butter / they butter*) совпадают, полностью изоморфны друг другу. Их дальнейшая дифференциация возможна только в контексте, речевой среде.

На примере глагола *to hawk* (охотиться с ястребом) можно рассмотреть отношения изоморфизма / гомоморфизма с точки зрения формы и значения этих элементов в контексте инкорпорации:

Производящая основа (сущ.) (*a hawk*) – синтагматическая конструкция *to hunt with a hawk* – производная основа (гл.) *to hawk*. (*A hawk* и (*to hawk*) изоморфны по форме (парадигматический уровень), а *to hunt with a hawk* по значению изоморфна (эквивалентна) (*to hawk*). В остальных случаях данные элементы условно подобны друг другу (включают лишь один компонент значения или формы), гомоморфны.

Однако производная основа глагола может быть гомоморфной по отношению к синтагматической структуре, которую она компрессирует, то есть реализовывать не только конкретно данное, но и другие значения, в зависимости от типа инкорпорированных актантов. Дальнейшие выводы возможны в ходе проведения анализа словарных дефиниций и контекстов употребления конкретного глагола.

Таким образом, выделяется семантический синкретизм, рассматриваемый как «объединение в одном значении нескольких, часто трудно совместимых, семантических компонентов» [Левицкий 2001: 94]. Для английского языка в целом характерна полисемия, поэтому все глаголы с инкорпорированным актантом оказываются многозначными: все инкорпоративные комплексы синкретичны по своей природе [Смирнова 2013: 64].

Синкретизм – явление более широкого порядка по отношению к инкорпорации. Более того, само понятие синкретизма может выступать как синоним понятия изоморфизма в языке, поскольку нерасчленённость, отсутствие дифференциации или объединение элементов по какому-либо принципу в системе языка неизбежно ведёт к их соответствию, возникновению тождественных структур, их изоморфности.

Явление языковой экономии

Нами было выяснено, что инкорпорация и синкретизм, будучи проявлениями изоморфизма в языке, позволяют реализовать аналогичное (или большее) количество значений меньшим количеством средств.

Говоря о сущности изоморфных языковых структур, исследователи сходятся во мнении, что причины такого параллелизма следует искать в явлении языковой экономии: «принципе наименьшего усилия» [Zipf 1949: 1–7]; «производстве и восприятии языковых элементов с наименьшей затратой усилий» [Занина 2008]; «минимизации плана выражения при сохранении плана содержания» [Городова 2012]; «передаче всё большего количества информации в единицу времени» [Николаева 2000: 30] и т. д. Если обобщать ряд представленных дефиниций, то можно охарактеризовать языковую экономию как *тенденцию носителей передавать максимум информации минимумом языковых ресурсов*. Безусловно, языковая экономия не исчерпывается изоморфизмом и представлена совокупностью иных средств и явлений на отдельных уровнях организации языка: фонетическом, морфологическом, синтаксическом и др. [Величко 2015].

В свою очередь, выделяются различные подходы к определению причин языковой экономии, от *экстралингвистических* (биологических и социальных) до собственно *лингвистических* [Смирнова 2013: 17]. Например, в качестве внеязыковых факторов уместно привести стремительное развитие производительных сил общества, ускорение темпа жизни и возникающую вследствие этого необходимость беречь когнитивные и физические ресурсы, затрачиваемые на передачу мыслей другим носителям, при сохранении эффективности высказываний. Поскольку язык – это отражение общественного сознания, актуализирующего, в свою очередь, общественное бытие, развитие и функционирование языковых систем является историческим процессом, который, актуализируясь через носителей, осознаётся ими лишь частично. Таким образом, языковая экономия как феномен также носит объективный характер.

А. Мартине, который активно разрабатывал теорию *экономии* в языке, понимал данное явление особенно широко, а именно как всеобъемлющий способ организации языка: «Термин «экономия» включает всё: и ликвидацию бесполезных различий, и появление новых различий, и сохранение существующего положения. Лингвистическая экономия — это *синтез действующих сил*» [Мартине 1960: 130]. По М. Я. Блоху, сущность экономности языка заключается в «постоянно действующей тенденции языка к реализации оптимальной достаточности, что является следствием общественной сущности языка и находит непосредственное выявление в историко-языковых процессах устранения избыточности и недостаточности в парадигматических рядах» [Блох 2000: 40]. Нет сомнений в том, что способ экономии языковых ресурсов – один из универсальных законов развития языка и форма самоорганизации языка как системы. Исходя из этого принципа, изоморфизм можно рассматривать как проявление и результат данного процесса самоорганизации.

Заключение

Категория изоморфизма, являясь структурной стороной категории тождества, обладает общенаучным и философским значением, находит своё отражение и специфику в частных науках. Поскольку язык – это многоуровневая система, явление изоморфизма наблюдается на разных уровнях его организации.

Явления инкорпорации и синкретизма – формы изоморфизма в языке. Существуют разные точки зрения относительно данных понятий. Инкорпорацией называют объединение в одно морфологическое целое двух и более семантем, характерное для разноструктурных языков, не только полисинтетических. Так, образование глаголов в английском и русском языках по принципу сложения основ или конверсии может считаться одним из видов инкорпорации. Синкретизм трактуется как нерасчленённость, слитность элементов структуры языка, либо не связанных изначально, либо архаичных. Инкорпорация и синкретизм считаются родственными явлениями: все инкорпоративные комплексы синкретичны. При этом синкретизм шире инкорпорации и может рассматриваться как синоним понятия «изоморфизм».

Причины явления изоморфизма объясняются феноменом языковой экономии, тенденцией носителей передавать максимум информации минимальным количеством языковых ресурсов. Поскольку закон экономии носит объективный и универсальный характер, представляется, что изоморфные единицы – проявление самоорганизации языка как системы.

Список литературы

1. Анохина М. А. Семантическая инкорпорация как один из способов реализации когнитивной модели глагола (на материале английского языка) // Ползуновский вестник. 2006. № 3. С. 73–82.
2. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков : Учеб. пособие. 3-е изд. М. : ФИЗМАТЛИТ, 2005. 232 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. М. : Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
4. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики : учеб. 2-е изд., испр. М. : Высш. шк., 2000. 160 с.
5. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. 2-е изд. М. : Едиториал УРСС, 2001. 208 с.
6. Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб., 2004. 208 с.
7. Величко А. В. Закон экономии как условие функционирования и развития языка // МИРС, 2015. № 2. С. 12–17.
8. Гастев Ю. А. Гомоморфизмы и модели: Логико-алгебраические аспекты моделирования. М. : Наука, 1975. 152 с.
9. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3 кн. Объективная логика. Кн. 2: Учение о сущности / Пер. с нем. Б. Г. Столпнера. Прим. В. К. Брушлинского, А. П. Огурцова. М. : Академический проект, 2021. 188 с.
10. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. Г. Г. Шпета. 3-е изд. М. : Академический проект, 2020. 494 с.
11. Городова Е. С. Закон лингвистической экономии как фактор упрощения английского языка // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2012. № 3. С. 13–18.
12. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

13. Занина А. Н. Теория экономии языковых усилий: к истории вопроса // Вестник ТвГУ. Серия ФИЛОЛОГИЯ. Выпуск «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2008. № 13. С. 165–171.
14. Изоморфизм. Большая Российская Энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/izomorfizm-637225> (дата обращения: 01.04.2025).
15. Ильенков Э. В. Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/idemb.html> (дата обращения: 29.03.2025).
16. Инкорпорация – Большая Советская Энциклопедия. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/054/875.htm> (дата обращения: 15.04.2025).
17. Курилович Е. Очерки по лингвистике : Сборник статей. М. : ИЛ, 1962. 446 с.
18. Левицкий В. В. Семантический синкретизм в индоевропейском и германском // Вопросы языкознания, 2001. № 4. С. 94–106.
19. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М. : Политиздат, 1986. 478 с.
20. Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <https://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 16.03.2025).
21. Макаев Э. А. К вопросу об изоморфизме // Вопросы языкознания, 1961. № 5. С. 50–56.
22. Макаров Е. С. Изоморфизм атомов в кристаллах. М. : Атомиздат, 1973. 288 с.
23. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. М. : Институт компьютерных исследований, 2002. 656 с.
24. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М. : Издательство иностранной литературы, 1960. 262 с.
25. Модель (в науке) – Большая советская энциклопедия. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/077/392.htm> (дата обращения: 10.03.2025).
26. Николаева Т. М. От звука к тексту. М. : Языки русской культуры, 2000. 680 с.
27. Новая философская энциклопедия: В 4 т. Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В. С. Степин, заместители предс: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. М. : Мысль, 2010. 634 с.
28. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М. : ООО "А ТЕМП", 2006. 944 с.
29. Орлов В. В. История человеческого интеллекта. Ч. 1,2. Предыстория – миф – религия – Просвещение – Кант – Гегель. Пермь : Перм. ун-т., 1998. 182 с.
30. Орлов В. В. История человеческого интеллекта. Ч. 3. Современный интеллект. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1999. 184 с.
31. Пименова М. В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011, № 3. С. 19–48.
32. Просяникова О. И. Семантическая структура синкретических форм // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. 2020, № XII. С. 77–82.
33. Просяникова О. И. Соотношение именных и глагольных значений в синкретических формах // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2015, № 1. С. 83–90.
34. Смирнова Е. А. Инкорпорированные актанты в семантике отсубстантивных глаголов английского языка // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Серия: Филология. 2012. Т. 1. № 2. С. 104–107.
35. Смирнова Е. А. Особенности семантического потенциала и функционирования отсубстантивных глаголов (на материале русского языка) // Исследовательский журнал русского языка и литературы (Вестник ИАРЯЛ). 2015. Т. 5. № 2. С. 95–107.
36. Смирнова Е. А. Функционирование глаголов с инкорпорированными актантами (на материале английского языка) : дис... канд. филол. наук. Пермь, 2013. 215 с.
37. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса: Пер. с франц. М. : Прогресс, 1988. 656 с.

38. Шустова С. В., Третьякова Д. Д. Глаголы с инкорпорированным актантом-инструментом в русском языке // Евразийский гуманитарный журнал. 2022, № 1. С. 26–33.
39. Щербакова Н. Н. Отсубстантивные глаголы в русском просторечии XVIII столетия // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2012, № 2 (2). С. 99–102.
40. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Диалектика природы [пер. с нем. Ю. И. Айхенвальда]. М.: Издательство «Э», 2017. 832 с.
41. Ludwig von Bertalanffy. General System theory: Foundations, Development, Applications. 1st ed. New York: George Braziller, Inc. 1968. 289 p.
42. Sapir E. The Problem of Noun Incorporation in American Languages // American Anthropologist, 1911, New Series, Vol. 13, No. 2 (Apr. – Jun., 1911), pp. 250-282.
43. Zipf G. Human Behavior and The Principle of Least Effort. Cambridge: Addison-Wesley Press, 1949. 573 p.

References

1. Anokhina M. A. Semanticheskaya inkorporatsiya kak odin iz sposobov realizatsii kognitivnoy modeli glagola (na materiale angliyskogo yazyka) [Semantic incorporation as one of the ways of implementing the cognitive model of the verb (based on the English language)]. *Polzunovskiy vestnik* [Polzunovsky Vestnik]. 2006, no. 3, pp. 73-82. (In Russ.).
2. Arakin V. D. Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov [Comparative typology of English and Russian languages]. 3th ed., Moscow, FIZMATLIT, 2005, 232 p. (In Russ.).
3. Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Editorial URSS, 2004, 576 p. (In Russ.).
4. Blokh M. Ya. Teoreticheskie osnovy grammatiki [Theoretical foundations of grammar]. 2th ed., Moscow, Vysshaya shkola, 2000, 160 p. (In Russ.).
5. Bondarko A. V. Printsipy funktsional'noy grammatiki i voprosy aspektologii [Principles of functional grammar and issues of aspectology]. 2th ed., Moscow, Editorial URSS, 2001, 208 p. (In Russ.).
6. Bondarko A. V. Teoreticheskie problemy russkoy grammatiki [Theoretical problems of Russian grammar]. Saint Petersburg, 2004, 208 p. (In Russ.).
7. Velichko A. V. Zakon ekonomii kak uslovie funktsionirovaniya i razvitiya yazyka [The law of economy as a condition for the functioning and development of language]. *MIRS* [MIRS]. 2015, no. 2, pp. 12-17. (In Russ.).
8. Gastev Yu. A. Gomomorfizmy i modeli: Logiko-algebraicheskie aspekty modelirovaniya [Homomorphisms and Models: Logical and Algebraic Aspects of Modeling]. Moscow, Nauka, 1975, 152 p. (In Russ.).
9. Gegel' G. V. F. Nauka logiki: V 3 kn. Ob'ektivnaya logika [Science of Logic: In 3 books. Objective Logic]. Book. 2, Uchenie o sushchnosti, Moscow, Akademicheskii proekt, 2021, 188 p. (In Russ.).
10. Gegel' G. V. F. Fenomenologiya dukha [Phenomenology of spirit]. 3th ed., Moscow, Akademicheskii proekt, 2020, 494 p. (In Russ.).
11. Gorodova E. S. Zakon lingvisticheskoy ekonomii kak faktor uproshcheniya angliyskogo yazyka [The law of linguistic economy as a factor in the simplification of the English language]. *Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of MGOU. Series: Linguistics]. 2012, no. 3, pp. 13-18. (In Russ.).
12. Zherebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. 5th ed., Nazran, ООО «Pilgrim», 2010, 486 p. (In Russ.).
13. Zanina A. N. Teoriya ekonomii yazykovykh usilii: k istorii voprosa [Theory of Economy of Language Effort: Towards the History of the Issue]. *Vestnik TvGU. Seriya FILOLOGIYA. Vypusk «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya»* [Vestnik TvSU. Series Philology. Issue "Linguistics and Intercultural Communication"]. 2008, no. 13, pp. 165-171. (In Russ.).

14. Izomorfizm. Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya [Isomorphism. The Great Russian Encyclopedia]. (In Russ.). Available at: <https://bigenc.ru/c/izomorfizm-637225> (accessed: 01.04.2025).
15. Il'enkov E. V. Vopros o tozhdestve myshleniya i bytiya v domarksistskoy filosofii [The Question of the Identity of Thinking and Being in Pre-Marxist Philosophy]. (In Russ.). Available at: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/idemb.html> (accessed: 29.03.2025)
16. Inkorporatsiya - Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya [Incorporation - Great Soviet Encyclopedia]. (In Russ.). Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/054/875.htm> (accessed: 15.04.2025)
17. Kurilovich E. Ocherki po lingvistike [Essays on linguistics]. Moscow, IL, 1962, 446 p. (In Russ.).
18. Levitskiy V. V. Semanticheskii sinkretizm v indoevropeyskom i germanskom [Semantic syncretism in Indo-European and Germanic]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics], 2001, no. 4, pp. 94-106. (In Russ.).
19. Lenin V. I. Materializm i empiriokrititsizm. Kriticheskie zametki ob odnoy reaktsionnoy filosofii [Materialism and Empiriocriticism. Critical Notes on a Reactionary Philosophy]. Moscow, Politizdat, 1986, 478 p. (In Russ.).
20. Lingvisticheskii Entsiklopedicheskiy Slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. (In Russ.). Available at: <https://tapemark.narod.ru/les/> (accessed: 16.03.2025).
21. Makaev E. A. K voprosu ob izomorfizme [On the issue of isomorphism]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics]. 1961, no. 5, pp. 50-56. (In Russ.).
22. Makarov E. S. Izomorfizm atomov v kristallakh [Isomorphism of atoms in crystals]. Moscow, Atomizdat, 1973. 288 p. (In Russ.).
23. Mandel'brot B. Fraktal'naya geometriya prirody [Fractal Geometry of Nature]. Moscow, Institut komp'yuternykh issledovaniy, 2002, 656 p. (In Russ.).
24. Martine A. Printsip ekonomii v foneticheskikh izmeneniyakh [The principle of economy in phonetic changes]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1960, 262 p. (In Russ.).
25. Model' (v nauke) - Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya [Model (in science) - Great Soviet Encyclopedia]. (In Russ.). Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/077/392.htm> (accessed: 10.03.2025)
26. Nikolaeva T. M. Ot zvuka k tekstu [From sound to text]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2000, 680 p. (In Russ.).
27. Novaya filosofskaya entsiklopediya [New Philosophical Encyclopedia]. Institut filosofii RAN, V. S. Stepin, A. A. Guseynov, G. Yu. Semigin, A. P. Ogurtsov, Moscow, Mysl', 2010, 634 p. (In Russ.).
28. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. Rossiyskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova, 4th ed., Moscow, OOO "A TEMP", 2006, 944 p. (In Russ.).
29. Orlov V. V. Istoriya chelovecheskogo intellekta [History of Human Intelligence]. Part 1,2. Predystoriya - mif - religiya - Prosveshchenie - Kant - Gegel'. Perm', Permskiy institut, 1998, 182 p. (In Russ.).
30. Orlov V. V. Istoriya chelovecheskogo intellekta [History of Human Intelligence]. Part 3. Sovremennyy intellekt. Perm, Izdatel'stvo Permskogo universiteta, 1999, 184 p. (In Russ.).
31. Pimenova M. V. Leksiko-semanticheskii sinkretizm kak proyavlenie formal'no-soderzhatel'noy yazykovoy asimmetrii [Lexical-semantic syncretism as a manifestation of formal-substantive linguistic asymmetry]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics]. 2011, no. 3, pp. 19-48. (In Russ.).
32. Prosyannikova O. I. Semanticheskaya struktura sinkreticheskikh form [Semantic structure of syncretic forms]. *Inostrannye yazyki v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Foreign languages in the context of intercultural communication]. 2020, no. XII, pp. 77-82. (In Russ.).

33. Prosyannikova O. I. Sootnoshenie imennykh i glagol'nykh znacheniy v sinkreticheskikh formakh [The relationship between nominal and verbal meanings in syncretic forms]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin]. 2015, no. 1, pp. 83-90. (In Russ.).
34. Smirnova E. A. Inkorporirovannyye aktanty v semantike otsubstantivnykh glagolov angliyskogo yazyka [Incorporated actants in the semantics of substantive verbs of the English language]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. Seriya: Filologiya* [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin. Series: Philology]. 2012, vol. 1, no. 2, pp. 104-107. (In Russ.).
35. Smirnova E. A. Osobennosti semanticheskogo potentsiala i funktsionirovaniya otsubstantivnykh glagolov (na materiale russkogo yazyka) [Features of the semantic potential and functioning of substantive verbs (based on the Russian language)]. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury (Vestnik IARYaL)* [Research Journal of Russian Language and Literature (Vestnik YARYaL)]. 2015, vol. 5, no. 2, pp. 95-107. (In Russ.).
36. Smirnova E. A. Funktsionirovanie glagolov s inkorporirovannymi aktantami (na materiale angliyskogo yazyka) [Функционирование глаголов с инкорпорированными актантами (на материале английского языка)]. PhD thesis, Perm', 2013, 215 p. (In Russ.).
37. Ten'er L. Osnovy strukturnogo sintaksisa [Basics of Structural Syntax]. Moscow, Progress, 1988, 656 p. (In Russ.).
38. Shustova S. V., Tret'yakova D. D. Glagoly s inkorporirovannym aktantom-instrumentom v russkom yazyke [Verbs with incorporated actant-instrument in Russian] *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2022, no. 1, pp. 26-33. (In Russ.).
39. Shcherbakova N. N. Otsubstantivnye glagoly v russkom prostorechii XVIII stoletiya [Substantive verbs in Russian colloquial speech of the 18th century]. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy* [Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology]. 2012, no. 2 (2), pp. 99-102. (In Russ.).
40. Engel's F. Anti-Dyuring. Dialektika prirody [Dialectics of nature]. Moscow, Izdatel'stvo «E», 2017, 832 p. (In Russ.).
41. Ludwig von Bertalanffy. General System theory: Foundations, Development, Applications. 1st ed. New York: George Braziller, Inc. 1968. 289 p.
42. Sapir E. The Problem of Noun Incorporation in American Languages // *American Anthropologist*, 1911, New Series, Vol. 13, No. 2 (Apr. – Jun., 1911), pp. 250-282.
43. Zipf G. Human Behavior and The Principle of Least Effort. Cambridge: Addison-Wesley Press, 1949. 573 p.

Информация об авторе

Р. Е. Сёмкин – аспирант, кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

R. E. Semkin – Postgraduate Student, Department of Linguistics and Translation,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 15.02.2025; одобрена после рецензирования 28.02.2025; принята к публикации 30.03.2025.

The article was submitted 15.02.2025; approved after reviewing 28.02.2025; accepted for publication 30.03.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 40–48.

Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 1. P. 40-48.

Научная статья

УДК 811.584'42

ДИХОТОМИЯ СВОЙ / ЧУЖОЙ В БИРМАНСКОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ

Елизавета Вадимовна Малахова¹, Светлана Викторовна Шустова²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ lisaveet@mail.ru

² lanaschust@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу концептуальной оппозиции СВОЙ / ЧУЖОЙ в бирманских фразеологических единицах (ФЕ). Оппозиция СВОЙ / ЧУЖОЙ представляет собой дихотомию, определяющую границы взаимодействия между различными этническими группами. Будучи взаимоисключающими понятиями, они формируют два противоположных полюса, вокруг которых строится восприятие и категоризация окружающего мира. Концептуальное противопоставление СВОЙ / ЧУЖОЙ неизменно привлекает внимание исследователей и является предметом глубокого научного анализа. Бинарное мышление, лежащее в основе организации человеческого опыта, актуализируется на фразеологическом уровне. Картина мира, формируемая каждой культурой, неотделима от языка, являющегося её главным инструментом воспроизводства. Бинарные оппозиции могут определять как пространственную ориентацию, так и ценностное отношение субъекта к окружающему миру. Изучение этих концептов, таких как СВОЙ / ЧУЖОЙ, невозможно без анализа фразеологического фонда, который является ресурсом для выявления и понимания культурных смыслов и ценностей, заложенных в языке. На основе анализа 50 фразеологических единиц, отобранных из сборника бирманских народных изречений, выявлено, что данные концепты актуализируются в языке посредством лексических единиц, местоимений, пространственно-временных указателей и эмоционально-оценочных средств. Установлено, что эта оппозиция пронизывает широкий спектр категорий человеческого опыта, таких как пространство, родство, принадлежность, свобода и значимость. Концепт СВОЙ представляет собой многогранное понятие, ядром которого является идея принадлежности, близости и общности. Он аккумулирует в себе представления о родственных связях, пространственной близости, общих ценностях и идентичности. В противоположность «своему», концепт ЧУЖОЙ обозначает все то, что находится за пределами личного пространства, воспринимается как нечто отличное, незнакомое и потенциально опасное.

Ключевые слова: СВОЙ / ЧУЖОЙ, концепт, дихотомия, биномы, фразеологический фонд, семантическое поле, бирманский язык.

Для цитирования: Малахова Е. В., Шустова С. В. Дихотомия свой / чужой в бирманском фразеологическом фонде // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 40–48.

Original article

DICHOTOMY СВОЙ / ЧУЖОЙ IN BURMESE PHRASEOLOGICAL FUND

Elizaveta V. Malakhova¹, Svetlana V. Shustova²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ lisaveet@mail.ru

² lanaschust@mail.ru

Abstract. This study is analyzed the conceptual opposition СВОЙ / ЧУЖОЙ within Burmese phraseological units (PUs). The СВОЙ / ЧУЖОЙ opposition is a dichotomy that defines the boundaries of interaction between different ethnic groups. Being mutually exclusive concepts, they form two opposite poles around which perception and categorization of the surrounding world are built. The conceptual opposition of СВОЙ / ЧУЖОЙ invariably attracts the attention of researchers and is the subject of in-depth scientific analysis. Binary thinking, fundamental to human experience, is actualized at the phraseological level. The worldview formed by each culture is inseparable from language, which is its main instrument of reproduction. Binary oppositions can determine both the spatial orientation and the value attitude of the subject to the surrounding world. The study of these concepts, such as СВОЙ / ЧУЖОЙ, is impossible without analyzing the phraseological fund, which is a resource for identifying and understanding cultural meanings and values embedded in the language. Based on the analysis of 50 PUs selected from a collection of Burmese folk sayings, it is revealed that these concepts are actualized in the language through lexical units, pronouns, spatio-temporal indicators, and emotional-evaluative means. The study establishes that this opposition permeates a broad spectrum of human experience categories, such as space, kinship, belonging, freedom, and significance. The concept of СВОЙ is a multifaceted concept, the core of which is the idea of belonging, proximity and community. It accumulates ideas about kinship, spatial proximity, common values and identity. In contrast to "one's own," the ЧУЖОЙ concept refers to everything that is outside of one's personal space, perceived as something different, unfamiliar, and potentially dangerous.

Keywords: СВОЙ / ЧУЖОЙ, concept, dichotomy, binoms, phraseological fund, semantic field, Burmese language.

For citation: Malakhova E. V., Shustova S. V. Dichotomy свой / чужой in burmese phraseological fund. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;2:40-48. (In Russ.).

Введение

Оппозиция СВОЙ / ЧУЖОЙ представляет собой дихотомию, определяющую границы взаимодействия между различными этническими группами. Будучи взаимоисключающими понятиями, они формируют два противоположных полюса, вокруг которых строится восприятие и категоризация окружающего мира. Концептуальное противопоставление СВОЙ / ЧУЖОЙ неизменно привлекает внимание исследователей и является предметом глубокого научного анализа [Арекеева 2022; Арекеева, Шустова 2023; Коркина, Шустова 2023; Меньшакова 2022; Трофимова 2024; Файзиева 2024; Фомичева 2023].

Бинарное мышление, основанное на противопоставлении двух взаимоисключающих категорий, является фундаментальным способом организации человеческого опыта: «архаичное сознание с помощью двоичных представлений устанавливало место людей в центре сложных пространственных зависимостей. Утверждая существование взаимосвязи между такими парами представлений, как «восток – запад», «правый – левый», «мужчина – женщина», оно превращало окружающее человека пространство в действенного участника его социальной деятельности. Характерно при этом, что действенность такого «организованного» пространства была связана не с активностью мифических сил, а с существованием скрытых зависимостей между двоичными представлениями» [Иорданский 1982: 62].

Такого же мнения придерживался и А. Б. Пеньковский: «одним из фундаментальных семиотических принципов с глубокой древности является членение универсума на два мира – «свой» и «чужой», противопоставление которых имеет множественную интерпретацию и реализуется в оппозициях типа «мы» – «они», «этот» – «тот», «здесь» – «там», «близкое» – «далекое» и мн. др.» [Пеньковский 2004: 13].

Картина мира, формируемая каждой культурой, неотделима от языка, являющегося её главным инструментом воспроизводства. Бинарные оппозиций могут определять как пространственную ориентацию, так и ценностное отношение субъекта к окружающему миру. Изучение этих концептов, таких как СВОЙ / ЧУЖОЙ, невозможно без анализа фразеологического фонда, который является ресурсом для выявления и понимания культурных смыслов и ценностей, заложенных в языке.

Бирманцы, основное население современной Мьянмы (ранее Бирманского союза), обладают богатым культурным наследием, отраженным в пословицах. Эти пословичные выражения, часто уходящие корнями в буддийскую литературу и дидактические сборники наставлений («нити»), отражают уникальные географические и климатические особенности страны, а также быт, обычаи и религиозные воззрения бирманского народа.

Всего из сборника бирманских народных изречений [Мазо 2010] было отобрано 50 фразеологических единиц (ФЕ), актуализирующих концепты СВОЙ / ЧУЖОЙ. Одна ФЕ могла относиться сразу к нескольким семантическим полям.

Основная часть

Актуализация концепта СВОЙ в бирманском фразеологическом фонде

Семантические поля, раскрывающие содержание концепта СВОЙ, представлены в таблице 1.

Микрополе ЭГОИЗМ образует ядро концепта СВОЙ. ФЕ, составляющие это микрополе, наглядно демонстрируют тенденцию преувеличения значимости собственных проблем *Только тот, у кого болит живот, знает, где боль* и, как следствие, проявление равнодушия к трудностям окружающих. Отсутствие эмпатии и эмоциональной вовлеченности в переживания других *Не до чужой печали, и своей еще с плеч не скачали* свидетельствует о равнодушии к «чужому», который, в отличие от «своего», лишен эмоциональной окраски и не вызывает сочувствия.

Микрополе ПРЕДАТЕЛЬСТВО выявляет парадоксальную ситуацию, когда угроза исходит изнутри группы, от тех, кто должен был бы быть опорой и защитой. ФЕ, составляющие это микрополе, подчеркивают горечь разочарования и ощущение уязвимости, вызванные действиями «своих», которые нарушают ожидания верности и поддержки *Наше войско на нас напало; наша же охрана нас арестовала*.

Ближняя периферия представлена микрополями СВОБОДА, ГОРДОСТЬ и РОДИНА, подчеркивая ценность независимости, самоуважения и привязанности к месту происхождения. Микрополе СВОБОДА подчеркивает автономию и независимость, связанные со «своим» пространством и ресурсами. Возможность распоряжаться «своим» по своему усмотрению *На своей клече куда хочу, туда и скачу*. Микрополе ГОРДОСТЬ проявляется в позитивной оценке «своего», в утверждении его превосходства и уникальности *Всякий купец свой товар хвалит*. Гордость за «свое» способствует формированию чувства собственного достоинства и положительной самоидентификации. Микрополе РОДИНА выражает глубокую привязанность к месту происхождения и

культурным корням, подчеркивая ценность традиций и национальной идентичности *Своя земля и в горсти мила*. Любовь к «своей» земле служит основой для патриотизма и чувства принадлежности к определенному сообществу.

Таблица 1. Семантические поля концепта СВОЙ

Семантическое поле	Примеры	Объем
ЭГОИЗМ	<i>Только тот, у кого болит живот, знает, где боль</i> (Болен зуб у себя во рту); <i>Ворона только свои яйца замечает</i> (Сова о сове, а всяк о себе); <i>Чужую свинью прокормить трудно</i> (К своему рту ложка ближе); <i>Чужое письмо прочел – жив остался, свое прочел – погибель настала</i> (Чужую печаль и с хлебом съешь, а своя и с калачом в горло нейдет).	16 % (8)
ПРЕДАТЕЛЬСТВО	<i>Мои весы меня же и обвешивают</i> (Нет досадней, как своя же дворняжка на тебя лает); <i>Наше войско на нас напало; наша же охрана нас арестовала</i> (Кому от чужих, а нам от своих); <i>Мой дождь меня же и мочит</i> (Нет досадней, как своя же дворняжка на тебя лает).	10 % (5)
СВОБОДА	<i>Моя лошадь – хочу, в Сагайн еду; моя лодка – хочу, в Перу плыву</i> (На своей кляче куда хочу, туда и скачу); <i>Воду со своей ладони хочу – тихонько лью, хочу – ладонь опрокину</i> (Свой хлеб хошь ночью ешь!)	8 % (4)
ГОРДОСТЬ	<i>Даже Будда взял бы сторону своей жены</i> (Всякому свое дороже); <i>У других рис растет, а у меня – красивая дочь</i> (Всякий купец свой товар хвалит).	8 % (4)
РОДИНА	<i>Только полюбив свою деревню, свою страну полюбишь</i> (Своя земля и в горсти мила); <i>В стране галоунов – Галоун господин, в стране нагов – Нага господин</i> (Всяк кулик в своем болоте велик).	8 % (4)
ПРЕИМУЩЕСТВО РОДНОГО	<i>Собственная хижина лучше большого дома, который приходится снимать</i> (Твое хоть дороже, а свое мне милее); <i>Наш Будда выше, чем у них</i> (Всякий цыган свою кобылу хвалит).	6 % (3)
СРАВНЕНИЕ	<i>Сравнивай свои помыслы с помыслами других</i> (Не все меряй на свой аршин!); <i>Наш Будда выше, чем у них</i> (Всякий цыган свою кобылу хвалит); <i>У других рис растет, а у меня – красивая дочь</i> (Всякий купец свой товар хвалит).	6 % (3)
ВЫГОДА	<i>Уж если опрокинуть – так в своей карман</i> (Домашняя копейка рубля бережет); <i>Раз в его пруду рыбы наловили, один горшок рыбы ему причитается</i> (Чье вино, того и здравьице).	4 % (2)
НЕДОСТАТКИ ДРУГИХ	<i>В своем глазу гной не видит, в чужом – видит</i> (У людей в глазу сучок видишь, а у себя и бревна не видишь).	2 % (1)

ПРЕИМУЩЕСТВО РОДНОГО и СРАВНЕНИЕ формируют дальнюю периферию. ФЕ, входящие в микрополе ПРЕИМУЩЕСТВО РОДНОГО, транслируют мысль о том, что принадлежность, близость и знакомство с объектом наделяют его особой привлекательностью и ценностью *Собственная хижина лучше большого дома, который приходится снимать*, подчеркивая приоритет чувства дома и принадлежности над материальными благами.

Микрополе СРАВНЕНИЕ вносит дополнительное понимание концепта СВОЙ. ФЕ этой группы указывают на тенденцию сравнивать «свое» с «чужим», причем сравнение это часто носит субъективный характер, направленный на возвышение «своего» *Всякий цыган свою кобылу хвалит* и *Всякий купец свой товар хвалит* подчеркивают универсальность человеческого стремления выставить в лучшем свете то, что ему принадлежит.

Актуализация концепта ЧУЖОЙ в бирманском фразеологическом фонде

В таблице 2 представлены семантические поля, раскрывающие содержание концепта ЧУЖОЙ, с количественным выражением каждого поля в процентах и иллюстрирующими примерами.

Таблица 2. Семантическое поле концепта ЧУЖОЙ

Семантическое поле	Примеры	Объем
БЕЗРАЗЛИЧИЕ	<i>Далеко пенек от слоновьего зада</i> (Не до чужой печали, и своей еще с плеч не скачали); <i>Убил слона и его мясом всю деревню угощает</i> (Чужим обедом гостей потчевать не убыточно); <i>Сосать молоко чужой матери</i> (Из чужого кармана платить не тяга).	20 % (10)
ЭГОИЗМ	<i>В своем глазу гной не видит, в чужом – видит</i> (У людей в глазу сучок видишь, а у себя и бревна не видишь); <i>Хоть он и умер, все равно моя болезнь тяжелее, чем у него, была</i> (Чужое горе не болит).	10 % (5)
УБЫТОК	<i>Полюбишь чужую жену – потратишь много бетеля</i> (Чужую пашенку пахать – семена терять); <i>Чужое добро – что слюна, которую нужно сплюнуть</i> (Чужим добром не разживешься).	8 % (4)
ЗАВИСТЬ	<i>Чужому деду больше ста лет</i> (Чужая корова велика); <i>Пагоду в своей деревне люди не почитают</i> (В чужой каше и зерна крупнее).	6 % (3)
ДИСКОМФОРТ	<i>В чужом доме, как зять у тещи, робеешь</i> (В чужом месте – что в лесу); <i>В чужую деревню переедешь – несчастлив будешь</i> (Скучно Афонюшке на чужой сторонushке).	4 % (2)
НЕПОЗНАВАЕМОСТЬ	<i>Насколько перепелка жирна и насколько притворщик хитер, люди не знают</i> (Чужая душа не гумно: не заглянешь).	2 % (1)
ПРЕДАТЕЛЬСТВО	<i>Наше войско на нас напало; наша же охрана нас арестовала</i> (Кому от чужих, а нам от своих).	2 % (1)
БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ	<i>В рисе, купленном на базаре, мякины много</i> (Чужие руки легки, да не к сердцу).	2 % (1)
ТОСКА	<i>В чужую деревню переедешь – несчастлив будешь</i> (Скучно Афонюшке на чужой сторонushке).	2 % (1)

Микрополе БЕЗРАЗЛИЧИЕ представляет собой ядро концепта ЧУЖОЙ, акцентируя внимание на эмоциональной дистанции и отсутствии сопереживания по отношению к внешнему миру. ФЕ, входящие в это микрополе, объединены общей семантикой отстраненности, незаинтересованности и пренебрежения к чужим проблемам, потребностям и ресурсам.

Во-первых, фиксируется равнодушие к чужой беде и печали *Далеко пенек от слонового зада*.

Во-вторых, прослеживается потребительское отношение к чужим ресурсам и выгодам: *Сосать молоко чужой матери; На чужих харчах свинью выкормил*.

В-третьих, подчеркивается преходящий характер чужого горя: *Чужой умер – только поминки видишь; свой умрет – горя хлебнешь; Чужое горе не больше, чем жара в сентябре* акцент делается на мимолетности чужих страданий, которые не затрагивают лично и не оставляют глубокого следа в памяти.

В-четвертых, выражается нежелание делиться и отдавать свое «чужим»: *Вещи мирянина – так давай-давай; вещи монаха – это му стоит, это пэ стоит*. Это отражает стремление сохранить собственные ресурсы и блага, не испытывая щедрости по отношению к внешнему миру.

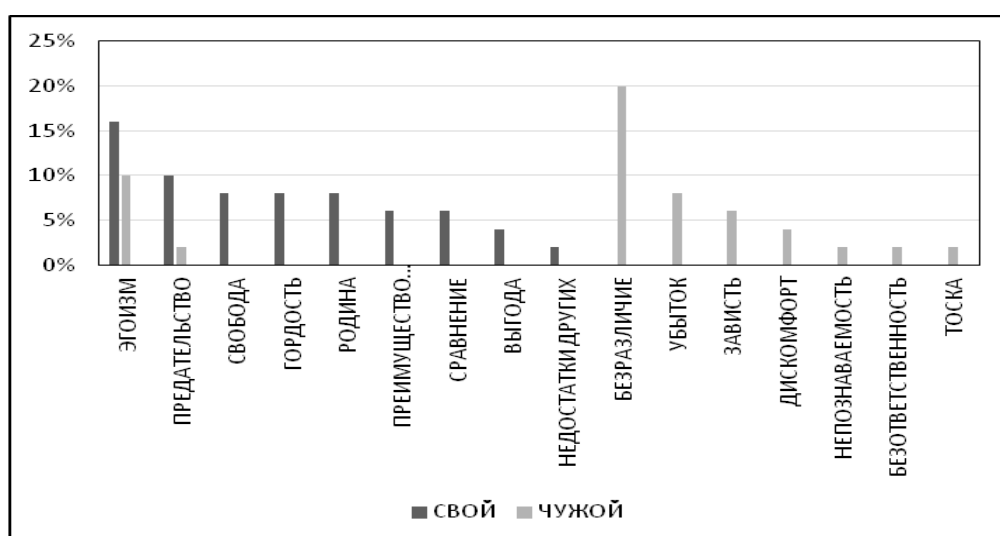

Рисунок 1. Распространение семантических полей концептов СВОЙ / ЧУЖОЙ

Микрополе ЭГОИЗМ дополняет ядро концепта ЧУЖОЙ, формируя образ мира, где доминируют личные интересы и где «чужое» рассматривается как средство для достижения собственных целей. Преувеличение собственных проблем и обесценивание чужих страданий *Хоть он и умер, все равно моя болезнь тяжелее, чем у него, была*. Стремление к извлечению выгоды из чужого, не отказываясь даже от малого, если оно дается даром: *Сам платит за рис – берет четверть корзины, бесплатно дают – и от половины корзины не откажется*.

Микрополе УБЫТОК формирует представление о «чужом» как об источнике потерь и разочарований. Оно подчеркивает, что взаимодействие с «чужим» сопряжено с риском утраты собственных ресурсов и не приносит желаемого результата. *Полюбишь чужую жену – потратишь много бетеля; Чужую пашенку пахать – семена терять* здесь подчеркивается, что стремление к обладанию «чужим» может привести к значительным затратам, которые не окупятся.

Микрополе ЗАВИСТЬ вносит важный нюанс в понимание отношения к «чужому». Зависть отражает сложное переплетение чувств, включающих неприязнь, восхищение и сожаление о том, что «свое» не соответствует «чужому» *Чужому деду больше ста лет; Пагоду в своей деревне люди не почитают*.

Таблица 3. Актуализация концептов СВОЙ / ЧУЖОЙ на лексическом уровне

Уровень	Средства выражения	Примеры
Лексический	Лексические единицы с семантикой «свое» и «чужое» («смысловые модализаторы»)	<i>Чужое письмо прочел – жив остался, свое прочел – гибель настала.</i>
Местоименные слова	Местоименные слова (я-ты; мы-вы; мы-они; наш-ваш; наш-их)	<i>Ты мне говоришь, что у тебя пропал петух, а я тебе скажу, что у меня пропала коза; У других рис растет, а у меня – красивая дочь.</i>
Пространственно-временной	Пространственная и временная локализация объектов (вместе – врозь; далеко – близко; здесь – там)	<i>Далеко пенек от слоновьего зада.</i>
Эмоционально-оценочный	Лексические единицы с эмоционально-оценочным и экспрессивным значением	<i>Вещи мирянина – так давай-давай; вещи монаха – это му стоит, это пэ стоит; Чужое добро – что слюна, которую нужно сплюнуть.</i>

Таблица 4. Категории противопоставления «своего» и «чужого»

Категория	Оппозиция	Пример
Пространство	Близкий / Далекий; Мир живых / Загробный мир; Родина / Чужбина	<i>Чужое письмо прочел – жив остался, свое прочел – гибель настала.</i>
Род / Семья	Родственник / Посторонний	<i>У других рис растет, а у меня – красивая дочь.</i>
Принадлежность	Собственный / Принадлежащий другим	<i>Раз в его пруду рыбы наловили, один горшок рыбы ему причитается.</i>
Свобода	Свобода / Несвобода	<i>Моя лошадь – хочу, в Сагайн еду; моя лодка – хочу, в Перу плыву.</i>
Значимость	Значимость / Незначимость; Важность / Неважность	<i>Вещи мирянина – так давай-давай; вещи монаха – это му стоит, это пэ стоит.</i>

Концептуальная оппозиция СВОЙ / ЧУЖОЙ пронизывает различные категории человеческого опыта и отражается в языке через противопоставление: в пространстве – близкого и далекого, родного и чужого; в сфере родства – родственников и посторонних; в отношениях собственности – своего и чужого; в состоянии – свободы и несвободы; и, наконец, в оценке – значимого и незначимого.

Концепты СВОЙ / ЧУЖОЙ, проявляя общую тенденцию к эгоцентризму, расходятся в своей эмоциональной и ценностной структуре: если СВОЙ, начиная с микрополя ЭГОИЗМ, расширяется до сфер СВОБОДЫ, ГОРДОСТИ и РОДИНЫ, формируя позитивную идентичность, основанную на независимости и самоуважении, то ЧУЖОЙ строится вокруг БЕЗРАЗЛИЧИЯ, УБЫТКА и ЗАВИСТИ, проецируя на «другого» негативный опыт и потенциальную угрозу. Концепты СВОЙ / ЧУЖОЙ находят свою актуализацию на различных уровнях языковой системы, а именно: на лексическом уровне, посредством использования лексических единиц с соответствующей семантикой; на уровне местоимений, через противопоставление личных и притяжательных местоимений; на пространственно-временном уровне, посредством указания на удаленность или близость; и, наконец, на эмоционально-оценочном уровне, с использованием лексики, выражающей эмоциональное отношение к «своему» и «чужому».

Заключение

Концепт СВОЙ представляет собой многогранное понятие, ядром которого является идея принадлежности, близости и общности. Он аккумулирует в себе представления о родственных связях, пространственной близости, общих ценностях и идентичности. СВОЙ – это то, что воспринимается как часть личного пространства, источник безопасности и поддержки. На лексическом уровне концепт СВОЙ актуализируется через использование местоимений первого лица (я, мы, мой, наш), лексики, обозначающей родственные связи (родственник, семья), пространственной близости (здесь, близко) и положительно окрашенных эмоционально-оценочных единиц.

В противоположность «своему», концепт ЧУЖОЙ обозначает все то, что находится за пределами личного пространства, воспринимается как нечто отличное, незнакомое и потенциально опасное. ЧУЖОЙ ассоциируется с отдаленностью, инаковостью, отсутствием общих ценностей и возможной враждебностью. На лексическом уровне концепт ЧУЖОЙ актуализируется через использование местоимений второго и третьего лица (ты, он, они, ваш, их), лексики, обозначающей отсутствие родственных связей (неродственник, чужак), пространственную удаленность (там, далеко) и негативно окрашенных эмоционально-оценочных единиц.

Список литературы

1. Аркеева Ю. Е. Концептуальная оппозиция «свой – чужой» в китайской языковой картине мира // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 32 (4). 2022. С. 793–801.
2. Аркеева Ю. Е. Шустова С. В. Моделирование ассоциативно-вербального поля категории «свой» в сознании носителей русского языка // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 1. С. 33–42.
3. Иорданский В. Б. Хаос и гармония. М. : Наука, 1982. 343 с.
4. Коркина М. И., Шустова С. В. Репрезентация концептов ОТЕЧЕСТВО / FATHERLAND в сознании носителей русского и английского языков // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 58–71.
5. Мазо В. Д. Бирманские народные изречения: Более 4000 бирманских пословиц и поговорок с их русскими эквивалентами. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 560 с.
6. Меньшакова Н. Н. «Свой – чужой» в паремийном пространстве романа «Дон Кихот» Сервантеса // Миграционная лингвистика. 2022. № 4. С. 4–14.
7. Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 464 с.
8. Трофимова А. Н. Субстандартные лексические единицы, репрезентирующие образ «чужой» (на материале телесериала «Бандитский Петербург») // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 27–33.
9. Файзиева Г. В. Лексико-семантическое поле «чужой» в сознании носителей русского языка // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 78–85.
10. Фомичева Я. А. Модель ассоциативно-вербального поля категории «язык вражды» // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 10. С. 79–92.

References

1. Arekeeva Yu. E. Kontseptual'naya oppozitsiya «svoiy - chuzhoy» v kitayskoy yazykovoy kartine mira [The conceptual opposition of “friend – foe” in the Chinese linguistic picture of the world]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»* [Bulletin of Udmurt University. Series “History and Philology”]. 32 (4). 2022, pp. 793-801. (In Russ.).

2. Arkeeva Yu. E. Shustova S. V. Modelirovanie assotsiativno-verbal'nogo polya kategorii «svooy» v soznanii nositeley russkogo yazyka [Modeling the associative-verbal field of the category "own" in the consciousness of native Russian speakers]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2023, no. 1, pp. 33-42. (In Russ.).
3. Iordanskiy V. B. Khaos i garmoniya [Chaos and harmony]. Moscow, Nauka, 1982, 343 p. (In Russ.).
4. Korkina M. I., Shustova S. V. Reprezentatsiya kontseptov OTEChESTVO / FATHERLAND v soznanii nositeley russkogo i angliyskogo yazykov [Representation of the concepts FATHERLAND in the minds of native Russian and English speakers]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanitarian studies. History and philology]. 2023, no. 12, pp. 58-71. (In Russ.).
5. Mazo V. D. Birmanskije narodnye izrecheniya: Bolee 4000 birmanskikh poslovits i pogovorok s ikh russkimi ekvivalentami [Burmese Folk Sayings: Over 4000 Burmese Proverbs and Sayings with their Russian Equivalents]. Moscow, Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2010, 560 p. (In Russ.).
6. Men'shakova N. N. "Svoy - chuzhoy" v paremiynom prostranstve romana «Don Kikhot» Servantesa ["Friend – Stranger" in the Paroemic Space of Cervantes's Don Quixote]. *Migratsionnaya lingvistika* [Migration linguistics]. 2022, no. 4, pp. 4-14. (In Russ.).
7. Pen'kovskiy A. B. Ocherki po russkoy semantike [Essays on Russian semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004, 464 p. (In Russ.).
8. Trofimova A. N. Substandartnye leksicheskie edinit'sy, reprezentiruyushchie obraz «chuzhoy» (na materiale teleseriala «Banditskiy Peterburg») [Substandard lexical units representing the image of "alien" (based on the TV series "Bandit Petersburg")]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2024, no. 1, pp. 27-33. (In Russ.).
9. Fayzieva G. V. Leksiko-semanticheskoe pole «chuzhoy» v soznanii nositeley russkogo yazyka [The lexical-semantic field "foreign" in the consciousness of native Russian speakers]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanitarian studies. History and philology]. 2024, no. 13, pp. 78-85. (In Russ.).
10. Fomicheva Ya. A. Model' assotsiativno-verbal'nogo polya kategorii «yazyk vrazhdy» [Model of the associative-verbal field of the category "hate speech"]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanitarian studies. History and philology]. 2023, no. 10, pp. 79-92. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. В. Малахова – студент, факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;

С. В. Шустова – доктор филологических наук, профессор,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

E. V. Malakhova – Student, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures,
Perm State University;

S. V. Shustova – Grand Ph. D. (Philology), Professor,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 30.01.2025; принята к публикации 25.02.2025.

The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 30.01.2025; accepted for publication 25.02.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 49–68.

Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 1. P. 49-68.

Научная статья

УДК 811.581'34

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КИТАЕ

Лю Хун¹, Светлана Викторовна Андросова²

^{1,2} Амурский государственный университет, Благовещенск, Амурская область, Россия

Аннотация. Цель статьи – представить теоретический обзор исследований китайских фонетистов в области просодии слога, слова и фразы. Основным материалом для исследования послужили статьи, монографии и диссертации на китайском языке, посвященные реализации разных просодических компонентов в китайском языке: основному тону, интенсивности, длительности и особенностям их взаимодействия. Дополнительным материалом послужили труды российских (советских) и зарубежных исследователей по просодии китайского и других языков. В ходе исследования выполнен критический анализ литературных источников и сравнительно-сопоставительный анализ представленных в них данных. В результате выявлено, что в просодических исследованиях китайских фонетистов, восходящих к 1929 г., ставилась проблема выявления схем взаимодействия лексических тонов и фразовой интонации, при этом и то, и другое изначально понималось как комплекс просодических параметров. В этом проявлялась общность фонетических взглядов китайских, западных и российских (советских) исследователей. Опираясь на известные в мире классификации просодических компонентов и интонационных единиц, китайские фонетисты всегда подчёркивали специфику своего языка как языка тонального, а отличия взаимодействия просодии слова и просодии фразы от индоевропейских языков всегда были и попрежнему находятся в зоне повышенного внимания. Исследования роли просодии как эмотивного средства на материале китайской речи начались сравнительно недавно, но уже накоплены данные о варьировании просодических компонентов, прежде всего основного тона, в зависимости от эмоциональной нагрузки.

Ключевые слова: лексический тон, основной тон, мелодика, интенсивность, длительность, просодия эмоций.

Для цитирования: Лю Хун, Андросова С. В. Просодические исследования в Китае // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 49–68.

Original article

PROSODIC STUDIES IN CHINA

Liu Hong¹, Svetlana V. Androsova²

^{1,2} Amur State University, Blagoveshchensk, Amur Region, Russia

Abstract. The purpose of the article is to provide a theoretical overview of the contribution made by Chinese phoneticians into the study of syllable, word and phrasal prosody. The major material was comprised by articles, books and dissertations examining the manifestation of a number of prosodic components in Chinese: pitch, intensity, duration and the patterns of their interaction. The works by Russian

(Soviet) and western researchers on the prosody of Chinese and other languages were taken as additional material. In the course of study, literature analysis was performed, and the results of previous studies were compared. The analysis showed that prosodic studies in China date back to 1929, and since that time the researchers have been working on the interaction patterns of lexical tones and intonation viewing both as a complex of prosodic parameters. This trend was common with the phonetic views shared by Russian (Soviet) and Western researchers. Dwelling on classifications of prosodic parameters and intonation units well-known in the world, Chinese phoneticians, however, have always stressed the specifics of their native language as a tonal language focusing on the differences of the interaction patterns of word prosody and phrasal prosody in Chinese and Indo-European languages. The studies of the role of prosody as an emotive means on Chinese material began not long ago. However, during a relatively short period, the researchers have accumulated important data on prosodic parameter variation concerning, first of all, pitch variation depending on emotionality level.

Keywords: lexical tone, pitch, melody, intensity, duration, prosody of emotions

For citation: Liu Hong, Androsova S. V. Prosodic studies in China. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;2:49-68. (In Russ.).

Введение

Цель статьи – представить теоретический обзор исследований китайских фонетистов в области просодии слога, слова и фразы. Основным материалом для исследования послужили статьи, монографии и диссертации на китайском языке, посвященные реализации разных просодических компонентов в китайском языке: основному тону, интенсивности, длительности, паузации, тембру и особенностям их взаимодействия. Дополнительным материалом послужили труды по просодии российских (советских) и зарубежных исследователей по просодии китайского и других языков. В ходе исследования выполнен критический анализ литературных источников и сравнительно-сопоставительный анализ представленных в них данных.

Итак, начало исследованиям интонации в Китае было положено Чжао Юаньжэнем ещё в 1929 г. (см. подробный анализ в [Цао 2007]), который в Китае считается выдающимся лингвистом, публиковавшим свои работы на китайском и английском языках в первой половине XX в. В Китае именно он впервые применил современные научные методы к анализу просодии.

В исследованиях Чжао Юаньжэня затрагивались следующие непростые аспекты:

- 1) различие лексического тона и фразовой интонации в китайском языке;
- 2) фонологический феномен изменения общей высоты основного тона (ОТ), иными словами, регистра, и подстройки тонов в непрерывном потоке речи (на материале чтения) с указанием количественных параметров настройки тона слогов при соединении их друг с другом в окружении слогов с разными лексическими тонами;
- 3) разработка прототипа интонационной структуры китайской фразы;
- 4) чёткое разделение формы и функции китайской интонации;
- 5) необходимость применения результатов исследования интонации в методике обучения китайскому языку.

Большинство идей Чжао Юаньжэня по изучению китайской интонации были унаследованы и развиты молодым поколением лингвистов. Особенно ценными оказались данные о взаимодействии лексического тона и интонации для построения семантически правильного высказывания, равно как и для правильного восприятия смысла высказывания. Полученные им результаты заложили прочную основу для последующего изучения

интонации китайского языка и её проявлений в разных диалектах. Однако некоторые идеи китайского фонетиста-классика вызвали споры и разногласия. Одной из таких идей была так называемая алгебраическая гармония, связанная с взаимодействием лексического тона и мелодического компонента фразовой интонации.

Основная часть

Взаимодействие лексического тона и фразовой интонации

«Резиновая лента» – это одна из трёх метафор – «резиновая лента», «алгебраическая гармония» и «большие и маленькие волны», – предложенных Чжао Юаньжэнем при анализе мелодического компонента интонации – частоты основного тона (ЧОТ). Метафора «резиновая лента» – это то, как визуализован график ОТ в программе акустического анализа речевого сигнала, где инклинация и деклинация сменяют друг друга в потоке речи. «Алгебраическая гармония» – это пропорциональность движения ОТ, выраженная в цифрах – алгебраических суммах, например, 55:56,214:216; 55:551,35:351 (по классификации регистра тона от 1 до 5 – низкий, средне-низкий, средний, средне-высокий, высокий) [Chao 1933].

Вместе с тем сам Чжао Юаньжэнь считал, что далеко не все случаи взаимодействия этимологического тона и интонации можно объяснить алгебраической гармонией, когда, например, восходящий или нисходящий тоны просто теряют в величине инклинации или деклинации. При несовпадении этимологического тона и направления интонационного движения реализуется сумма, когда после завершения этимологического тона добавляется интонационное движение и получается, например, вместо нисходящего тона – нисходяще-восходящий с бóльшим диапазоном деклинации и меньшим диапазоном инклинации, а вместо восходящего тона – восходяще-нисходящий с бóльшим диапазоном инклинации и меньшим диапазоном деклинации [Chao 1933: 131].

Ц. Цао, принимая идею в целом, настаивал, что ситуация не столь проста, как представлял классик Чжао Юаньжэнь [Цао 2013]. По мнению Ц. Цао, при построении китайской фразы имеет место сложное взаимодействие на уровне основного тона (этимологического тона отдельного слога, тонов многосложного слова с учетом правил подстройки тонов и мелодики фразы) и длительности в зависимости от комплекса просодических факторов, среди которых ударения во фразе, ритм и даже тембр и ряд других факторов, а взаимодействие тона и интонации носит не локальный, а глобальный характер. Шэнь Сяонань утверждала, что при взаимодействии лексического тона и интонации при несовпадении их направлений суммирования не происходит, вместо этого имеет место нейтрализация тона [Shen 1989, 1990]. Хотя с момента разработки Чжао Юаньжэнем интонационной теории прошло более 80 лет, она получает экспериментальное подтверждение на современном этапе развития исследований просодии, а метафоры алгебраической суммы и резиновой ленты в применении к основному тону и длительности до сих пор актуальны.

У Цзунцзи настаивал на гармонии отношений лексических тонов и интонации предложения, сравнивая мелодику фразы с основной музыкальной темой произведения и указывая на то, что частные колебания значений ОТ не имеют большого значения при сохранении мелодического контура [Wu 1993]. Лексические тоны приспособляются к мелодике фразы, варьируя по регистру, но сохраняя характерный контур [Хэ, Цзинь 1992; Цао 2002]. Вписываясь в интонационный рисунок фразы, лексические тоны подвержены регистровым изменениям, например, нижняя точка четвертого тона может соответствовать таковой для второго тона и т. п. [Ван и др. 2015].

Недавние исследования [Liu et al. 2021] выявили асимметрию в восприятии лексических тонов и интонации. Оказалось, что, во-первых, лексические тоны воспринимаются лучше, чем интонация, во-вторых, интонация вопроса хуже воспринимается в семантически нейтральном окружении в отличие от семантически контрастного окружения, при этом вопросы с деклинацией в конце воспринимаются как таковые лучше, чем вопросы с конечной инклинацией. В любом случае, восприятие лексических тонов было и остается самой серьезной проблемой для иностранцев, в чьем родном языке лексических тонов нет [Хуан 2022]. Еще ранее выявлено, что разница между вопросительной и утвердительной интонацией хорошо выражена только на пограничном тоне [Линь 2004].

Отдельным предметом исследования стало также взаимодействие лексических тонов в многосложных словах и лексических тонов и фразового ударения [Цзя и др, 2006; Ли Ч., Ли А. 2022; Хэ, Чжан 2024]. Ритмическая структура китайских двусложных слов представлена двумя основными схемами: 1) «сильный слог + слабый слог» и 2) «сильный слог + сильный слог». Под сильным, или тяжелым, слогом понимается слог, оформленный одним из четырех лексических тонов (Т1–Т4), а слабым, или легким, слогом считается слог, оформленный нулевым тоном. Первая схема в потоке речи является доминирующей. Это означает большее количество слабых слогов, чем указано в словарях (их количество может достигать до 16–18 % [Ли 2021]).

Помимо этих двух основных схем выделяются и две промежуточные схемы, в которых есть слог со «средним весом»: «сильный слог + средний слог» и «средний слог + сильный слог» [Ван, Фэн 2006; Цао 2008]. Ч. Ли и А. Ли идею со средними слогами не разделяют. Ими выявлено, что удлинение второго слога в двусложных словах с обоими сильными слогами может восприниматься как сигнал места фразового ударения. Они также обнаружили, что при постановке фразового ударения проявляется иерархия тонов. Самым сильным считается Т4, а самым слабым – Т3, поэтому если первый слог двусложного слова оформлен Т4, то именно на него будет падать фразовое ударение и оно будет восприниматься именно как фразовое ударение. Кроме того, при распределении ударений во фразе авторы выявили характерную для многих языков закономерность: ударения во фразе получают знаменательные слова, служебные слова во фразе остаются безударными. Центр, управляющий лексическими тонами, находится в зоне Брока и при афазиях у носителей китайского языка, даже если способность различать гласные-финали сохраняется (по крайней мере простые финали), то способность различать лексические тоны катастрофически нарушается [Лян 2003]. Ритмическая структура фразы напрямую зависит от ее длины [Ван 2003].

Особое внимание уделено ритмическим особенностям китайской речи и сложностям, которые испытывают изучающие китайский язык, в оформлении границ ритмических групп в зависимости от длины предложения, порой недостаточно эффективно используя параметр удлинения слога, к которому прибегают носители китайского языка [Гао, Ван 2020]. Особенности взаимодействия лексических тонов и фразовой интонации – большая проблема для изучающих китайский язык, которым сложно правильно вписать ритмический рисунок слов в интонационный контур фразы [Чи 2005; Сунь 2012; Ли, Линь 2018; Ма, Чжай 2024]. Известно, что чаще всего интерференции подвержены четвертый и первый тоны, в отличие от второго, третьего и легкого тонов, которые подвергаются интерференции реже [Шэнь 1989]. При усвоении тонов С. Шэнь рекомендует начать с определения индивидуальных регистровых возможностей голоса, а потом уже переходить к усвоению характерного контура [там же].

Словесное ударение: есть ли оно в китайском языке

Хотя большинством исследователей вопрос о наличии / отсутствии словесного ударения считается решенным – в китайском языке его нет, – в настоящее время возможность существования словесного ударения в китайском языке продолжает рассматриваться китайскими фонетистами [Инь 2021], которые изучают и сам феномен, и взаимодействие словесного ударения с просодией фразы. Ц. Чжан и Я. Чжоу являются сторонником отсутствия словесного ударения в китайском языке и считают его ненужным и избыточным понятием для китайской фонологии [Чжан 2021; Чжоу 2021].

Некоторые фонетисты продолжают настаивать на том, что аналогом словесного ударения в многосложных (двух- и трехсложных) словах может быть так называемый тяжелый слог – слог, оформленный одним из четырех тонов, а безударными слогами будут слоги, оформленные нулевым тоном. Особенности сочетания тяжелых и легких слогов формируют ритмический рисунок слова. Если такие слова поместить во фразу в условия взаимодействия лексических тонов с фразовой интонацией, то просодический тон будет носить фонетический, а не фонологический характер [Инь 2021].

Фразовая интонация

Чэнь Жун и Ши Юаньюань проанализировали достижения китайских лингвистов в исследовании фразовой интонации как отдельного феномена за период с 1929 года по 2003 год [Чэнь, Ши 2010]. Первой классификацией интонационных единиц следует считать классификацию Чжао Юаньжэня, который выделил 40 интонационных единиц, стремясь отразить сложность и богатство интонационных рисунков китайских фраз. Такая классификация оказалась слишком громоздкой и поэтому неудобной для исследований. Поэтому позже Ху Миньян [Ху 1987] предложил значительно более компактную классификацию из 8 интонационных единиц. В этой классификации учитывались тип тона в конце фразы, начальная точка основного тона (уровень начала), длина интонационной единицы и особенности расстановки ударений во фразе. К восьми типам интонации были отнесены: повествовательная, вопросительная, повелительная, побудительная, удивление, восклицательная, звательная, незавершенность. При этом Ху Миньян полностью осознавал, что данная классификация не может носить исчерпывающий характер, поскольку интонация меняется с течением времени. Еще позже Цзин Сун на материале пекинского диалекта выделила ещё меньше типов интонации – только три: высокую, среднюю и низкую [Цзин, 1992]. Данная классификация была признана слишком «грубой» и получила за это немало критики. Шэню Цзюну удалось интегрировать и модифицировать классификации Ху Миньяна и Цзин Сун.

В результате была предложена классификация интонационных единиц по двум признакам [Шэн 1999: 364]:

- 1) по функции в зависимости от коммуникативного типа предложения (повествовательная, вопросительная, повелительная, восклицательная),
- 2) по форме, определяемой направлением движения тона.

По второму признаку интонация делится на четыре группы, и каждая группа способна выражать серию значений и их оттенков, в том числе с положительными и отрицательными коннотациями:

- а) восходящая – для вопросов, включая риторические, призывов, а также для выражения удивления и волнения;

б) нисходящая – для выражения категоричности утверждения, просьбы, боли стыда, а также для восклицания;

в) ровная – для выражения серьёзности, торжественности, спокойствия, задумчивости, безразличия;

г) нисходяще-восходящая – выражает подтекст, включая преувеличение, ироничное отношение (в т. ч. сарказм), сомнение, удивление, неожиданность.

Нельзя не заметить определенное сходство с интонационными классификациями для европейских языков, например, английского (общеизвестная классификация Д. Кристала по высоте и направлению тона на предшкале, шкале и ядре (без заядерной части, поскольку она продолжает движение тона на ядре) [Crystal 1969: 195–292], не менее известная классификация из 10 тоногрупп и их разновидностей О’Коннора и Арнольда, ряд названий которых тоже представляют собой метафоры, напр., *the long jump*, *the jackknife* и др. [O’Connor, Arnold 1973: 106–252]) и русского (самая известная классификация из семи интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой (ИК-1 – ИК-7) [Брызгунова, 1977] и её расширенный вариант [Volskaya, Kachkovskaia 2016; Kachkovskaia et al. 2016; Volskaya, Skrelin 2009]).

Интересно отметить, что выделение единиц интонации в китайской лингвистике, начиная от 1929 года, прошло путь от очень разветвлённой и многообразной системы Чжао Юаньжэня из 40 единиц до так называемого редукционизма, когда количество интонационных единиц сократилось до минимума из трёх-четырёх и затем обратно к большему разнообразию в попытках поиска «золотой середины» [Chao 1933; Ху 1987; Цзин 1992; Шэнь 1999; Чэнь, Ши 2010]. В это время в интонологии русского языка, по словам С. В. Кодзасова [Кодзасов 2009], всё обстояло с точностью до наоборот: от редукционизма к большему разнообразию (ср. семь ИК у Е. А. Брызгуновой [Брызгунова 1977], изначально 10, а затем 13 у С. Оде [Ode 1989]) и десятки интонационных фигур у самого С. В. Кодзасова.

Мнения о том, какая часть фразы является наиболее информативной в определении типа интонации, расходятся. Одни китайские исследователи считают, что основную нагрузку здесь несет конец фразы (как в индоевропейских языках, что, весьма вероятно, является влиянием западной интонологии), другие же настаивают на том, что эта информация заложена на всем протяжении фразы [Чэнь, Ши 2010]. Мы также считаем, что эта информация заложена во всей фразе и что то же самое касается просодических способов выражения эмоций.

Ряд работ посвящены специфике китайской интонации по сравнению с интонацией других языков, в частности, английского [Линь 2015], где одно из важных отличий состоит в том, что интонация вопроса в китайском языке всегда выражена инклинацией – восходящим тоном, а повествовательная интонация – деклинацией. При этом и инклинация, и деклинация реализуются постепенно на всем протяжении фразы. По словам М. Линя, именно эту плавность инклинации и деклинации сложно освоить носителям других языков (нетональных), изучающим китайский язык. В английском же языке основную тональную нагрузку несет последний ударный слог фразы (ядро – единственный обязательный элемент тоногруппы), на который падает фразовое ударение. Аналогично и в русском языке, где деклинация маркирует рему нейтрального утверждения, а инклинация – рему общего вопроса (на ударном и, как продолжение, на заударном(ых) слоге(ах)) [Кодзасов 2009: 18].

Исследуется и интонация отдельных типов вопросительных фраз, например, такого особого типа как декларативный вопрос [Чжан, Чэнь 2022], который по своей форме является вопросом (оформляется вопросительным знаком) и служит для запроса

подтверждения: 没有预测到你的现在? – 'Разве не предвидели эту ситуацию?'. В таких вопросах интонация не восходящая, как в остальных китайских вопросительных предложениях, а нисходящая. При этом за счет увеличения длительности слогов к концу фразы замедляется темп и значительно снижается интенсивность.

Взаимодействие компонентов интонации также не раз становилось предметом исследования китайских лингвистов. Интонация понимается широко – как комплекс параметров: основной тон (направление и регистр), длительность и темп, интенсивность [Ши 1980; Хэ, Цзинь 1992; Шэнь 1992, 1994]. Мелодический компонент (основной тон) считается основным в выражении и восприятии повествовательной и вопросительной интонации, а также модальных значений [Сюй 1999; Ван, Цао 2022], это и ведущий компонент при формировании ритма фразы, за которым по значимости следуют длительность и интенсивность [Инь 2022]. Известно и о том, что темп речи оказывает влияние на основной тон, понижая его в случае замедления для всех лексических тонов, кроме ровного, при этом не влияя на конечный слог фразы [Цзян 2015].

Также выявлено, что слоги и группы слогов, реализованные нейтральным тоном, сокращаются по длительности и становятся менее интенсивными, а гласные в них подвергаются качественной редукции до нейтрального гласного ([ə]); группы слогов в этом случае подвержены стяжению [Линь, Ян 1980, 1990]. В случае вопросительной интонации и при выделении интонационного фокуса длительность увеличивается [Ван, Ши 2019]. Интенсивность ведет себя по-разному: высокие значения в начале и низкие в конце повествовательных, восклицательных предложениях и при выражении удивления, а в повелительных – наоборот, низкие в начале и высокие в конце; в длинных предложениях значения высокие в начале и низкие в конце, а в длинных – перепады интенсивности [Ван, Ши 2020].

Китайские интонологи осознают, что интонация одной и той же фразы может варьировать в зависимости от более широкого контекста и психо-физиологического состояния говорящего (см., напр., [Ши 1980]). Несмотря на варьирование, особенно в разговорной речи, взаимодействие лексических тонов и фразовой интонации успешно поддается моделированию [Шэнь 1994].

Просодические особенности эмоциональной речи

Прежде всего следует отметить, что среди всех функций интонации (организация и членение речевого потока, выражение степени связи между вычленяемыми отрезками речевого потока, оформление и противопоставление коммуникативных типов высказывания, выражение отношений между составляющими интонационных единиц, выражение эмоциональных значений и оттенков), функция выражения эмоциональности относится к самым спорным. Причина состоит в неясности ее статуса: является ли она лингвистической функцией, то есть участвует ли она в передаче языковой категории – модальности (как у Л. Р. Зиндера) или же ее следует относить к нелингвистическим функциям, поскольку она не участвует в передаче языковой категории (как у Т. М. Николаевой) (подробный анализ полемики по этому поводу см. [Светозарова 1982: 16–23]). Независимо от того, как рассматривать статус данной функции (лингвистический или нелингвистический), изучение ее просодической манифестации представляет особый интерес для китайского языка как тонального языка.

Изменения тонов, мелодики, расположения ударений и расстановка пауз во фразе зависят от семантики фразы и являются важными параметрами выражения эмоций. Китайскими фонетистами было выявлено, что разные просодические параметры играют разную роль в выражении эмоций [Ли и др. 2013]. А. Ли и соавторы [Li et al. 2011; Li 2015] также изучили особенности взаимодействия лексического тона и мелодики на материале китайских рамочных высказываний, выражающих семь различных эмоций – от радости до гнева. Авторы продемонстрировали расширение диапазона и повышение регистра основного тона на эмоциональных участках по сравнению с нейтральными, а для некоторых эмоций – даже изменение интонационного контура.

Другие китайские фонетисты Ц. Ван и С. Гуо, сравнивая просодическое выражение эмоций в неродственных английском и китайском языках, продемонстрировали, что в разных языках оно отличается, но во многом демонстрирует сходные черты. Авторы выявили, что при автоматическом распознавании эмоциональности модель, построенная на взаимодействии нескольких параметров, дает значительно более высокий процент правильного распознавания, чем модель, использующая единичные параметры [Wang, Guo 2022].

Интересно, что российские исследователи, также работавшие на материале двух неродственных языков, практически в то же время выявили, что повышение ОТ в восклицательных фразах является общей чертой для марийского и французского языков [Иванова, Егошина 2021]. Отмечается и особая роль тембровых модуляций в эмоциональной речи [Кодзасов, Кривнова 2001: 183–184; Тан и др. 2022].

Тип эмоции также вносит свои коррективы в реализацию просодических параметров. Количество таких типов разнится от четырёх до семи. Интонационное выражение таких эмоций, как радость, счастье, гнев заключается в повышении ОТ, а таких, как страх и грусть – в понижении ОТ [Zhang et al. 2006; Лю 2011; Wayland et al. 2015], однако есть и информация о том, что в речи некоторых носителей китайского языка понижение тона может сопровождать любую эмоцию [Wayland et al., 2015]. Что касается интенсивности, то для гнева она выше, чем для других эмоций и для эмоционально нейтральных высказываний, а для страха и грусти – самая низкая [Zhang et al. 2006; Лю 2011]. Длительность в случае гнева в целом демонстрирует тенденцию к сокращению, но, по сути, имеет место контраст «сокращение – удлинение», в то время как для выражения грусти зафиксирована максимальная длительность [Zhang et al. 2006; Лю 2011]. Особенности манифестации просодических параметров в высказываниях с одной и той же эмоцией могут не совпадать у разных исследователей. Так, для эмоции гнева пишут как об ускорении темпа (сокращении длительности слов, кроме тех, что оформлены третьим – сложным – тоном) [Zhang et al. 2006], так и о его замедлении [Erickson et al. 2016].

«Вес» просодических параметров в выражении эмоций, тоже оценивается по-разному. Так, в исследовании 2006 г. на материале 20 предложений в трехкратном произнесении каждого на каждую эмоцию восьмью носителями языка длительность полноценно участвовала в оформлении эмоций у всех дикторов [Zhang et al. 2006], а в более позднем исследовании на материале трех фраз в произнесении двух дикторов, у одного длительность не реагировала на варьирование эмоциональной нагрузки [Erickson et al. 2016]. И длительность, и основной тон, и тембр реализовывались по-разному в эмоции, выражающей доминирование и возбуждение [Тан и др. 2022].

Эмоция удивления была выражена повышением ОТ, интенсивности и увеличением длительности [Вань, Чжан 2004]. И все же определить знак (положительная или отрицательная) и вид эмоции опираясь только на просодию крайне сложно, так как одни и те же изменения параметров свойственны и положительным, и отрицательным эмоциям [Дон и др. 2021].

Для изучения просодического оформления эмоциональной нагрузки частей высказывания может оказаться весьма полезным опыт анализа просодического оформления частей высказывания с разной информативностью. Что касается основного тона, то ранее выявлено, что, например, в коммерческой звучащей рекламе на информативных участках значения основного тона повышались в слогах, оформленных первым-четвертым тонами, но не нулевым, который, наоборот, понижался [Androsova et al. 2022 b].

На материале китайской звучащей социальной и коммерческой рекламы обнаружено достаточно систематическое увеличение длительности слогов при увеличении информационной нагрузки и наоборот, при этом мужчины используют контраст по длительности более эффективно, чем женщины [Андросова и др., 2023]. В исследовании [Ли, Андросова, 2022] выявлено, что на участках с быстрым темпом образуются слабые формы слогов. Изучение параметров интенсивности в социальной и коммерческой рекламе большинстве случаев показало наличие разницы на информативно-нагруженных и малоинформативных участках [Androsova et al. 2022 a], при этом длительность и интенсивность могли действовать как совместно, так по отдельности, когда понижение одного параметра компенсировалось повышением другого [Чжан, Андросова 2022].

Таким образом, повышение основного тона, увеличение интенсивности и длительности являются маркерами повышенной информационной нагрузки. Можно предположить, что повышенная эмоциональная нагрузка будет оформлена схожим образом. Здесь нельзя не сказать о сложности изучения просодического оформления эмоциональной окрашенности в тональных языках, ведь одни и те же параметры – ОТ, интенсивность и длительность, а также тип фонации – являются акустическими параметрами и лексического тона, и фразовой просодии [Кодзасов, Кривнова 2001: 187–188], и эмотивности.

Заключение

В просодических исследованиях китайских фонетистов, восходящих к 1929 г., ставилась проблема выявления схем взаимодействия лексических тонов и фразовой интонации, при этом и то, и другое изначально понималось как комплекс просодических параметров. В этом проявлялась общность фонетических взглядов китайских, западных и российских (советских) исследователей. Опираясь на известные в мире классификации просодических компонентов и интонационных единиц, китайские фонетисты всегда подчеркивали специфику своего языка как языка тонального, а отличия взаимодействия просодии слова и просодии фразы от индоевропейских языков всегда были и по прежнему находятся в зоне повышенного внимания.

Исследования роли просодии как эмотивного средства на материале китайской речи начались сравнительно недавно, но уже накоплены данные о варьировании просодических компонентов, прежде всего основного тона, в зависимости от эмоциональной нагрузки. Однако и здесь имеется осознание комплексности отличий эмоциональных отрезков речи от неэмоциональных.

Изучение роли просодических компонентов в выражении эмоций для китайского языка представляет особую сложность, поскольку это тональный язык. В таком языке одни и те же просодические компоненты участвуют и в оформлении лексических (этимологических) тонов, и фразовой интонации, и эмоций. Разграничение этих влияний на акустическом уровне в ходе планирования эксперимента – непростая задача, которую предстоит решить.

Список литературы

1. Андросова С. В., Караваева В. Г., Чжан Цзяньвэнь. Длительность китайских слогов в коммерческом и социальном рекламном дискурсе // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 127–139. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-4-127-139>
2. Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. 3-е изд. М. : Русский язык, 1977. 194 с.
3. Иванова И. Г., Егошина Р. А. Просодические характеристики эмоционально окрашенных фраз в типологически неродственных языках: на материале марийского и французского языков // Финноугорский мир. 2021. Т. 13, № 1. С. 16–28. <https://doi.org/10.15507/20762577.013.2021.01.1628>
4. Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2001. 592 с.
5. Кодзасов С. В. Исследования в области русской просодии. М. : Языки славянских культур, 2009. 496 с.
6. Ли И., Андросова С. В. Слабые формы китайских слогов и их комбинаций: акустический аспект // Дискурсивные практики: жанровые и фонетические аспекты / Шустова С. В., Андросова С. В., Олешковская У. А., Ли Ифан, Чжан Цзяньвэнь, Палийчук Д. А.; науч. ред. Г. В. Файзиева. Пермь : АНО ДПО «ПИЭФ», 2022. С. 5–49.
7. Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1982. 176 с.
8. Чжан Ц., Андросова С. В. Акустические характеристики рекламного дискурса: информационный подход к анализу просодии // Дискурсивные практики: жанровые и фонетические аспекты / Шустова С. В., Андросова С. В., Олешковская У. А., Ли Ифан, Чжан Цзяньвэнь, Палийчук Д. А.; науч. ред. Г. В. Файзиева; Пермь : АНО ДПО «ПИЭФ», 2022. С. 50–90.
9. Androsova S. V., Karavaeva V. G., Zhang Z. Intensity Patterns for Chinese Syllables of Different Information Load (Based on Commercial and Social Radio Ads) // Integration of Engineering Education and the Humanities: Global Intercultural Perspectives. IEEE HGIIP 2022. Lecture Notes in Networks and Systems. 2022a. Vol. 499. https://doi.org/10.1007/978-3-031-11435-9_56
10. Androsova S. V., Karavaeva V. G., Zhang Z. Pitch Variation for Chinese Syllables of Different Information Load (Based on Commercial and Social Radio Ads) // Foreign Language Teaching. 2022b. Vol. 49, Iss. 5. P. 440–450. <https://doi.org/10.53656/for22.512pitc>
11. Chao Y. R. (赵元任). Tone and intonation in Chinese // 中央研究院历史语言研究所集刊 [Сб. тр. Ин-та истории и языка Китайской академии наук]. 1933. Т. 4, № 3. P. 121–134.
12. Crystal D. Prosodic systems and intonation in English. Cambridge : Cambridge University Press, 1969. 381 p. Odé C. Russian intonation: A perceptual description. Amsterdam: Rodopi, 1989. 304 p.
13. Erickson D., Zhu Ch., Kawahara Sh., Suemitsu A. Articulation, acoustics and perception of Mandarin Chinese emotional speech // Open Linguistics. 2016. Vol. 2. P. 620–635. <https://doi.org/10.1515/opli-2016-0034>
14. Kachkovskaia T., Kocharov D., Skrelin P., Volskaya N. CoRuSS – a new prosodically annotated corpus of Russian spontaneous speech // Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'16), Portorož, Slovenia: European Language Resources Association (ELRA), 2016. P. 1949–1954.

15. Li A. Emotional Intonation and Its Boundary Tones in Chinese // Encoding and Decoding of Emotional Speech. Prosody, Phonology and Phonetics. Berlin, Heidelberg: Springer, 2015. https://doi.org/10.1007/978-3-662-47691-8_5
16. Li A., Fang Q., Dang J. Emotional intonation in a tone language: Experimental evidence from Chinese // ICPhS XVII, Hong Kong, 17-21 August 2011. P. 1198–1201.
17. Liu M., Chen Y., Schiller N. O. Context matters for tone and intonation processing in Mandarin // Language and Speech. 2021. Vol. 65, Iss. 1. <https://doi.org/10.1177/0023830920986174>
18. O'Connor J. D., Arnold G. F. Intonation in colloquial English. A Practical handbook. 2nd edn. Longman, 1973. 298 p.
19. Odé C. Russian intonation: A perceptual description. Amsterdam: Rodopi, 1989. 304 p.
20. Shen X. Interplay of the four citation tones and intonation in Mandarin Chinese // Journal of Chinese Linguistics // Journal of Chinese Linguistics. 1989. Vol. 17, Iss. 1. P. 61–74.
21. Shen X. The Prosody of Mandarin Chinese. California: University of California Press. 1990. 95 p.
22. Volskaya N., Kachkovskaia T. Prosodic annotation in the new corpus of Russian spontaneous speech CoRuSS // Speech Prosody 2016, 31 May – 3 June 2016, Boston, USA. P. 917–921.
23. Volskaya N. B., Skrelin P. A. Prosodic model for Russian // Proceedings of Nordic Prosody X. Peter Lager, 2009. P. 249–260.
24. Wang Z., Guo X. Research on Mandarin Chinese in speech emotion recognition // MLNLP '22: Proc. of the 2022 5th International Conference on Machine Learning and Natural Language Processing (December 2022, Sanya, China). NY: Association for Computing Machinery, 2023 P. 99–103.
25. Wayland R., Zhu Y., Perdomo M. Production of emotional intonation among Mandarin and English speakers // The Journal of the Acoustical Society of America. 2015. Vol. 138. P. 1944–1944. <https://doi.org/10.1121/1.4934148>
26. Wu Z. (吴宗济). A new method of intonation analysis for Standard Chinese: Frequency transposition processing of phrasal contours in a sentence. RPR-IL, CASS.1993. P. 1–18.
27. Zhang Sh., Ching P. C., Kong F. Acoustic Analysis of Emotional Speech in Mandarin Chinese // International Symposium on Chinese spoken language proc. (ISCSLP-2006). Kent Ridge, Singapore, December 13–16, 2006. P. 1–10. URL : https://www.isca-archive.org/iscslp_2006/zhang06b_iscslp.pdf
28. 曹剑芬. 赵元任语调思想探微[J]. 中国语音学报. 2013 年. 第 4 期. 1-18 页 [Цао Ц. Исследование мелодики через призму интонационной теории Чжао Юаньжэня // Фонетика в Китае. 2013. № 4. С. 1–18].
29. 曹剑芬. 汉语普通话词重音问题再探. 《南大语言学》第三编. 商务印书馆. 北京. 2008 年. 20-29 页 [Цао Ц. Ещё раз к вопросу о словесном ударении в китайском языке // Лингвистика в Нанкинском университете. Ч. 3. Пекин : Коммерческая пресса, 2008. С. 20–29].
30. 曹剑芬. 汉语声调与语调的关系[J]. 中国语文. 2002 年. 第 3 期. 195-202 页 [Цао Ц. Связь между китайским тоном и интонацией // Китайская филология. 2002. № 3. С. 195–202].
31. 曹文. 赵元任先生对汉语语调研究的贡献[J]. 世界汉语教学. 2007 年. 第 4 期. 75-85 页 [Цао В. Вклад г-на Чжао Юаньжэня в изучение китайской интонации // Преподавание китайского языка в мире. 2007. № 4. С. 75–85].
32. 陈茸 · 石媛媛. 汉语语调研究概述[N]. 南昌教育学院学报. 2010. 第 25 卷. 第 6 期. 62–62 页 [Чэнь Ж., Ши Ю. Обзор исследований китайской интонации // Журнал Наньчанского института образования. 2010. Т. 25. № 6. С. 62–62].

33. 池杨琴.对外汉语声调教学研究述评.解放军外国语学院学报.2005 年.第 28 卷.第 1 期. 55-58 页 [Чи Я. Обзор исследований по преподаванию тона в китайском языке как иностранном // Журнал Народного института иностранных языков. 2005. Т. 28. № 1. С. 55–58.].
34. 董永峰, 苏海洋, 刘斌, 陶建华. 基于多头注意力机制的模型层融合维度情感识别方法. 信号处理. 2021 年. 第 37 卷. 第 5 期. 885-892 页 [Дон Ю., Су Х., Лю Б., Тао Ц. Метод многомерного распознавания эмоций при слияния слоев модели, основанный на механизме трансформации // Журнал автоматического синтеза речи. 2021. Т. 37. № 5. С. 885–892.].
35. 高思畅, 王建勤. 句法结构和句子长度对汉语学习者口语韵律组块的影响[J]. 世界汉语教学. 2020 年. 第 1 期. 115-128 页 [Гао С., Ван Ц. Влияние синтаксической структуры и длины предложения на формирование ритмических блоков в разговорной речи изучающих китайский язык // Преподавание китайского языка в мире. 2020. № 1. С. 115–128].
36. 贺岩, 张慧丽. 从平凉方言 NN 式名词的重音模式看连读调与词调的关系. 河西学院学报. 2024 年. 第 40 卷. 第 6 期. 66-74 页 [Хэ Я., Чжан Х. Взаимоотношение между двумя типами тонов в многосложных словах: случай редупликации в пиньянском диалекте // Журнал университета Хэси. 2024. Т. 40. № 6. С. 66–74.].
37. 贺阳, 劲松. 北京话语调的实验探索[J]. 语言教学与研究. 1992 年. 第 2 期. 71-96 页 [Хэ Я., Цзинь С. Экспериментальное исследование интонации в пекинском диалекте // Исследование и преподавание языка. 1992. № 2. С. 71–96.].
38. 胡明扬. 北京话初探. 北京: 商务印书馆, 1987, 第 1 期, 164 页 [Ху М. Предварительное изучение пекинского диалекта. Пекин: Коммершиал Пресс 1987. Вып. 1. 164 с.].
39. 黄彬. 无声调母语者汉语语音特征调查[J]. 哈尔滨师范大学社会科学学报. 2022 年. 第 13 卷. 第 2 期. 96-100 页 [Хуан Б. Анализ результатов обучения иностранцев китайским тонам // Журнал социальных наук Харбинского пед. ун-та. 2022. Т. 13. № 2. С. 96–100.].
40. 贾媛, 熊子瑜, 李爱军. 普通话焦点重音对语句音高的作用. 2006 年语音研究报告. 2006 年. 61-68 页 [Цзя Ю., Сюн Ц., Ли А. Влияние фразового акцента на мелодику предложения // Сборник фонетических исследований. 2006. С. 61–68]. <http://paslab.phonetics.org.cn/?p=678>
41. 江海燕. 语速对语句内部音高变化的影响. 首都师范大学学报: 社会科学版. 2015 年. 第 3 期. 103-107 页 [Цзян Х. Влияние скорости речи на изменение высоты звука во фразах // Журнал Столичного педагогического университета. Сер. Социальные науки. 2015. № 3. С. 103–107].
42. 劲松. 北京话的语气和语调[J]. 中国语文. 1992 年. 第 2 期. 113-123 页. [Цзин С. Тон и интонация пекинского диалекта // Китайская филология. 1992. № 2. С. 113–123].
43. 李爱军. 汉语口语语篇库: 建构与标注. 北京: 中国社会科学出版社. 2021 年. 344 页 [Ли А. База данных разговорного китайского языка: построение и разметка. Пекин: Изд-во социальных наук в Китае, 2021. 344 с.].
44. 李智强, 李爱军. 普通话连续话语中轻重音的层级性和韵律表征[J]. 韵律语法研究. 2022 年. 第 1 期. 88-114 页 [Ли Ч., Ли А. Иерархия ударений во фразе в потоке речи на стандартном китайском языке // Исследование грамматической просодии. 2022. № 1. С. 88–114].

45. 李智强,林茂灿.对外汉语声调和语调教学中的语音学问题.国际汉语教学研究. 2018 年.第 3 期. 26-36 页 [Ли Ч., Линь М. Фонетические аспекты преподавания лексического тона и интонации в китайском языке как иностранном // Международные исследования преподавания и изучения китайского языка. 2018. № 3. С. 26–36.].
46. 梁洁.汉语声调和语调在布洛卡语言区模式化的研究[M]. 石锋指导的博士生论文题目与摘要. 乌鲁木齐:新疆大学出版社. 2003 年. 395-396 页 [Лян Ц. Изучение моделирования китайского тона и интонации в языковой зоне Брока // Названия и аннотации к диссертациям, выполненным под руководством Ши Фен. Урумчи: Изд-во Синьцзянского ун-та, 2003. С. 395–396.].
47. 林茂灿, 颜景助.北京话轻声的声学性质[J].方言,1980 年.第 2 卷.第 3 期.166-178 页 [Линь М., Ян Ц. Акустические характеристики пекинского диалекта // Диалект. 1980. Т. 2. № 3. С. 166–178].
48. 林茂灿,颜景助.普通话轻声与轻重音[J].语言教学与研究. 1990 年.第 3 期. 88-104 页. [Линь М., Ян Ц. Нейтральный тон и слабое и сильное ударение в путунхуа // Исследование и преподавание языка. 1990. № 3. С. 88–104].
49. 林茂灿.汉英语调的异同和对外汉语语调教学——避免“洋腔洋调”之我见.《国际汉语教学研究》. 2015 年.第 3 期.39-46 页 [Линь М. Сходства и различия между китайской и английской интонацией в обучении китайскому языку как иностранному – о том, как избегать «иностранного акцента в интонации // Международные исследования преподавания и изучения китайского языка. 2015. № 3. С. 39–46].
50. 林茂灿.汉语语调与声调[J].语言文字应用.2004 年.第 3 期. 57-67 页 [Линь М. Китайские интонация и тон // Прикладные исследования языка]. 2004. № 3. С. 57–67.
51. 刘艳.普通话的情感语音韵律分析.南京师范大学硕士学位论文.2011 年.90 页.[Лю Я. Анализ эмоционального ритма в китайском языке: магистерская дис. Нанкинский педагогический университет, 2011. 90 с.].
52. 马秋武,翟海莹.动态语音教学：国际汉语语音教学的有效手段. 汉语学习. 2024 年. 第 1 期. 73-83 页. [Ма Ц., Чжай Х. Отработка произношения: эффективный метод обучения китайскому произношению // Преподавание китайского языка в мире.. 2024. № 1. С. 73–83].
53. 沈炯 《汉语音高载信系统模型》,《中国语言学的新拓展》,香港城市大学出版社. 1999 年. [Шэнь Ц. Модель китайской системы передачи звука. Новое развитие китайской лингвистики. Изд-во гор. ун-та Гонконга, 1999].
54. 沈炯.汉语语调构造和语调类型[J].方言. 1994 年. 第 3 期. 221-228 页 [Шэнь Ц. Интонационные компоненты и типы интонации в китайском языке // Диалект. 1994. № 3. С. 221–228.].
55. 沈炯.汉语语调模型刍议[J].语文研究. 1992 年. 第 4 期. 16-24 页 [Шэнь Ц. Предварительное обсуждение моделей китайской интонации // Изучение языка. 1992. № 4. С. 16–24].
56. 沈晓楠.关于美国人学习汉语声调[J].世界汉语教学,1989 年.第 3 卷.第 3 期.158-168 页 [Шэнь С. Об изучении американцами китайского тона // Преподавание китайского языка в мире. 1989. Т. 3. № 3. С.158–168].
57. 石佩雯.四种句子的语调变化[J].语言教学与研究,1980 年.第 2 期.71-81 页. [Ши П. Вариативность интонации в четырех типах предложений // Исследование и преподавание языка. 1980. № 2. С. 71–81].

58. 孙菲菲. 对外汉语声调和语调教学中的语音学问题——声调的瓶颈“洋腔洋调”. 文学界. 2012 年. 第 11 期. 111-112 页 [Сунь Ф. Фонетические аспекты преподавания китайского языка как иностранного: тон и интонация через призму тона и интонации в западных языках // Мир литературы. 2012. № 11. С. 111–112].
59. 汤恩泽, 龚婕, 管晶晶, 丁红卫. 中性语音韵律影响语义情绪感知: 来自大规模情感评价实验的证据[J]. 中国语音学报, 2022 年. 第 2 期. 53-68 页 [Тан Э., Гун Ц., Гуань Ц., Дин Х. Влияние нейтральности просодии на восприятие видов эмоций: данные широкомасштабного эксперимента по оценке эмоций // Фонетика в Китае. 2022. № 2. С. 53–68].
60. 万光荣, 张青. 汉语自然会话中的惊讶表达: 基于韵律和身势的实证分析. 湖南师范大学社会科学学报. 2004 年. 第 53 卷. 第 5 期. 131-139 页 [Вань Г., Чжан Ц. Выражение удивления в китайской диалогической речи: экспериментальное исследование, основанное на просодии и жестах // Журнал социальных наук Нормального гуманитарного университета. 2004. Т. 53. № 5. С. 131–139].
61. 王茂林. 普通话自然话语的韵律模式. 中国社会科学院研究生院博士学位论文. 2003 年. 109 页 [Ван М. Ритмическая структура естественной китайской речи: дис... д-ра филол. наук. Китайская академия социальных наук, 2003. 109 с.].
62. 王萍, 石锋. 汉语普通话不同语句类型的时长分布模式[J]. 语言教学与研究. 2019 年. 第 2 期. 101-112 页 [Ван П., Ши Ф. Модели распределения длительности в предложениях различного типа в стандартном китайском // Исследование и преподавание языка. 2019. № 2. С. 101–112].
63. 王萍, 石锋. 汉语普通话不同语句类型的音强分布模式[J]. 南开语言学刊, 2020 年. 第 2 期. 19-28 页 [Ван П., Ши Ф. Модели распределения интенсивности в предложениях различного типа в стандартном китайском // Нанкайский лингвистический журнал. 2020. № 2. С. 19–28].
64. 王韞佳, 丁多永, 东孝拓. 不同语调条件下的声调音高实现[J]. 声学学报. 2015 年. 第 6 期. 902-913 页 [Ван Ю., Дин Д., Дун С. Влияние интонации на реализацию лексических тонов в стандартном китайском // Акустический журнал. 2015. № 6. С. 902–913].
65. 王焰宇, 曹梦雪. 普通话无标[ma]字句韵律研究[J]. 中国语音学报. 2022 年. 第 1 期. 36-46 页 [Ван Ч., Цао М. Просодия эмоционально нейтральных предложений с частицей [ma] // Фонетика в Китае. 2022. № 1. С. 36–46].
66. 王志洁, 冯胜利. 声调对比法与北京话双音组的重音类型. 语言科学. 2006 年. 第 5 卷. 第 1 期. 3-22 页 [Ван Ч., Фэн Ш. Метод сравнения тонов и типов ударения в диатонической группе в пекинском диалекте // Языкознание. 2006. Т. 25. № 1. С. 3–22.].
67. 许毅. 从简单的音高目标到复杂的基频曲线[A]. 现代语音学论文集 [C]. 北京: 金城出版社, 1999 年. 92-97 页 [Сюй Й. От простых до сложных контуров основного тона [A] // Сборник современных фонетических исследований. Пекин: Изд-во «Цзиньчэн». 1999. С. 92–97].
68. 殷治纲. 汉语词汇层面的轻重音研究[J]. 中国语音学报. 2021 年. 第 2 期. 95-109 页 [Инь Ч. К вопросу о словесном ударении в китайском языке // Фонетика в Китае. 2021. № 2. С. 95–109].
69. 殷治纲. 汉语节奏研究综述[J]. 中国语音学报. 2022 年. 第 2 期. 33-50 页 [Инь Ч. Обзор исследований ритма китайского языка // Фонетика в Китае. 2022. № 2. С. 33–50].

70. 张吉生. 也论汉语词重音[J]. 中国语文. 2021 年. 第 1 期. 43-55 页 [Чжан Ц. К вопросу о словесном ударении в китайском языке // Китайская филология, 2021. № 1 С. 43–55].
71. 张欣阳, 陈玉东. 互动视角下陈述疑问句的韵律特征初探[J]. 中国语音学报. 2022 年. 第 1 期. 47-55 页 [Чжан С., Чэнь Ю. Пилотное исследование взаимодействия просодических характеристик в декларативных вопросах // Фонетика в Китае. 2022. № 1. С. 47–55].
72. 周韧. 汉语词重音问题再论[J]. 韵律语法研究. 2021 年. 第 2 期. 150-170 页 [Чжоу Ж. Ещё раз к вопросу о словесном ударении в китайском языке // Исследование грамматической просодии. 2021. № 2. С. 150–170].

References

1. Androsova S. V., Karavaeva V. G., Chzhan Tszyan'ven'. Dlitel'nost' kitayskikh slogov v kommercheskom i sotsial'nom reklamnom disкурсе [Duration of Chinese Syllables in Commercial and Social Advertising Discourse]. *Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya* [Bulletin of NSU. Ser.: History, philology]. 2023, vol. 22, no. 4: Vostokovedenie, pp. 127-139. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-4-127-139> (In Russ.).
2. Bryzgunova E. A. *Zvuki i intonatsiya russkoy rechi* [Sounds and intonation of Russian speech]. 3th ed., Moscow, Russkiy yazyk, 1977, 194 p. (In Russ.).
3. Ivanova I. G., Egoshina R. A. Prosodicheskie kharakteristiki emotsional'no okrashennykh fraz v tipologicheski nerodstvennykh yazykakh: na materiale mariyskogo i frantsuzskogo yazykov [Prosodic characteristics of emotionally charged phrases in typologically unrelated languages: on the material of the Mari and French languages]. *Finnougorskiy mir* [Finno-Ugric world]. 2021, vol. 13, no. 1, pp. 16-28. <https://doi.org/10.15507/20762577.013.2021.01.1628> (In Russ.).
4. Kodzasov S. V., Krivnova O. F. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2001, 592 p. (In Russ.).
5. Kodzasov S. V. *Issledovaniya v oblasti russkoy prosodii* [Research in Russian Prosody]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009, 496 p. (In Russ.).
6. Li I., Androsova S. V. Slabye formy kitayskikh slogov i ikh kombinatsiy: akusticheskiy aspekt [Weak Forms of Chinese Syllables and Their Combinations: Acoustic Aspect]. *Diskursivnye praktiki: zhanrovye i foneticheskie aspekty* [Discursive practices: genre and phonetic aspects]. Perm', ANO DPO «PIEF», 2022, pp. 5-49. (In Russ.).
7. Svetozarova N. D. *Intonatsionnaya sistema russkogo yazyka* [The intonation system of the Russian language]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1982, 176 p. (In Russ.).
8. Chzhan Ts., Androsova S. V. Akusticheskie kharakteristiki reklamnogo diskursa: informatsionnyy podkhod k analizu prosodii [Acoustic characteristics of advertising discourse: an informational approach to prosody analysis]. *Diskursivnye praktiki: zhanrovye i foneticheskie aspekty* [Discursive practices: genre and phonetic aspects]. Perm', ANO DPO «PIEF», 2022, pp. 50-90. (In Russ.).
9. Androsova S. V., Karavaeva V. G., Zhang Z. Intensity Patterns for Chinese Syllables of Different Information Load (Based on Commercial and Social Radio Ads) // *Integration of Engineering Education and the Humanities: Global Intercultural Perspectives. IEEEHGIP 2022. Lecture Notes in Networks and Systems*. 2022a. Vol. 499. https://doi.org/10.1007/978-3-031-11435-9_56
10. Androsova S. V., Karavaeva V. G., Zhang Z. Pitch Variation for Chinese Syllables of Different Information Load (Based on Commercial and Social Radio Ads) // *Foreign Language Teaching*. 2022b. Vol. 49, Iss. 5. P. 440–450. <https://doi.org/10.53656/for22.512pitc>
11. Chao Y. R. (赵元任). *Tone and intonation in Chinese* // 中央研究院历史语言研究所集刊 [Сб. тр. Ин-та истории и языка Китайской академии наук. 1933. Т. 4, № 3. P. 121–134].

12. Crystal D. Prosodic systems and intonation in English. Cambridge : Cambridge University Press, 1969. 381 p. Odé C. Russian intonation: A perceptual description. Amsterdam: Rodopi, 1989. 304 p.
13. Erickson D., Zhu Ch., Kawahara Sh., Suemitsu A. Articulation, acoustics and perception of Mandarin Chinese emotional speech // *Open Linguistics*. 2016. Vol. 2. P. 620–635. <https://doi.org/10.1515/opli-2016-0034>
14. Kachkovskaia T., Kocharov D., Skrelin P., Volskaya N. CoRuSS – a new prosodically annotated corpus of Russian spontaneous speech // *Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'16)*, Portorož, Slovenia: European Language Resources Association (ELRA), 2016. P. 1949–1954.
15. Li A. Emotional Intonation and Its Boundary Tones in Chinese // *Encoding and Decoding of Emotional Speech. Prosody, Phonology and Phonetics*. Berlin, Heidelberg: Springer, 2015. https://doi.org/10.1007/978-3-662-47691-8_5
16. Li A., Fang Q., Dang J. Emotional intonation in a tone language: Experimental evidence from chinese // *ICPhS XVII*, Hong Kong, 17-21 August 2011. P. 1198–1201.
17. Liu M., Chen Y., Schiller N. O. Context matters for tone and intonation processing in Mandarin // *Language and Speech*. 2021. Vol. 65, Iss. 1. <https://doi.org/10.1177/0023830920986174>
18. O'Connor J. D., Arnold G. F. Intonation in colloquial English. A Practical handbook. 2nd edn. Longman, 1973. 298 p.
19. Odé C. Russian intonation: A perceptual description. Amsterdam: Rodopi, 1989. 304 p.
20. Shen X. Interplay of the four citation tones and intonation in Mandarin Chinese // *Journal of Chinese Linguistics* // *Journal of Chinese Linguistics*. 1989. Vol. 17, Iss. 1. P. 61–74.
21. Shen X. The Prosody of Mandarin Chinese. California: University of California Press. 1990. 95 p.
22. Volskaya N., Kachkovskaia T. Prosodic annotation in the new corpus of Russian spontaneous speech CoRuSS // *Speech Prosody 2016*, 31 May – 3 June 2016, Boston, USA. P. 917–921.
23. Volskaya N. B., Skrelin P. A. Prosodic model for Russian // *Proceedings of Nordic Prosody X*. Peter Lager, 2009. P. 249–260.
24. Wang Z., Guo X. Research on Mandarin Chinese in speech emotion recognition // *MLNLP '22: Proc. of the 2022 5th International Conference on Machine Learning and Natural Language Processing (December 2022, Sanya, China)*. NY: Association for Computing Machinery, 2023 P. 99–103.
25. Wayland R., Zhu Y., Perdomo M. Production of emotional intonation among Mandarin and English speakers // *The Journal of the Acoustical Society of America*. 2015. Vol. 138. P. 1944–1944. <https://doi.org/10.1121/1.4934148>
26. Wu Z · (吴宗济). A new method of intonation analysis for Standard Chinese: Frequency transposition processing of phrasal contours in a sentence. RPR-IL, CASS.1993. P. 1–18.
27. Zhang Sh., Ching P. C., Kong F. Acoustic Analysis of Emotional Speech in Mandarin Chinese // *International Symposium on Chinese spoken language proc. (ISCSLP-2006)*. Kent Ridge, Singapore, December 13–16, 2006. P. 1–10. URL : https://www.isca-archive.org/iscslp_2006/zhang06b_iscslp.pdf
28. 曹剑芬. 赵元任语调思想探微[J]. 中国语音学报. 2013 年. 第 4 期. 1-18 页 Cao C. Issledovanie melodiki cherez prizmu intonacionnoj teorii Chzhao Juan'zhjenja A Study of Melody through the Prism of Zhao Yuanren's Intonation Theory]. *Fonetika v Kitae* [Phonetics in China]. 2013, no. 4, pp. 1-18. (In Ch.).
29. 曹剑芬. 汉语普通话词重音问题再探. 《南大语言学》第三编. 商务印书馆. 北京. 2008 年. 20-29 页 Cao C. Eshhjo raz k voprosu o slovesnom udarenii v kitajskom jazyke [Once again on the issue of word stress in Chinese]. *Lingvistika v Nankinskom universitete* [Linguistics at Nanjing University. Part 3, Pekin, Kommercheskaja pressa, 2008, pp. 20-29]. (In Ch.).
30. 曹剑芬. 汉语声调与语调的关系[J]. 中国语文. 2002 年. 第 3 期. 195-202 页 Cao C. Svjaz' mezhdu kitajskim tonom i intonaciej [The relationship between Chinese tone and intonation. *Kitajskaja filologija* 'Chinese philology]. 2002, no. 3, pp. 195-202]. (In Ch.).

31. 曹文.赵元任先生对汉语语调研究的贡献[J].世界汉语教学. 2007 年. 第 4 期. 75-85 页 Cao V. Vklad g na Chzhao Juan'zhjenja v izuchenie kitajskoj intonacii [Mr. Zhao Yuanren's Contribution to the Study of Chinese Intonation]. *Prepodavanie kitajskogo jazyka v mire* [Teaching Chinese around the world. 2007, no. 4. pp. 75-85]. (In Ch.).
32. 陈茸, 石媛媛.汉语语调研究概述[N].南昌教育学院学报. 2010. 第 25 卷. 第 6 期. 62-62 页 Chjen' Zh., Shi Ju. Obzor issledovanij kitajskoj intonacii [A Review of Research on Chinese Intonation]. *Zhurnal Nan'chanskogo instituta obrazovanija* Journal of Nanchang Institute of Education [Journal of Nanchang Institute of Education. 2010, vol. 25, no. 6. pp. 62-62]. (In Ch.).
33. 池杨琴.对外汉语声调教学研究述评.解放军外国语学院学报.2005 年.第 28 卷.第 1 期. 55-58 页 Chi Ja. Obzor issledovanij po prepodavaniju tona v kitajskom jazyke kak inostrannom [A Review of Research on Tone Teaching in Chinese as a Foreign Language]. *Zhurnal Narodnogo instituta inostrannyh jazykov* [Journal of the People's Institute of Foreign Languages. 2005, vol. 28, no. 1. pp. 55-58]. (In Ch.).
34. 董永峰, 苏海洋, 刘斌, 陶建华. 基于多头注意力机制的模型层融合维度情感识别方法. 信号处理. 2021 年. 第 37 卷. 第 5 期. 885-892 页 Don Ju., Su H., Lju B., Tao C. Metod mnogomernogo raspoznavanija jemocij pri slijanija sloev modeli, osnovannyj na mehanizme transformacii [Multidimensional emotion recognition method by merging model layers based on transformation mechanism]. *Zhurnal avtomaticheskogo sinteza rechi* [Journal of Automatic Speech Synthesis. 2021, vol. 37, no. 5. pp. 885-892]. (In Ch.).
35. 高思畅,王建勤.句法结构和句子长度对汉语学习者口语韵律组块的影响[J].世界汉语教学. 2020 年.第 1 期.115-128 页 Gao S., Van C. Vlijanie sintaksicheskoi struktury i dliny predlozhenija na formirovanie ritmicheskikh blokov v razgovornoj rechi izuchajushchih kitajskij jazyk [The influence of syntactic structure and sentence length on the formation of rhythmic blocks in the spoken language of Chinese language learners]. *Prepodavanie kitajskogo jazyka v mire* [Teaching Chinese around the world]. 2020, no. 1. pp. 115-128]. (In Ch.).
36. 贺岩, 张慧丽. 从平凉方言 NN 式名词的重音模式看连读调与词调的关系. 河西学院学报. 2024 年.第 40 卷.第 6 期. 66-74 页 Hje Ja., Chzhan H. Vzaimootnoshenie mezhdvumja tipami tonov v mnogoslozhnyh slovah: sluchaj reduplikacii v pin'ljanskem dialekte [The relationship between two types of tones in polysyllabic words: a case of reduplication in Pinliang dialect. *Zhurnal universiteta Hjesi* [Nesi University Journal]. 2024, vol. 40, no. 6. pp. 66-74]. (In Ch.).
37. 贺阳,劲松.北京话语调的实验探索[J].语言教学与研究.1992 年.第 2 期.71-96 页 Hje Ja., Czin' C. Jeksperimental'noe issledovanie intonacii v pekinskom dialekte [An Experimental Study of Intonation in Beijing Dialect]. *Issledovanie i prepodavanie jazyka* [Language research and teaching]. 1992, no. 2. pp. 71-96]. (In Ch.).
38. 胡明扬.北京话初探.北京:商务印书馆,1987,第 1 期,164 页 Hu M. Predvaritel'noe izuchenie pekinskogo dialekta [Preliminary study of Beijing dialect. Pekin, Kommersial Press 1987, iss. 1, 164 p.] (In Ch.).
39. 黄彬.无声调母语者汉语语音特征调查[J].哈尔滨师范大学社会科学学报. 2022 年.第 13 卷.第 2 期.96-100 页 Huan B. Analiz rezul'tatov obuchenija inostrancev kitajskim tonam [Analysis of the results of teaching Chinese tones to foreigners]. *Zhurnal social'nyh nauk Harbinskogo ped. un-ta* [Journal of Social Sciences of Harbin Pedagogical University. 2022, vol. 13, no. 2. pp. 96-100]. (In Ch.).
40. 贾媛,熊子瑜,李爱军.普通话焦点重音对语句音高的作用. 2006 年语音研究报告. 2006 年. 61-68 页 Czja Ju., Sjun C., Li A. Vlijanie frazovogo akcenta na melodiku predlozhenija [The influence of phrasal accent on the melody of a sentence]. *Sbornik foneticheskikh issledovanij* [Collection of phonetic studies]. 2006. pp. 61-68. <http://paslab.phonetics.org.cn/?p=678> (In Ch.).
41. 江海燕.语速对语句内部音高变化的影响.首都师范大学学报:社会科学版. 2015 年. 第 3 期. 103-107 页 Czjan H. Vlijanie skorosti rechi na izmenenie vysoty zvuka vo frazah [The influence of speech

rate on pitch change in phrases]. *Zhurnal Stolichnogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Social'nye nauki* [Journal of the Capital Pedagogical University. Series: Social Sciences]. 2015, no. 3, pp. 103-107. (In Ch.).

42. 劲松.北京话的语气和语调[J].中国语文. 1992 年. 第 2 期.113-123 页. Czin S. Ton i intonacija pekinskogo dialekta [Tone and intonation of Beijing dialect]. *Kitajskaja filologija* [Chinese philology]. 1992, no. 2, pp. 113-123. (In Ch.).

43. 李爱军. 汉语口语语篇库: 建构与标注. 北京: 中国社会科学出版社. 2021 年. 344 页 Li A. Baza dannyh razgovornogo kitajskogo jazyka: postroenie i razmetka [Database of spoken Chinese: construction and labeling]. Pekin, Izd-vo social'nyh nauk v Kitae, 2021, 344 p. (In Ch.).

44. 李智强,李爱军.普通话连续话语中轻重音的层级性和韵律表征[J].韵律语法研究. 2022 年.第 1 期.88-114 页 Li Ch., Li A. Ierarhija udarenij vo fraze v potoke rechi na standartnom kitajskom jazyke [Stress hierarchy in a phrase in the flow of speech in Standard Chinese]. *Issledovanie grammaticheskoy prosodii* [A Study of Grammatical Prosody]. 2022, no. 1. pp. 88-114. (In Ch.).

45. 李智强,林茂灿.对外汉语声调和语调教学中的语音学问题.国际汉语教学研究. 2018 年.第 3 期. 26-36 页 Li Ch., Lin' M. Foneticheskie aspekty prepodavanija leksicheskogo tona i intonacii v kitajskom jazyke kak inostrannom [Phonetic Aspects of Teaching Lexical Tone and Intonation in Chinese as a Foreign Language]. *Mezhdunarodnye issledovanija prepodavanija i izuchenija kitajskogo jazyka* [International Research on Chinese Language Teaching and Learning]. 2018, no. 3. pp. 26-36. (In Ch.).

46. 梁洁.汉语声调和语调在布洛卡语言区模式化的研究[M]. 石锋指导的博士生论文题目与摘要. 乌鲁木齐:新疆大学出版社. 2003 年. 395-396 页 Ljan C. Izuchenie modelirovanija kitajskogo tona i intonacii v jazykovoj zone Broka [A study of Chinese tone and intonation modeling in Broca's language area]. *Nazvanija i annotacii k dissertacijam, vpolnennym pod rukovodstvom Shi Fen* [Titles and abstracts of dissertations completed under the supervision of Shi Feng]. Urumchi, Izd-vo Sin'czjanskogo un-ta, 2003, pp. 395-396. (In Ch.).

47. 林茂灿, 颜景助.北京话轻声的声学性质[J].方言,1980 年.第 2 卷.第 3 期.166-178 页 Lin' M., Jan C. Akusticheskie harakteristiki pekinskogo dialekta [Acoustic characteristics of the Beijing dialect]. *Dialekt* [Dialect]. 1980, vol. 2, no. 3. pp. 166-178. (In Ch.).

48. 林茂灿,颜景助.普通话轻声与轻重音[J].语言教学与研究. 1990 年.第 3 期. 88 104 页.Lin' M., Jan C. Nejtral'nyj ton i slaboe i sil'noe udarenie v putunhua [Neutral tone and weak and strong stress in Putonghua]. *Issledovanie i prepodavanie jazyka* [Language research and teaching]. 1990, no. 3. pp. 88-104. (In Ch.).

49. 林茂灿.汉英语调的异同和对外汉语语调教学——避免“洋腔洋调”之我见.《国际汉语教学研究》. 2015 年.第 3 期.39-46 页 Lin' M. Shodstva i razlichija mezhdu kitajskoj i anglijskoj intonaciej v obuchenii kitajskomu jazyku kak inostrannomu - o tom, kak izbegat' «inostrannogo akcenta v intonacii [Similarities and differences between Chinese and English intonation in teaching Chinese as a foreign language – how to avoid “foreign accent in intonation”]. *Mezhdunarodnye issledovanija prepodavanija i izuchenija kitajskogo jazyka* [International Research on Chinese Language Teaching and Learning]. 2015, no. 3. pp. 39-46. (In Ch.).

50. 林茂灿.汉语语调与声调[J].语言文字应用.2004 年.第 3 期. 57-67 页 Lin' M. Kitajskie intonacija i ton [Chinese intonation and tone]. *Prikladnye issledovanija jazyka* [Applied language research]. 2004, no. 3, pp. 57-67. (In Ch.).

51. 刘艳.普通话的情感语音韵律分析.南京师范大学硕士学位论文.2011 年.90 页. Lju Ja. Analiz jemocional'nogo ritma v kitajskom jazyke [Analysis of emotional rhythm in Chinese]. Nankinskij pedagogicheskij universitet, 2011, 90 p. (In Ch.).

52. 马秋武,翟海莹.动态语音教学: 国际汉语语音教学的有效手段. 汉语学习. 2024 年. 第 1 期. 73-83 页. Ma C., Chzhaj H. Otrabotka proiznoshenija: jeffektivnyj metod obuchenija kitajskomu proiznosheniju [Pronunciation Practice: An Effective Method to Learn Chinese Pronunciation]. *Prepodavanie kitajskogo jazyka v mire* [Teaching Chinese around the world]. 2024, no. 1, pp. 73-83. (In Ch.).

53. 沈炯 《汉语音高载信系统模型》,《中国语言学的新拓展》,香港城市大学出版社. 1999 年. Shjen' C. Model' kitajskoj sistemy peredachi zvuka. Novoe razvitie kitajskoj lingvistiki [Model of Chinese Sound Transmission System. New Development of Chinese Linguistics]. Izd-vo gor. un-ta Gonkonga, 1999. (In Ch.).
54. 沈炯.汉语语调构造和语调类型[J].方言. 1994 年. 第 3 期. 221-228 页 Shjen' C. Intonacionnye komponenty i tipy intonacii v kitajskom jazyke [Intonation components and types of intonation in Chinese]. *Dialekt* [Dialect]. 1994, no. 3, pp. 221-228. (In Ch.).
55. 沈炯.汉语语调模型刍议[J].语文研究. 1992 年. 第 4 期. 16-24 页 Shjen' C. Predvaritel'noe obsuzhdenie modelej kitajskoj intonacii [Preliminary discussion of Chinese intonation patterns]. *Izuchenie jazyka* [Language learning]. 1992, no. 4. pp. 16-24. (In Ch.).
56. 沈晓楠.关于美国人学习汉语声调[J].世界汉语教学,1989 年.第 3 卷.第 3 期.158-168 页 Shjen' S. Ob izuchenii amerikancami kitajskogo tona [On the Study of Chinese Tone by Americans]. *Prepodavanie kitajskogo jazyka v mire* [Teaching Chinese around the world]. 1989, vol. 3, no. 3. C.158-168. (In Ch.).
57. 石佩雯.四种句子的语调变化[J].语言教学与研究,1980 年.第 2 期.71-81 页. Shi P. Variativnost' intonacii v chetyreh tipah predlozhenij [Variability of intonation in four types of sentences]. *Issledovanie i prepodavanie jazyka* [Language research and teaching]. 1980, no. 2. pp. 71-81. (In Ch.).
58. 孙菲菲.对外汉语声调和语调教学中的语音学问题——声调的瓶颈“洋腔洋调”.文学界. 2012 年.第 11 期. 111-112 页 Sun' F. Foneticheskie aspekty prepodavaniya kitajskogo jazyka kak inostrannogo: ton i intonacija cherez prizmu tona i intonacii v zapadnyh jazykah [Language research and teaching]. *Mir literatury* [The world of literature]. 2012, no. 11. pp. 111-112. (In Ch.).
59. 汤恩泽, 龚婕, 管晶晶, 丁红卫.中性语音韵律影响语义情绪感知:来自大规模情感评价实验的证据[J].中国语音学报, 2022 年. 第 2 期. 53-68 页 Tan Je., Gun C., Guan' C., Din H. Vlijanie nejtral'nosti prosodii na vosprijatie vidov jemocij: dannye shirokomasshtabnogo jeksperimenta po ocenke jemocij [The influence of prosody neutrality on the perception of emotion types: evidence from a large-scale emotion rating experiment]. *Fonetika v Kitae* [Phonetics in China]. 2022, no. 2. pp. 53-68. (In Ch.).
60. 万光荣, 张青.汉语自然会话中的惊讶表达: 基于韵律和身势的实证分析.湖南师范大学社会科学学报.2004 年.第 53 卷.第 5 期.131-139 页 Van' G., Chzhan C. Vyrazhenie udivlenija v kitajskoj dialogicheskoy rechi: jeksperimental'noe issledovanie, osnovannoe na prosodii i zhestah [Expression of surprise in Chinese dialogic speech: An experimental study based on prosody and gestures]. *Zhurnal social'nyh nauk Normal'nogo gumanitarno universiteta* [Journal of Social Sciences of the Normal Humanitarian University]. 2004, vol. 53, no. 5. pp. 131-139. (In Ch.).
61. 王茂林.普通话自然话语的韵律模式.中国社会科学院研究生院博士学位论文. 2003 年.109 页 Van M. Ritmicheskaja struktura estestvennoj kitajskoj rechi [Rhythmic structure of natural Chinese speech]. Doctoral dissertation, Kitajskaja akademija social'nyh nauk, 2003, 109 p. (In Ch.).
62. 王萍,石锋.汉语普通话不同语句类型的时长分布模式[J].语言教学与研究.2019 年.第 2 期.101-112 页 Van P., Shi F. Modeli raspredelenija dlitel'nosti v predlozhenijah razlichnogo tipa v standartnom kitajskom [Patterns of duration distribution in different types of sentences in Standard Chinese]. *Issledovanie i prepodavanie jazyka* [Language research and teaching]. 2019, no. 2. pp. 101-112. (In Ch.).
63. 王萍,石锋.汉语普通话不同语句类型的音强分布模式[J].南开语言学报, 2020 年.第 2 期 19-28 页 Van P., Shi F. Modeli raspredelenija intensivnosti v predlozhenijah razlichnogo tipa v standartnom kitajskom [Patterns of Intensity Distribution in Different Sentence Types in Standard Chinese]. *Nankajskij lingvisticheskij zhurnal* [Nankajskij lingvisticheskij zhurnal]. 2020, no. 2. pp. 19-28. (In Ch.).
64. 王韞佳,丁多永,东孝拓.不同语调条件下的声调音高实现[J].声学学报. 2015 年.第 6 期. 902-913 页 Van Ju., Din D., Dun S. Vlijanie intonacii na realizaciju leksicheskikh tonov v standartnom kitajskom [The Influence of Intonation on the Realization of Lexical Tones in Standard Chinese]. *Akusticheskij zhurnal* [Acoustic Journal]. 2015, no. 6. pp. 902-913. (In Ch.).

65. 王焰宇,曹梦雪.普通话无标[ma]字句韵律研究[J].中国语音学报. 2022 年.第 1 期:36-46 页 Van Ch., Cao M. Prosodija jemocional'no nejtral'nyh predlozhenij s chasticej [ma] [Prosody of emotionally neutral sentences with the particle [ma]]. *Fonetika v Kitae* [Phonetics in China]. 2022, no. 1. pp. 36-46. (In Ch.).
66. 王志洁, 冯胜利. 声调对比法与北京话双音组的重音类型. 语言科学. 2006 年.第 5 卷. 第 1 期. 3-22 页 Van Ch., Fjen Sh. Metod sravnenija tonov i tipov udarenija v diatonicheskoj gruppe v pekinskom dialekte [Method of Comparing Tones and Stress Types in the Diatonic Group in Beijing Dialect]. *Jazykoznanie* [Jazykoznanie]. 2006, vol. 25, no. 1. pp. 3-22. (In Ch.).
67. 许毅.从简单的音高目标到复杂的基频曲线[A].现代语音学论文集 [C].北京:金城出版社,1999 年. 92-97 页 Sjuj J. Ot prostyh do slozhnyh konturov osnovnogo tona [A] [From simple to complex fundamental tone contours [A]]. *Sbornik sovremennyh foneticheskikh issledovanij* [Collection of modern phonetic studies]. Pekin, Czin'chjen, 1999. pp. 92-97. (In Ch.).
68. 殷治纲.汉语词汇层面的轻重音研究[J].中国语音学报.2021 年.第 2 期.95-109 页 In' Ch. K voprosu o slovesnom udarenii v kitajskom jazyke // *Fonetika v Kitae*. 2021, no. 2. pp. 95-109. (In Ch.).
69. 殷治纲.汉语节奏研究综述[J].中国语音学报,2022 年.第 2 期.33-50 页 In' Ch. Obzor issledovanij ritma kitajskogo jazyka [On the issue of word stress in Chinese]. *Fonetika v Kitae* [Phonetics in China]. 2022, no. 2, pp. 33-50. (In Ch.).
70. 张吉生.也论汉语词重音[J].中国语文. 2021 年.第 1 期.43-55 页 Chzhan C. K voprosu o slovesnom udarenii v kitajskom jazyke [On the issue of word stress in Chinese]. *Kitajskaja filologija* [Chinese Philology]. 2021, no. 1 pp. 43-55. (In Ch.).
71. 张欣阳,陈玉东.互动视角下陈述疑问句的韵律特征初探[J].中国语音学报.2022 年.第 1 期. 47-55 页 Chzhan S., Chjen' Ju. Pilotnoe issledovanie vzaimodejstvija prosodicheskikh harakteristik v deklarativnyh voprosah [A pilot study of the interaction of prosodic features in declarative questions]. *Fonetika v Kitae* [Phonetics in China]. 2022, no. 1. pp. 47-55. (In Ch.).
72. 周韧.汉语词重音问题再论[J].韵律语法研究. 2021 年.第 2 期.150-170 页 Chzhou Zh. Eshhjo raz k voprosu o slovesnom udarenii v kitajskom jazyke [Once again on the issue of word stress in Chinese]. *Issledovanie grammaticheskoy prosodii* [A Study of Grammatical Prosody]. 2021, no. 2. pp. 150-170. (In Ch.).

Информация об авторах

Лю Хун – аспирант, Амурский государственный университет;

С. В. Андросова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Амурский государственный университет.

Information about the authors

Liu Hong – Ph. D. Student, Amur State University;

S. V. Androsova – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Foreign Languages Department, Amur State University.

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 10.04.2025; принята к публикации 25.05.2025.

The article was submitted 20.03.2025; approved after reviewing 10.04.2025; accepted for publication 25.05.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 69–76.

Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 1. P. 69-76.

Научная статья

УДК 81'23

ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ УБЕЖДЕНИЯ В ТЕКСТАХ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ ПО ПСИХОЛОГИИ

Людмила Анатольевна Юшкова¹, Наталья Алексеевна Робертс²

^{1,2} Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

¹ ludmilajushkova@gmail.com

² natasha.roberts@yandex.ru

Аннотация. В статье приводятся результаты лингвопрагматического анализа устных и письменных текстов по психологии, размещенных на образовательных онлайн-ресурсах. Материалом для исследования послужили публикации немецкого сайта по психологии HelloBetter и тексты англоязычных видеороликов YouTube-канала Psych2Go. Цель исследования – описание системы универсальных коммуникативных тактик, применяющихся для успешной реализации стратегии убеждения в рамках психологического дискурса. На материале статей и видеороликов, представленных на немецкоязычных и англоязычных интернет-ресурсах по психологии, выявляются характерные черты речевого поведения авторов, анализируются их коммуникативные установки, определяются характерные для участников психологического дискурса стратегии и тактики речевого воздействия, а также наиболее частотные способы их реализации в письменной и устной речи. В результате выстраивается система тактик, применяемых для реализации ведущей коммуникативной стратегии убеждения: тактика информирования, тактика идентификации автора со слушателем, тактика эмоционального воздействия, тактика понимания и сочувствия, тактика имитации полемики, тактика дружеского совета. Установлены специфические для данной ситуации общения приемы и средства, относящиеся к разным языковым уровням и являющиеся маркерами коммуникативного поведения авторов рассмотренных ресурсов: использование метафорических слов и выражений, синтактико-стилистических средств, разных типов предложений, повелительного и сослагательного наклонения, модальных слов, эмоционально окрашенных слов и другие. Рассмотрен вклад выявленных средств в реализацию вышеперечисленных тактик. В ходе предпринятого лингвопрагматического анализа психологических сайтов выявляются универсальные языковые, прагматистические и функциональные особенности, характерные для просветительских текстов по психологии на английском и немецком языках.

Ключевые слова: психологический дискурс, интернет-коммуникация, стратегия убеждения, коммуникативная тактика.

Для цитирования: Юшкова Л. А., Робертс Н. А. Вербальные средства реализации стратегии убеждения в текстах научно-популярных интернет-ресурсов по психологии // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 69–76.

Original article

VERBAL MEANS OF IMPLEMENTING THE STRATEGY OF PERSUASION IN THE TEXTS OF POPULAR SCIENTIFIC INTERNET RESOURCES ON PSYCHOLOGY

Ludmila A. Yushkova¹, Natalja A. Roberts²,

^{1,2} Udmurt State University, Izhevsk, Russia

¹ ludmilajushkova@gmail.com

² natasha.roberts@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of a pragmalinguistic analysis of spoken and written texts on psychology posted on educational online resources. The research material is publications in German from the psychology website “HelloBetter” and videos in English from the YouTube channel “Psych2Go”. The aim of the study is to describe the system of communication tactics used for the successful implementation of the persuasion strategy within the framework of psychological discourse. Based on articles and videos posted on the Internet resources on psychology, the characteristic features of the authors’ speech behavior are identified, their communicative attitudes are analyzed, strategies and tactics of speech influence characteristic of the participants in psychological discourse are determined, as well as the most frequent ways of their implementation in written and oral speech. As a result, a system of tactics is designed that is used to implement the leading communicative strategy of persuasion: tactics of information, tactics of identification of the author with the recipient, tactics of emotional impact, tactics of understanding and sympathy, tactics of imitation of polemics, tactics of friendly advice. Specific techniques and means for a given communication situation, relating to different language levels and serving as markers of the communicative behavior of the authors of the considered resources have been established: the use of metaphorical words and expressions, syntactic-stylistic means, different types of sentences, imperative and subjunctive moods, modal words, emotionally charged words etc.. The contribution of the identified means to the implementation of the above-named tactics is considered. In the course of the undertaken pragmalinguistic analysis of psychological sites, universal linguistic, pragmastylistic and functional features typical of educational texts on psychology in English and German are identified.

Key words: psychological discourse, Internet communication, persuasion strategy, communication tactics.

For citation: Yushkova L. A., Roberts N. A. Verbal means of implementing the strategy of persuasion in the texts of popular scientific internet resources on psychology. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;2:69-76. (In Russ.).

Введение

Актуальность исследования объясняется, в первую очередь, растущей популярностью онлайн-ресурсов, предлагающих образовательный контент по психологии. Можно предположить, что это связано с высокой тревожностью, социальной и психической напряженностью в современном обществе.

Основная коммуникативная цель проанализированных текстов немецкоязычной версии немецкого сайта по психологии HelloBetter и англоязычных видеороликов канала Psych2Go заключается в предоставлении посетителям этих сайтов психологической поддержки и помощи в самоанализе. Руководствуясь этой целью, оба ресурса уделяют большое внимание подробному информированию своих зрителей и читателей об особенностях протекания психических процессов, о причинах возникновения психологических проблем (например, стресс, депрессия, тревожность) и их проявлениях, а также о возможностях психологической

коррекции и терапии. Во всех текстах содержатся научные факты и даются необходимые научно обоснованные пояснения. Соответственно, по своему функциональному типу рассмотренные тексты могут быть отнесены к информационным. Однако проанализированные тексты выполняют также фатическую функцию, поскольку они ориентированы, на установление и поддержание контакта с адресатом, а также, в определенной степени, апеллятивную функцию, так как стараются побудить реципиента занять определённую позицию по отношению к обсуждаемому вопросу.

Основная часть

Основной авторской стратегией, которая реализуется в текстах проанализированных интернет-ресурсов, следует признать *стратегию убеждения*. Ниже будут рассмотрены конкретные тактики, применяемые в рамках этой стратегии, и вербальные средства, которые используют для ее реализации авторы немецкого сайта HalloBetter и британского YouTube-канала Psych2Go.

Тактика информирования призвана обеспечить понимание реципиентом причин, проявлений и последствий психологической проблемы, а также возможностей ее преодоления. Последовательный и всесторонний анализ повышает степень доверия к автору, как к авторитетному, знающему специалисту и располагает к восприятию дальнейшей информации. При этом используются средства, обеспечивающие объективную и профессиональную подачу материала, – термины, общенаучная лексика, научные клише, привлечение фактической информации (статистика, даты, примеры терапии), ссылки на мнение экспертов:

„Katastrophendenken kann sich auf mehreren Ebenen negativ auswirken. Anhand des sogenannten ABC-Modells von Albert Ellis lässt sich das gut erklären“ [HelloBetter] («Катастрофизация может оказывать негативное воздействие на разных уровнях. Это можно хорошо объяснить, используя так называемую ABC-модель, предложенную Альбертом Эллисом»)¹.

Для повышения степени объективности подачи информации используются конструкции с пассивным значением (их число, однако, относительно невелико, так как авторы предпочитают сохранять личный, доверительный стиль общения), конструкции сопоставления и противопоставления. В письменных текстах с целью уточнения и пояснения чаще всего используются парентезы:

„Allerdings lassen die sogenannten „Sunday Scaries“ – die Sorgen und Ängste im Bezug auf den kommenden Arbeitsmontag – ein Fünftel (20 %) der Befragten am Sonntag schlecht schlafen“ [Ibd.]. «Впрочем, «воскресная тревога» („Sunday Scaries“) – заботы и страхи, связанные с наступающей рабочей неделей – являются причиной плохого сна у пятой части (20 %) опрошенных».

Тактика «идентификации автора со слушателем» является одной из ведущих тактик, к которым прибегают авторы рассматриваемых ресурсов. Она призвана создать у зрителя впечатление, что он не одинок в своих переживаниях, а проблемы, с которыми столкнулся, свойственны многим людям, в том числе, самим авторам. Одновременно адресату внушается мысль о том, что многие из этих людей смогли найти выход и справиться с проблемами, что мотивирует его как на активный поиск решения проблемы, так и к дальнейшему чтению статьи или просмотру видеоролика.

¹ Здесь и далее перевод наш.

В первую очередь, данная тактика реализуется в высказываниях с личным местоимением „we“ / „wir“:

„Outside confirmation and sincere encouragement help to disprove our false beliefs“ [Psych2Go] («Внешнее подтверждение и искренняя поддержка помогают опровергнуть наши ложные убеждения»).

„Auch wenn wir uns vielleicht manchmal wünschen „keine Angst mehr zu haben“, ist das in der Realität gar nicht so sinnvoll“ [HelloBetter] («Даже если мы, возможно, иногда желаем «больше никогда не бояться», в реальности это практически не имеет смысла»).

„Und das können wir trainieren!“ [Ibd.] («И мы можем этому научиться!»).

Тактика «эмоционального воздействия» направлена на то, чтобы заставить адресата обратиться к своим эмоциям, которые он обычно подавляет, встретиться с ними «лицом к лицу», прочувствовать их, так как работа психолога прежде всего ведется с внутренним миром клиента.

Для реализации этой тактики используются эмоционально-окрашенные слова, чаще всего – оценочные прилагательные. Надо отметить, что этот прием используется преимущественно в видеороликах канала Psych2Go, тогда как публикации сайта HelloBetter отличаются большей эмоциональной сдержанностью в выборе лексики. Например, в ролике “8 Things People With High Functioning Depression Want You To Know”, встречается множество эмоциональных слов и выражений, подчеркивающих серьезность ситуации и трудностей, с которыми приходится сталкиваться людям с высокофункциональной депрессией:

„We cry out for help“ [Psych2Go] («Мы взываем о помощи»).

„We’re expending a Herculean effort to hide the storm inside“ [Ibd.] («Мы прилагаем титанические усилия, чтобы спрятать бурю внутри»).

Достаточно эффективно тактика эмоционального воздействия реализуется при помощи метафорического языка. Во-первых, следует отметить, что многие психологические термины и профессионализмы имеют образную, метафорическую природу, например, burn-on, burn-out (Burn-on, Burnout), energy vampires (Energievampire), „Sunday Scaries“. Анализируя метафорические выражения в исследуемых текстах, можно сделать некоторые выводы относительно концептуальных представлений о ключевых понятиях психологического дискурса, характерных для коммуникативного пространства рассматриваемых ресурсов.

Так, метафорические выражения „Anxiety comes hand in hand with overthinking“ [Ibd.] («Тревожность идет рука об руку с навязчивыми мыслями»); „Frustration ist ein unangenehmes Gefühl und es kann auch mit Gefühlen der Wut, Hilflosigkeit, Enttäuschung und Trauer einhergehen“ [Ibd.] («Фрустрация – это неприятное чувство, и оно может сопровождаться чувством гнева, беспомощности, разочарования и печали») и многие другие подобные фразы выражают концептуальную метафору “психологическое расстройство имеет союзников”. Неоднократно встречающаяся в статьях сайта HelloBetter лексема Teufelskreis – „Teufelskreis einer Panikattacke“ («порочный круг панической атаки»), „Teufelskreis der Angst“ («порочный круг страха») – эксплицирует семы «безвыходность» и «мучительность» и репрезентирует представление о повторяемости симптомов и хроническом характере психологических расстройств.

Распространена в психологическом дискурсе метафора, основанная на представлении о попытках бегства человека («жертвы») от психологических недугов («мучителей»), о его желании ускользнуть, спрятаться, например, „Fluch aus dem Teufelskreis der Angst“ [HelloBetter] («побег из порочного круга страха»). Концептуальное представление о психологической проблеме, как об опасной, неприятной помехе выражается в устойчивых сочетаниях с глаголом

vermeiden и синонимичными единицами: „Angst / negative Gedanken, Situationen und Gefühle vermeiden“ («избегать страха / негативных мыслей, ситуаций, чувств»), „den Angstausslösern aus dem Weg gehen“ («избегать ситуаций, провоцирующих приступ страха») [Ibd.].

Регулярно встречается метафора противостояния, борьбы и преодоления, а также противоположная метафора смирения и подчинения: „Statt direkt aus der Situation zu flüchten, siehst du der Angst ins Auge“ [Ibd.] («Вместо того, чтобы избежать ситуации, ты смотришь страху в глаза»); „Panik und Angst überwinden“ [Ibd.] («преодолеть панику и страх»); „Das heißt: mutig sein! Denn nur wenn du dich traust, dich deiner Angst zu stellen, kannst du neue Erfahrungen machen“ [Ibd.] («Это значит: будь мужественным! Так как, только если ты решишься признать свой страх, ты сможешь приобрести новый опыт»).

Часто встречается эмоциональная метафора, основанная на кажущемся сходстве сложного внутреннего состояния человека, испытывающего психологические трудности, с реальными боевыми действиями. Человеку приходится вести отчаянную, тяжелую борьбу ради освобождения от психологических проблем. Это концептуальное суждение находит выражение в таких языковых метафорах, как: „internal wrestling match” («внутренний борцовский поединок»), „struggles nearly take over” («проблемы почти побеждают нас»), „... wipes us out“ («... стирает нас с лица земли») [Psych2Go].

То или иное психологическое состояние, душевное переживание может сравниваться с силами природы – бурей, штормом, солнечным светом и т. п.: „the storm inside” («буря внутри»), „look like sunshine” («... словно луч солнца»); „Resilienz hilft dir also, dein Schiff sicher auch durch den stärksten Sturm zu steuern ...“ [HelloBetter] («Таким образом, психологическая устойчивость помогает тебе уверенно вести свой корабль даже в самый сильный шторм...»).

Для обоих ресурсов характерно использование метафорических выражений, которые свидетельствуют о восприятии психологических проявлений (тревожности, страха, депрессии и т. д.), как самостоятельно действующих субъектов, которые могут завладеть человеком, руководить его мыслями и поступками, действуя на него разрушительно. Для видеоканала Psych2Go этот прием характерен в большей степени: „It often stops you” («Это часто вас останавливает»), „... can make you feel scared” («... может заставить бояться»), „... makes us believe we are incompetent inadequate failures” [Psych2Go] («... заставляет нас думать, что мы некомпетентные, неполноценные неудачники»).

Представление о полной самостоятельности психологических явлений и их независимости от воли человека читается в метафорическом выражении „Your anxiety finally leaves you alone for a bit” [Ibd.] («Твоя тревога может наконец-то оставить тебя ненадолго»).

Анализ статей сайта HelloBetter приводит к выводу о том, несмотря на активное использование языка метафоры, их авторы в целом не склонны активно персонифицировать психологические расстройства и болезненные состояния. Они стараются придерживаться более рационального тона, чаще подчеркивают активную роль человека в борьбе со своей проблемой.

Тактика «понимания и сочувствия» также несколько более характерна для коммуникативного поведения авторов видеороликов YouTube-канала Psych2Go. Подробно рассматриваются симптомы, ощущения, чувства и эмоции человека, находящегося в сложной психологической ситуации. На протяжении всего текстового пространства прослеживается серьезное отношение к проблеме, понимание ее важности и влияния на жизнь и личность человека. Это помогает автору расположить к себе зрителя, вызвать доверие, убедить его в полезности предлагаемой информации, мотивировать его к дальнейшему просмотру.

Например, в ролике „5 Surprising Things Anxiety Makes You Do” авторы обращаются к человеку, пытающемуся справиться с тревожностью, при этом стараясь как можно подробнее описать испытываемые им чувства при помощи атрибутивных слов, наречий, прилагательных „scared”, „lonely”, „sad”, „overwhelming” и других. При этом вина за появление негативных явлений и привычек возлагается не на зрителя, а на саму психологическую проблему (в данном случае – тревожность) с помощью ее олицетворения: „It often stops you” [Ibd.] («Это часто останавливает тебя»).

Тактика «имитации полемики» выражается в том, что автор ведет с читателем «фиктивный диалог» [Engel 1996: 169] и «создает впечатление дискуссии, не просто излагая свою точку зрения, но выдвигая аргументы в ответ на мнение имплицитного оппонента», опровергая или дополняя его [Юшкова 2024: 4544].

Самый эффективный прием для реализации этой тактики – использование вопросительных предложений, в том числе риторических, которые могут ставиться в заголовках самих статей, заголовках их смысловых разделов, внутри текста, и на которые автор, как правило, развернуто отвечает в ходе последующих рассуждений либо оставляет открытыми, предоставляя возможность ответа фиктивному оппоненту: „Was ist der Unterschied zwischen „normalen Gedanken” und Zwangsgedanken?” [HelloBetter] («В чем разница между «обычными мыслями» и навязчивыми?»); „Was tun, wenn das Katastrophisieren mit Angst, Panik oder Depression zusammenhängt?” [Ibd.] («Что делать, если катастрофизация связана со страхом, паникой и депрессией?»).

Тактика «дружеского совета». Тактика «совета» в медицинском дискурсе определяется исследователями данного типа дискурса как «речевое действие, состоящее из одного или нескольких коммуникативных ходов, реализующее коммуникативное намерение адресанта побудить адресата к совершению необлигаторного, бенефактивного для адресата действия, связанного с профилактикой, лечением, диагностированием проблем со здоровьем» [Гринева 2015].

В текстах по психологии используется вариант этой тактики, который определяется нами как «дружеский совет». От строго профессионального совета его отличает подчеркнуто неформальный характер, что достигается благодаря специфическим средствам вербализации: разговорной лексике и синтаксису, а также некоторым синтаксическим средствам. Прибегая к указанной тактике, авторы обращаются непосредственно к адресату, используя личные местоимения „you” / „du” или „Sie”:

„How often do you find yourself, for example, mesmerized by the symmetry of their face, wanting to make them laugh, or genuinely wanting their opinion? Compare that to how often you feel a sexual urge around them. Are you able to be in their presence and not think about sex?” [Psych2Go] («Как часто вы, например, попадаете под обаяние людей с правильными чертами лица, хотите заставить их смеяться или искренне интересуетесь их мнением? Сравните это с тем, как часто вы чувствуете сексуальное влечение рядом с ними. Можете ли вы не думать о сексе в их присутствии?»).

„Aber wer kann uns hier retten? Wenn wir uns selbst als Opfer der Umstände sehen, rauben wir uns damit unsere Selbstwirksamkeit ... Willst du abwarten, bis jemand kommt und dich rettet?” [HelloBetter] («Но кто здесь может нас спасти? Если мы сами считаем себя жертвой обстоятельств и тем самым лишаем себя чувства уверенности в своих силах <...>. Хочешь подождать, пока кто-нибудь придет и спасет тебя?»).

Используя риторические вопросы и формулируя ответы на них в повелительном наклонении, автор избегает категоричности в суждениях, не навязывает свое мнение, но оказывает скрытое влияние, побуждая зрителя задуматься над причинами своего состояния или поведения, призывает его использовать предоставляемую информацию для анализа своих чувств и чувств своего партнера.

Тактика «дружеского совета» также выражается при помощи других лексических и грамматических средств, например, модальных глаголов (пример 1), повелительного или сослагательного наклонения.

„You should be able to have fun“ [Psych2Go] («Вы должны уметь получать удовольствие»); „Falls die Gedanken in keiner bestimmten Situation auftreten, kannst du die Übung „Gedanken beobachten“ ausprobieren“ [HelloBetter] («Если мысли возникают вне связи с определенной ситуацией, ты можешь попробовать технику «наблюдения за мыслями»»).

„We would very much appreciate it“ [Psych2Go] («Мы бы очень ценили это»); „We would like to help“ [Ibd.] («Мы бы очень хотели помочь»); „Auch ein Online-Therapiekurs könnte eine schnelle Hilfe bei psychischen Belastungen sein“ [HelloBetter] («Также онлайн-курс терапии мог бы оказать быструю помощь при психологических нагрузках»).

„Please be patient with us“ [Psych2Go] («Пожалуйста, будьте терпеливы с нами»); „Hold onto love, if you have it“ [Ibd.] («Держитесь за любовь, если она у вас есть»).

Заключение

Для достижения коммуникативной цели предоставления психологической поддержки и реализации стратегии убеждения авторы текстов немецкого сайта по психологии HelloBetter и англоязычного YouTube-канала Psych2Go применяют общие коммуникативные тактики, которые в силу их распространенности и активного использования могут быть рассмотрены, как универсальные тактики в рамках психологического дискурса. К ним относятся:

- 1) тактика информирования;
- 2) тактика идентификации автора со слушателем;
- 3) тактика эмоционального воздействия;
- 4) тактика понимания и сочувствия;
- 5) тактика имитации полемики;
- 6) тактика дружеского совета.

Применяемые в комплексе, указанные тактики призваны обеспечить эффективное воздействие на адресата, формируя у него установку на позитивное восприятие информации, вызывая у него доверие как к самому ресурсу, так и к авторам текстов, а также желание сотрудничества и мотивацию к решению проблемы.

В ходе прагматистического анализа были выявлены типовые черты стиля, языковые средства и речевые приемы, характерные для речевого поведения авторов текстов образовательных онлайн-ресурсов по психологии. В рамках тактики информирования активно используются термины, общенаучная лексика, фактические данные, цитаты экспертов, ученых-психологов, что делает стиль изложения более объективным и рациональным.

Субъективная оценка проблемы, отношение к адресату и его ситуации часто находят отражение в выборе таких средств, как метафоры, эмоционально-оценочные лексемы, личные местоимения при обращении к адресату, солидаризация с читателем (зрителем) при помощи местоимения «мы». Риторические вопросы используются как с целью выражения заинтересованности и дружеского отношения, так и для создания атмосферы непосредственного диалога с читателем или зрителем, вовлечения его в процесс осмысления и обсуждения проблемы.

В заключение следует отметить, что, несмотря на то, что в ходе анализа проанализированных просветительских текстов по психологии удалось выявить их общие прагматистические характеристики, изученные тексты обладают также существенными отличиями. Это объясняется, во-первых, влиянием лингвокультурного фактора, а во-вторых, выбранным способом передачи информации.

Список литературы

1. Гринева М. С. Коммуникативная тактика совета в публичном медицинском дискурсе и языковые индикаторы ее выражения (на примере англоязычных и франкоязычных медицинских подкастов) // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 6-4 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-taktika-soveta-v-publichnom-meditsinskom-diskurse-i-yazykovye-indikatory-ee-vyrazheniya-na-primere-angloyazychnyh-i> (дата обращения: 07.03.2025).
2. Юшкова Л. А. Лингвопрагматические особенности речевого портрета автора аналитических статей (на материале публикаций немецкого сайта mediendiskurs) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2024. Том 17. Выпуск 12. С. 4539–4547. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20240643>.
3. Engel U. Deutsche Grammatik. Heidelberg: Julius Groos Verlag. 1996. 886 S.
4. HelloBetter. URL: <https://hellobetter.de/> (дата обращения: 09.03.2025).
5. Psych2Go. URL: <https://www.youtube.com/@Psych2go> (дата обращения: 09.03.2025).

References

1. Grineva M. S. Kommunikativnaya taktika soveta v publichnom meditsinskom diskurse i yazykovye indikatory ee vyrazheniya (na primere angloyazychnykh i frankoyazychnykh meditsinskikh podkastov) [Communicative tactics of advice in public medical discourse and linguistic indicators of its expression (based on the example of English-language and French-language medical podcasts)]. *Evraziyskiy Soyuz Uchenykh* [Eurasian Union of Scientists]. 2015, no. 6-4 (15). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-taktika-soveta-v-publichnom-meditsinskom-diskurse-i-yazykovye-indikatory-ee-vyrazheniya-na-primere-angloyazychnyh-i> (accessed: 07.03.2025).
2. Yushkova L. A. Lingvopragmaticheskie osobennosti rechevogo portreta avtora analiticheskikh statey (na materiale publikatsiy nemetskogo sayta mediendiskurs) [Lingvopragmatic features of the speech portrait of the author of analytical articles (based on publications of the German website mediendiskurs)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Theoretical and practical issues]. Tambov, 2024, vol 17, iss. 12, pp. 4539-4547. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20240643>. (In Russ.).
3. Engel U. Deutsche Grammatik. Heidelberg: Julius Groos Verlag. 1996. 886 S.
4. HelloBetter. URL: <https://hellobetter.de/> (дата обращения: 09.03.2025).
5. Psych2Go. URL: <https://www.youtube.com/@Psych2go> (дата обращения: 09.03.2025).

Информация об авторах

Л. А. Юшкова – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков в сфере права, экономики и управления, Институт языка и литературы,

Удмуртский государственный университет;

Н. А. Робертс – магистр, Институт языка и литературы,

Удмуртский государственный университет.

Information about the authors

L. A. Yushkova – Grand Ph. D. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages in Law, Economics and Management, Institute of Language and Literature, Udmurt State University;

N. A. Roberts – Master's Degree, Institute of Language and Literature, Udmurt State University.

Статья поступила в редакцию 15.02.2025; одобрена после рецензирования 10.03.2025; принята к публикации 20.04.2025.

The article was submitted 15.02.2025; approved after reviewing 10.03.2025; accepted for publication 20.04.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 77–82.
Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 1. P. 77-82.

Научная статья
УДК 81'42

КАТЕГОРИЯ ЛИНГВОКОНФЛИКТОГЕННОСТИ В ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ

Лариса Александровна Соболева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
soboleva-la@yandex.ru

Аннотация. В данном исследовании представлены актуальные статистические данные, характеризующие высокий уровень судебных споров, а также демографические данные, отражающие высокий уровень разводов в России; выдвинуто предположение, что на это состояние влияет также и значительная лингвистическая конфликтность супругов. Автор, ссылаясь на исследования отечественных и зарубежных конфликтологов, психологов, лингвистов выявляет причины конфликтности, определяет понятия лингвоконфликтности, правового дискурса, производит анализ теоретических и практических исследований понятий конфликтности в правовом и юридическом дискурсах, семейных судебных и досудебных спорах. Данная работа содержит характеристику конфликтной личности, причины конфликтности и лингвоконфликтности. В результате исследования выявлены основные лингвистические конструкции, вызывающие наибольшие негативные реакции и отрицательные эмоции сторон в судебных процессах, вытекающих из семейных правоотношений. Выявлено, что специфика дискурса судебных споров, вызванная особенностями процессуальных требований гражданского судопроизводства влияет на характер общения участников судебных заседаний, однако, не снижает их конфликтности. Автором высказывается предположение о снижении конфликтности судебных процессов путем применения процедуры медиации, предусмотренной российским законодательством как на досудебной, так и на стадии самого судебного заседания, и постсудебной стадиях процесса. В заключении автор полагает, что изучение лингвоконфликтности правового дискурса в целом, в том числе судебных процессов, знакомство супругов с основами конструктивных способов разрешения противоречий и конфликтов, конфликтных высказываний будет способствовать минимизации конфликтов, позволит избежать негативной эмоциональной насыщенности судебных процессов в повседневной жизни, что позволит снизить общую конфликтность российского общества.

Ключевые слова: правовой дискурс, правоотношения, конфликт, семейные правоотношения, лингвоконфликтность, судебные споры, медиация.

Для цитирования: Соболева Л. А. Категория лингвоконфликтности в правовом дискурсе // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 77–82.

Original article

LINGUISTIC CONFLICT CATEGORY IN THE LEGAL DISCOURSE

Larisa A. Soboleva

Perm State University, Perm, Russia, soboleva-la@yandex.ru

Abstract. This article presents current statistical data characterizing the high level of litigation, as well as demographic data characterizing a high divorce rate in Russia. It is suggested that this condition is also influenced by the significant linguistic conflict potential of spouses. The author, referring to the research of domestic and foreign conflictologists, psychologists, linguists, identifies the causes of conflict, defines the concepts of linguistic conflict, legal discourse, analyzes theoretical and practical studies of the concepts of conflict potential in legal and judicial discourses, family trial and pre-trial disputes. This work contains a description of a conflictogenic personality, the causes of conflictogenicity and linguistic conflict potential. As a result of the research, the main linguistic constructions that evoke the greatest negative reactions and negative emotions of the parties in lawsuits arising from family legal relations have been identified. It is revealed that the specificity of the judicial disputes discourse caused by the peculiarities of the procedural requirements of civil proceedings, affects the nature of communication between the participants in court sessions, but does not reduce their conflict potential. The author suggests that the conflict-prone nature of court proceedings should be reduced by applying the mediation procedure provided for by the Russian legislation both at the pre-trial and at the stage of the court session itself, and at the post-trial stages of the process. In conclusion, the author believes that studying the linguistic conflict potential of legal discourse in general, including lawsuits, familiarizing spouses with the basics of constructive ways to resolve contradictions and conflicts, and conflict-causing statements will help minimize conflicts, avoid negative emotional intensity of lawsuits and everyday life, which will reduce the overall conflict potential of the Russian society.

Keywords: legal discourse, legal relations, conflict, family legal relations, linguistic conflict, litigation, mediation.

For citation: Soboleva L. A. Linguistic conflict category in the legal discourse. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;2:77-82. (In Russ.).

Введение

Статистические данные свидетельствуют о том, что, за девять месяцев 2024 г. суды первой инстанции окончили производство по 34 миллионам дел – это на 15 % больше, чем за аналогичный период прошлого года [Суды... эл. ресурс]. Если учесть, что население России составляет 146 млн. постоянных жителей, то получается, что в суды обращается каждый третий житель нашей страны (30 %) и число судебных споров из года в год не снижается. Конфликты – неотъемлемая часть повседневной жизни, в том числе и семейные взаимоотношения не всегда безоблачны, однако зачастую возникающие конфликты приводят к расторжению браков. Так, в 2024 г. в России распались восемь из десяти браков. Это максимальное соотношение, которое вывело Россию на третье место в мире по количеству разводов [Соболева 2024: 33–41]. По данным ВЦИОМ 2021 г., на вопрос, что, по мнению россиян, является самой частой причиной разводов, респонденты на первое место поставили бедность (33 % опрошенных), на второе – отсутствие взаимопонимания (15 %), на третьем – измена или ревность одного из супругов (14 %) [там же].

Полагаем, что последние две предпосылки могут быть следствием отсутствия умения конструктивно подходить к профилактике и разрешению конфликтов, слушать и слышать партнера, не использовать в общении слова и действия, провоцирующие конфликтные ситуации.

Основная часть

Убеждены, что на современном этапе развития Российского общества изучение и анализ возникновения конфликтов, конфликтности в целом и лингвоконфликтности необходимо с точки зрения профилактики и предотвращения конфликтного взаимодействия, которое, по мнению А. Я. Анцупова и А. И. Шипилова, является наиболее деструктивной формой общения [Анцупов, Шипилов 2023: 213]. Роль лингвистического конфликтотгена велика, поскольку речь может быть не только интенсификатором конфликта, имеющим изначально неязыковые причины, но и его источником, так как в этом случае конфликтное взаимодействие порождено именно фактором языка, или кодом коммуникации. Учет конфликтотгенных языковых средств в процессе общения позволит максимально эффективно разрешать сложившиеся противоречия, реализовывать предупредительную речевую стратегию, направленную на минимизацию конфликтности в современном дискурсе [Соболева 2024: 39].

Причины лингвоконфликтности могут носить самый разнообразный характер. Во-первых, конфликт в языке неизбежен, поскольку, по мнению Э. Фромма, агрессия постоянно присутствует в организме человека как импульс, обусловленный самой природой. Во-вторых, нарастанию лингвоконфликтности способствует массовое распространение коммуникации в виртуальном мире с присущей ему анонимностью, относительной безнаказанностью и безответственностью. В-третьих, различного рода лингвистические конфликты являются маркерами не только состояния языка, но и социальных и политических проблем общества [Путина 2020: 71]. Лингвоконфликтотгенная личность отличается нарушением коммуникативного пространства, затруднениями в процессе обмена информацией, проявлениями вербальной агрессии, отсутствием стратегии взаимодействия и, в результате, продуктивного общения» [там же : 72].

В свою очередь, используемые для провоцирования или развития конфликта, вербальные средства являются лингвоконфликтотгенами. К ним относятся негативизмы, инвективная лексика, метафора, ирония, пейоративные суффиксы, императивы, нарушение норм речевого этикета и т. п. Важно отметить, что выбор языковых средств, в данном случае, обусловлен желанием добиться полной дискредитации оппонента путем его оскорбления, высмеивания и т. п. [Никитин 2023]. Полагаем, что роль лингвистического конфликтотгена велика, поскольку речь может быть не только усилением конфликта, имеющим изначально неязыковые причины, но и его источником, так как в этом случае конфликтное взаимодействие порождено именно фактором языка, или кодом коммуникации. Уверены, что учет конфликтотгенных языковых средств в процессе общения позволит, как максимально эффективно разрешать сложившиеся противоречия, так и реализовывать предупредительную речевую стратегию, направленную на минимизацию конфликтности в современном дискурсе.

Далее обратимся к понятию правового (юридического) дискурса. Как отмечают О. А. Крапивкина, Л. А. Непомилов, «... в ходе анализа мы пришли к выводу, что юридический дискурс представляет совокупность высказываний по вопросам правовой действительности, основными функциями которых являются предписание, убеждение, провозглашение и информирование. Функционируя в правовой сфере, данный вид коммуникации имеет институциональную природу, перформативный и интертекстуальный характер, реализуясь преимущественно в письменной форме» [Крапивкина, Непомилов 2013].

В целом, соглашаясь с большинством авторов, полагаем, что «...под юридическим дискурсом мы понимаем устную и письменную речь, возникающую в процессе коммуникации как в повседневном, бытовом, так и в профессиональном правовом поле – это текст или высказывание, что не является строгой и закрытой системой в самом полном смысле. Определение пространства нахождения и функционирования дискурса гипотетически совпадает с определением и функциями трёх ветвей власти. Лексика может употребляться как в узкопрофессиональном, так и в повседневном правовом контексте. Отдельно отметим, что фразовые глаголы, рассматриваемые как частный случай, способны функционировать в различных жанрах, приобретая довольно разнообразное значение, что, в свою очередь, способно вызвать затруднения в их соответствующем понимании и трактовках» [Ищенко 2023].

С целью выявления присутствия лингвоконфликтогенов в правовом дискурсе, а именно в ходе судебных заседаний, в ноябре-декабре 2024 г. нами был проведен опрос среди судей, адвокатов, сообщества медиаторов преимущественно Пермского края. На вопросы анкеты, представленной в Яндекс-формах, ответило 24 респондента, непосредственно занимающихся судебной практикой, медиацией, из них 67 % имеют юридическое образование. Данные опроса свидетельствуют, что наибольшее число конфликтогенных высказываний наблюдается в ходе судебных заседаний в гражданском процессе (83,3 %), причем подавляющее большинство конфликтогенов наблюдается в спорах, вытекающих из семейных правоотношений на стадии предварительных слушаний.

Наибольшая часть высказываний, вызывающих негативную реакцию оппонировавшей стороны, относится к высказываниям, выражающим недоверие к истцу, или представителю стороны: *я тебе не верю, вы не разбираетесь, вы не понимаете, вы не слышите, вы все игнорируете, вы лжете, вы(ты) ничего не понимаете(ешь), о чем вообще идет речь, я лучше знаю, твои слова не имеют для меня значения, ты как всегда врешь, представитель как всегда лукавит, кто ты такой, чтобы отвечать на твои вопросы* и подобные – 15.4 %. Конфликтогенными также выявляются слова-долженствования: *вы обязаны, ты должен, тебе лучше знать, ты адвокат (профессионал) и должен знать, юристы должны понимать, ты обязан это сделать* – 15.4 % и пр. Чуть реже встречаются угрозы: *ты еще пожалеешь, я вам это припомню, мы еще встретимся* и пр. – 13.8 %. Слова, выражающие отрицательное отношение: *я не хочу с тобой разговаривать, ты мне противен, век бы тебя не видеть, я тебе никогда не прощу, ты никогда..., ты всегда...* и пр. – 12.3 %. Обвинения: *это все из-за тебя (вас), это ты все испортил(ла), ты виноват, ты изменник* – 12.3 %, а также слова, выражающие категоричность: *всегда, ни за что, никто* и подобные – 10.8 %.

Значительно реже в судебном правовом дискурсе используются оппонентами насмешки, сравнения, негативные выражения: *ты никто и звать тебя никак, мямля, баран, коза упертая, повторяешь как попугай, роешься как свинья в апельсинах* – по 4,6 %, а также слова оскорбительного характера – *неуч, бестолочь, подонок, идиот* 3.1 %. Причем данные высказывания часто пресекаются председательствующим в судебных заседаниях.

Из бесед с представителями судейского сообщества следует, что конфликтогенные высказывания и действия осложняют и затягивают ход судебных процессов. В то же время, как отмечают представители юридического сообщества, если стороны обращаются к такой форме переговоров как *медиация*, накал негативных страстей и высказываний значительно снижается и приводит к конструктивному разрешению споров.

Заключение

В целом, следует отметить довольно высокую конфликтогенность в основном гражданских судебных процессов, причем из них выделяются споры, вытекающие из семейных правоотношений. Резюмируя изложенное, полагаем, что исследование лингвоконфликтогенности в правовом дискурсе является одним из перспективных направлений междисциплинарных исследований, которое находится на пересечении конфликтологии, юриспруденции, социальной лингвистики, психологии. Основной целью данных исследований является поиск путей преодоления взаимного недопонимания, возможного избегания межличностных, в том числе семейных конфликтов, в частности и в целом преодоления конфликтности современного российского общества.

Список литературы

1. Анцупов А., Шипилов А. Конфликтология : учебник для вузов. 7-е изд. СПб. : Питер, 2023. 528 с.
2. Ищенко В. Г. Некоторые аспекты юридического дискурса // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Сер.: Методика преподавания языка и литературы. 2023. № 06 (23). URL: <https://scipress.ru/fam/articles/nekotorye-aspekty-yuridicheskogo-diskursa.html> (дата обращения: 18.12.2023).
3. Крапивкина О. А., Непомилов Л. А. Юридический дискурс: понятие, функции, свойства // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 9. URL: <https://human.snauka.ru/2014/09/7855> (дата обращения: 01.11.2024).
4. Путина О. Н. Лингвоконфликтогенность как параметр национального стиля вербальной коммуникации (на примере дискурсивных маркеров). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokonfliktogennost-kak-parametr-natsionalnogo-stilya-verbalnoy-kommunikatsii-na-primere-diskursivnyh-markerov/viewer> (дата обращения: 09.11.2024).
5. Никитин М. Ю. Лингвосемиотические особенности конфликтогенного массмедийного дискурса : дис. ... канд. филол. наук. М., 2023 URL: <https://www.dissercat.com/content/lingvosemioticheskie-osobennosti-konfliktogennogo-massmediinogo-diskursa> (дата обращения: 09.11.2024).
6. Семенец О. П. Типы лингвистических конфликтогенов и их роль в речевых и психологических конфликтах. Выступление на Сибирском историческом форуме – 2021. Секция «Языки и диалекты народов Сибири: история и современность». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-lingvisticheskikh-konfliktogenov-i-ih-rol-v-rechevyh-i-psihologicheskikh-konfliktah/viewer> дата обращения: 01.11.2024).
7. Соболева Л. А. Подходы к определению категории лингвоконфликтогенности в современной лингвистике и конфликтологии // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2 С. 33–41. URL: <https://press.psu.ru/index.php/ehj/issue/view/543> (дата обращения: 01.11.2024).
8. ВЦИОМ: восемь из десяти браков в России распались в 2024 году. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6762c5149a79475fb2fd64b7> (дата обращения 08.12.2024).
9. Суды в 2024 году рассмотрели на 15 % больше дел. URL: <https://pravo.ru/news/256498/> (дата обращения 08.12.2024).

References

1. Antsupov A., Shipilov A. Konfliktologiya [Conflictology]. 7th ed. Saint Petersburg, Piter, 2023, 528 p. (In Russ.).
2. Ishchenko V. G. Nekotorye aspekty yuridicheskogo diskursa [Some aspects of legal discourse]. *Filologicheskiiy aspekt: mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskiiy zhurnal. Ser.: Metodika prepodavaniya yazyka i literatury* [Philological aspect: international scientific and practical journal. Series: Methods of

teaching language and literature]. 2023, no. 06 (23). (In Russ.). Available at: <https://scipress.ru/fam/articles/nekotorye-aspekty-yuridicheskogo-diskursa.html> (accessed: 18.12.2023).

3. Krapivkina O. A., Nepomilov L. A. Yuridicheskiy diskurs: ponyatie, funktsii, svoystva [Legal discourse: concepts, functions, properties]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanitarian scientific research]. 2014, no. 9. (In Russ.). Available at: <https://human.snauka.ru/2014/09/7855> (accessed: 01.11.2024).

4. Putina O. N. Lingvokonfliktogenost' kak parametr natsional'nogo stilya verbal'noy kommunikatsii (na primere diskursivnykh markerov) [Linguistic conflictogenicity as a parameter of the national style of verbal communication (using discursive markers as an example)]. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokonfliktogenost-kak-parametr-natsionalnogo-stilya-verbalnoy-kommunikatsii-na-primere-diskursivnykh-markerov/viewer> (accessed: 09.11.2024).

5. Nikitin M. Yu. Lingvosemioticheskie osobennosti konfliktogenogo massmediynogo diskursa [Semio-linguistic features of conflict-generating mass media discourse]. PhD thesis, Moscow, 2023. (In Russ.). Available at: <https://www.dissercat.com/content/lingvosemioticheskie-osobennosti-konfliktogenogo-massmediynogo-diskursa> (accessed: 09.11.2024).

6. Semenets O. P. Tipy lingvisticheskikh konfliktogenov i ikh rol' v rechevykh i psikhologicheskikh konfliktakh [Types of linguistic conflictogens and their role in speech and psychological conflicts]. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-lingvisticheskikh-konfliktogenov-i-ih-rol-v-rechevykh-i-psikhologicheskikh-konfliktakh/viewer> accessed: 01.11.2024).

7. Soboleva L. A. Podkhody k opredeleniyu kategorii lingvokonfliktogenosti v sovremennoy lingvistike i konfliktologii [Approaches to defining the category of linguo-conflictogenicity in modern linguistics and conflictology]. *Evrasijskiy humanitarnyj zhurnal*. 2024. No. 2. S. 33–41 (In Russ.). Available at: <https://press.psu.ru/index.php/ehj/issue/view/543> (accessed: 01.11.2024).

8. VTsIOM: vosem' iz desyati brakov v Rossii raspalis' v 2024 godu [VTsIOM: Eight out of ten marriages in Russia broke up in 2024]. (In Russ.). Available at: <https://www.rbc.ru/life/news/6762c5149a79475fb2fd64b7> (accessed 08.12.2024).

9. Sudy v 2024 godu rassmotreli na 15 % bol'she del [Courts handled 15% more cases in 2024]. (In Russ.). Available at: <https://pravo.ru/news/256498/> (accessed 08.12.2024).

Информация об авторе

Л. А. Соболева – старший преподаватель, кафедра социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

L. A. Soboleva – Senior Lecturer, Department of Social Work and Conflictology, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 13.03.2025; одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 20.04.2025.

The article was submitted 13.03.2025; approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 20.04.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 83–89.

Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 1. P. 83-89.

Научная статья

УДК 811.111'38

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ МАНИФЕСТА НА ПРИМЕРЕ «THE RUSSELL-EINSTEIN MANIFESTO»

Кирилл Андреевич Рязанцев¹, Ольга Игоревна Графова²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ ryazantcevKA@yandex.ru

² grafova.olly@gmail.com

Аннотация. Жанр «манифест» является одним из наиболее интересных для анализа, поскольку выступает срезом определенных культурных проблем. Черты жанра можно найти в ряде важных мировых текстов. С лингвистической точки зрения его ценность состоит не только, в обширном использовании фигур речи для привлечения внимания общественности, интересном процессе анализа, но и в возможности изучить реализацию прагматики в тексте и способы ее передачи. Целый ряд манифестов определил не только течение отдельных художественных движений, но и целых стран. Жанр набирал и терял популярность в разное время, тем не менее, его всегда использовали для выражения своей точки зрения на проблемы разного характера: социальные, политические, экономические. В ходе исследования мы выделили пять неотъемлемых черт жанра и проанализировали их наличие в книге Дженни Прайс. Не в последнюю очередь экстенсивное использование лингвистических тропов вызвано необходимостью привлечь внимание читателя. Даже серьезные с первой точки зрения работы содержат метафоры, эпитеты, неологизмы, авторский синтаксис. С этой же целью в текст внедряется перформативность как один из основных факторов донесения информации, поскольку теория речевых актов позволяет точно описать процесс передачи информации манифестом. В данной работе анализируются черты жанра манифест в контексте работы «The Russell-Einstein Manifesto», так как этот текст подходит для анализа успешной работы с точки зрения выполнения коммуникативной задачи. Актуальность исследования обусловлена недостаточностью исследования жанра «манифест» в русскоязычной и западной научной среде, неразработанностью понятийного аппарата жанра в русскоязычной научной среде, малым количеством анализов текстов в рамках манифестарного дискурса.

Ключевые слова: манифест, манифестарность, дискурс, лексика, стиль, особенность, жанр, перформативность, речевые акты.

Для цитирования: Рязанцев К. А., Графова О. И. Жанровое своеобразие манифеста на примере «The Russell-Einstein Manifesto» // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 83–89.

Original article

PERFORMATIVITY IN THE MANIFESTO GENRE ON THE EXAMPLE OF «THE RUSSELL-EINSTEIN» MANIFESTO

Kirill A. Ryazancev¹, Olga I. Grafova²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ ryazantcevKA@yandex.ru

² grafova.olly@gmail.com

Abstract. The manifesto genre is one of the most interesting genres to analyze, as it is a cross-section of certain cultural issues. Traits of the genre can be found in a number of important world texts. From the linguistic point of view, its value consists not only in the extensive use of figures of speech to attract public attention, an interesting process of analysis, but also in the possibility to analyze the implementation of pragmatics in the text and ways of its transmission. A number of manifestos determined not only the course of individual artistic movements, but also of entire countries. The genre gained and lost popularity at different times, nevertheless, it has always been used to express their point of view on problems of different nature: social, political, economic. In the course of the article we have identified five integral features of the genre and analyzed their presence in Jenny Price's book *Not least*, the extensive use of linguistic tropes is caused by the need to attract the reader's attention. Even serious from the first point of view works contain metaphors, epithets, neologisms, author's syntax. For the same purpose performativity is introduced into the text as one of the main factors of information delivery. Since the theory of speech act allows us to accurately describe the process of information transfer by manifesto. This paper analyzes the features of the manifesto genre in the context of the work "The Russell-Einstein Manifesto", as this text is suitable for analyzing a successful work in terms of the performance of the communicative task. The relevance of the research is conditioned by the insufficient research of the manifesto genre in the Russian-speaking and Western scientific environment, by the undeveloped conceptual apparatus of the genre in the Russian-speaking scientific environment, by the small number of analyzes of texts within the framework of manifesto discourse.

Keywords: manifesto, manifestativity, discourse, vocabulary, style, peculiarity, genre, performativity, speech acts

For citation: Ryazancev K. A., Grafova O. I. Performativity in the manifesto genre on the example of «The Russell-Einstein Manifesto». *Eurasian Humanitarian Journal*. 2025;2:83-89. (In Russ.).

Введение

Жанр «манифест» оказал огромное влияние на множество сфер общественной жизни. Манифест идеально подходит для декларации новых идей, поскольку в своей основе предполагает конфликт старого и нового, отрицание старых устоев и провозглашение новых. Первая работа в жанре была написана в 1517 г. Мартином Лютером, текст «95 тезисов» выступал с критикой устройства церкви, осуждалась продажа индульгенций [«95 тезисов»].

Последующие столетия манифесты касались лишь политических и социальных тем внутри общества, люди пытались получить для себя базовые права и гарантии. Пик манифестов на тему политики пришелся на выход работы Карла Маркса и Фридриха Энгельса «Манифест коммунистической партии» в феврале 1848 г. [Маркс, Энгельс 1985]. Анна Мари Коуз считает периодом наибольшего всплеска интереса к манифестам 1909–1919 гг. [Caws 2001: 21]. Это связано с приходом модернизма во все сферы общества: литература, искусство, политика.

После этого несколько десятилетий интерес к жанру значительно снизился, повторный рост популярности пришелся лишь на начало второй половины XX в. Послевоенное общество того времени нуждалось в изменениях, наиболее конвенциональным способом стало изложение своих претензий к чему-либо на страницах манифестов.

Попытки теоретического осмысления жанра появились только после второго скачка популярности, Клод Абастадо в 1980 г. написал первую аналитическую статью, где выделил пять основных черт: разнообразие форм, основные виды, манифестарность, стилистические особенности, перформативность [Abastado 1980: 3; см. так же Графова, Рогов 2021; Графова, Рязанцев 2024; Рязанцев, Графова 2024].

Сложность в анализе связана с непостоянством жанра, в попытке отвергнуть старую идею создаются все более комплексные работы порой на стыке нескольких жанров и тем. Джанет Лион писала о жанре следующее: *«a complicated network of similarities overlapping and criss-crossing»* [Lyonn 1999: 12]. К тому же следует отметить не совсем четкие границы манифестов, поскольку не всегда автор текста может открыто отнести произведения именно к этому жанру. Иногда можно наблюдать процесс, когда чертами манифеста наделяются произведения, которые такими не задумывались. Например, картина «Черный квадрат» Казимира Севереновича Малевича может считаться манифестом, так как провозглашает новое движение в рамках изобразительного искусства.

Существуют литературные примеры передачи особенностей манифестов. Сборник эссе Натали Каррот «Тропизмы. Эра подозрения» в год своего выхода воспринимался как критический взгляд на жанр, однако спустя какое-то время литературоведы отметили яркую выраженность черт манифеста в самом анализе [Каррот 2000; Яношевская 2006].

За основу мы возьмем определение манифеста из работы Стивенса Рассела: *«manifestoes as textual elaborations of political or aesthetic beliefs which challenge existing, and attempt to constitute new religious, political or artistic institutions and movements»* [Stevens 2003].

Основная часть

В ходе анализа «Introduction à l'analyse des manifestes» Клод Абастадо выделил пять основных черт манифеста как жанра [Abastado 1980: 3].

1. Разнообразие форм выражения. Этот аспект связан с изменчивостью жанра в зависимости от цели и темы. В основном манифесты считаются частью полемического и дискуссионного дискурса. Главными текстовыми формами считаются: манифест, декларация, прокламации, декламации. Подобная мультiformальность позволяет жанру более четко подстраиваться под нужды и цели текста, точно выражая авторскую интенцию. Хуберт ван ден Берг отмечает, что существует множество книг, не называющих себя манифестами напрямую, но выполняющими именно эту функцию. Это, в свою очередь, еще сильнее затрудняет работу по классификации [Berg 1998: 193–194].

2. Виды манифестов. Выделяются три вида манифестов: политические, художественные, эстетические. Политические нацелены на критику состояния страны или политического строя и предлагают пути решения сложившихся проблем. Большую часть истории жанра этот вид оставался доминирующим, сейчас же тенденция больше смещается в сторону социальной сферы. Алан Мейер в статье «“Le manifeste politique: Modèle pur ou pratique impure?”» отмечает факт вторжения политических манифестов в социальные слои жизни, поскольку одно неотделимо от другого [Meyer 1980]. Художественный тип манифеста характерен для работ о критике литературных течений, эстетический тип направлен на все остальные художественные сферы. Между двумя последними перечисленными типами и политическим есть одно большое отличие – временная актуальность. Мэри Анн Коус отмечает, что политический манифест строго привязан к определенной проблеме и не может восприниматься вне ее рамок, художественные и эстетические манифесты могут стать независимыми от проблемы произведениями [Caws 2001].

3. Перформативность. Манифест ставит перед собой цель изменить действительность, то есть повлиять на человека с помощью слов. Влияние текста на реципиента можно описать с помощью теории речевых актов Дж. Остина. В своей книге исследователь делит структуру речевого акта на три части: локутивную, иллокутивную, перлокутивную [Остин 1986: 22–

129]. Локутивный акт – факт осуществления высказывания. Иллокутивный акт – осуществление интенционального речевого акта. Перлокутивный акт – реакция реципиента. Манифесту жизненно необходимо наличие перлокутивного акта, иначе вне рамок реакции жанр не существует, поэтому авторами используется яркий эмоциональный язык в рамках иллокутивного акта для привлечения аудитории.

4. Стилистические особенности. Любая работа в жанре манифест ставит перед собой задачу привлечь как можно большую аудиторию, чтобы текст донес свою идею до общества в целом. В рамках лингвистики это достигается с помощью структуры, тропов: метафоры, эпитеты, сравнения. Язык жанра характеризуется как манипулятивный [Yanoshevsky 2009].

5. Манифестарность. Данное понятие возникло из-за ученых, которые при анализе других жанров частично рассматривали их через призму манифеста. Это свойство отвечает за желание к изменениям внутри манифеста и неразрывно связано с апробацией произведения критиками и публикой. В качестве примера можно считать скульптуру под названием «Фонтан» Марселя Дюшана. Вне контекста событий того времени, эта скульптура является обычным писсуаром, однако в то время она вызвала огромный ажиотаж, поскольку не вписывалась в художественные устои той эпохи. Не последнее место в успехе Марселя Дюшана занимает критика. Манифест, как произведение, не может существовать без реакции общества. Манифестарность является ярким проявлением этого свойства. Например, «Manifesto of Futurism» Томаса Маринетти являлся эталоном художественного манифеста того времени [Marinetti 1909]. Его работа была опубликована в газете Le Figaro, в разделе с манифестарной литературой того времени. Публика поняла манифестарность по контексту, дала свой отклик и произведение стало считаться манифестом.

Теперь давайте перейдем к анализу «The Russell-Einstein Manifesto» [Сайт Пагуошского движения ученых... эл. ресурс]. Текст был написан в 1955 г. Пагуошской группой ученых среди которых были Бертран Рассел и Альберт Эйнштейн. В то время между крупнейшими странами – США и СССР активно зрела опасность ядерной войны со смертельными для человечества последствиями. Группа ученых, ряд из которых непосредственно были связаны со сферой ядерного вооружения, были крайне обеспокоены перспективами глобального ядерного конфликта. Чтобы избежать этой катастрофы они собрались и коллективно написали манифест, в конец которого поместили резолюцию для всех крупных стран.

По форме текст является манифестом, можно будет судить по нарративу, посылу и, непосредственно, названию текста. Он выполнен в форме манифеста, где в конце также присутствует резолюция. Текст можно отнести к политическим.

В манифесте остро поднимаются политические противоречия стран: «The world is full of conflicts; and, overshadowing all minor conflicts, the titanic struggle between Communism and anti-Communism» и ключевых политических фигур того времени. К тому же в работе поднимается и социальная сторона вопроса: «People scarcely realize in imagination that the danger is to themselves and their children and their grandchildren, and not only to a dimly apprehended humanity».

«We have to learn to think in a new way. We have to learn to ask ourselves, not what steps can be taken to give military victory to whatever group we prefer, for there no longer are such steps; the question we have to ask ourselves is: what steps can be taken to prevent a military contest of which the issue must be disastrous to all parties?» – данный призыв является попыткой подтолкнуть людей к мирному урегулированию конфликта, потому что вооруженная стадия не принесет никаких успехов.

«The general public still thinks in terms of the obliteration of cities. It is understood that the new bombs are more powerful than the old, and that, while one A-bomb could obliterate Hiroshima, one H-bomb could obliterate the largest cities, such as London, New York and Moscow» – это предложение призвано показать несостоятельность взглядов тех, кто считает современную ядерную войну лишь уничтожением городов. Прагматика за данным высказыванием – донести идею, что последствия будут куда более критичны не только для жителей этих городов, но планеты в целом.

«We have not yet found that the views of experts on this question depend in any degree upon their politics or prejudices. They depend only, so far as our researches have revealed, upon the extent of the particular expert's knowledge. We have found that the men who know most are the most gloomy» – этим отрывком авторы манифеста показывают себя как независимых от предрассудков, тем самым увеличивая фактор доверия в глазах окружающих. По их логике, политики и общественность по большей части руководствуются в рамках предрассудков. В то же время они мыслят лишь в рамках фактов и эти факты печальны. То есть опять подчеркивается плачевность ситуации и необходимость пойти на переговоры для решения текущего политического кризиса.

«Most of us are not neutral in feeling, but, as human beings, we have to remember that, if the issues between East and West are to be decided in any manner that can give any possible satisfaction to anybody, whether Communist or anti-Communist, whether Asian or European or American, whether White or Black, then these issues must not be decided by war. We should wish this to be understood both in the East and in the West» – в этом предложении авторы манифеста указывают на равенство людей вне зависимости от расового признака, политической принадлежности. Их посыл – нужно отбросить все противоречия и вступить в диалог с максимально нейтральной позицией. Это иллюкутивный акт, направленный на сплочение людей

Последнее предложение выступает самым ярким иллюкутивным актом: *«We appeal, as human beings, to human beings: Remember your humanity, and forget the rest. If you can do so, the way lies open to a new Paradise; if you cannot, there lies before you the risk of universal death.»*. Это вновь отчаянная попытка заставить людей работать над решением конфликта сообща, иначе человечество в целом ждет неминуемая гибель.

Ученые в рамках всего текста пытаются сделать так, чтобы их точка зрения была услышана людьми, политиками и правительствами стран, иначе текст теряет любую коммуникативную ценность в рамках той ситуации.

Стилистические особенности. В таком тексте невозможно было бы обойтись без стилистических приемов, например, эпитетов: *«eminent men, tragic situation, titanic struggle, deadly dust, slow torture, gloomy experts, imminent danger, illusory hope, ultimate solution, new Paradise»*. Несмотря на то, что текст написан учеными на серьезную тему, они не могли обойтись без ярких речевых образов для привлечения внимания. Все эпитеты несут негативную коннотацию чего-то близкого, ужасного. Таким образом обществу еще раз описывают мрачную ситуацию ближайшего будущего, если люди не объединятся для переговоров.

Как показала история, к ученым прислушались. Была создана Пагуошская конференция в рамках которой весь XX в. принимались важные решения. Градус опасности ядерной войны спал. Манифест успешно реализовал свою коммуникативную задачу.

Заключение

Манифест действительно является уникальным жанром для анализа. Порой сложно установить рамки этого жанра, потому что он мультиформален и может затрагивать разные сферы дискурса. С помощью тропов и структуры текста в целом жанр привлекает к себе внимание, потому что общественная апробация является важным фактором.

На примере политического манифеста «The Russell-Einstein Manifesto» мы проследили как реализуются черты этого жанра на примере актуального текста XX в., какую форму и отражение они находят, какие речевые обороты могут применяться для достижения коммуникативной цели.

Список литературы

1. Графова О. И., Рогов М. И. Трансляция экспрессивности политической речи в переводе на русский язык (на материале Фултонской речи У. Черчилля) // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 3. С. 18–21.
2. Графова О. И., Рязанцев К. А. Стилистические особенности манифеста Дж. Прайса «Stop saving the planet: an environmentalist manifesto» // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 15. С. 38–44.
3. Лютер М. 95 тезисов. URL: http://krotov.info/library/12_l/ut/er_03.html (дата обращения: 01.02.25).
4. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М. : Политиздат, 1985. 63 с.
5. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. С. 22–129.
6. Рязанцев К. А., Графова О. И. Лингвистические особенности манифеста «United State Declaration of Independence» // Актуальные проблемы изучения иностранных языков и литератур. Сборник научных трудов молодых ученых. Пермь : Изд-во «Пермский государственный университет», 2024. С. 253–260.
7. Саррот Н. Тропизмы. Эра подозрения / Пер. с фр. М. : Полиформ-Талбури, 2000. 293 с.
8. Abastado Cl. Introduction à l'analyse des manifestes / Littérature. Paris. No. 39, 1980. P. 3–11.
9. Berg H. Manifesto, eine Gattung? // Berg and Grüttemeier 1998: 1998. P. 193–225.
10. Caws M. A. Ed. Manifesto: A Century of Isms. Lincoln: U of Nebraska P, 2001
11. Einstein A., Russell B. Russell-Einstein Manifesto. URL: <https://pugwash.org/1955/07/09/statement-manifesto/> (дата обращения: 01.02.25)
12. Lyon J. Manifestoes: Provocations of the Modern. New York // Cornell University Press, 1999. P. 12.
13. Marinetti T. Manifesto du Futurisme. Gallica // Le Figaro. Numéro 51. 1909.
14. Meyer A. Le manifeste politique: Modèle pur ou pratique impure? // Littérature. 1980. No. 39. P. 29–38.
15. Stevens R. Manifestoes: A Study in Genre, 2003. URL: https://digitalcommons.uri.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1709&context=oa_diss (дата обращения: 01.02.25).
16. Yanoshevsky G. Les discours du nouveau roman // Presses universitaires du Septentrion. France. 2006.
17. Yanoshevsky G. Three Decades of Writing on Manifesto: The Making of a Genre // Poetics Today. Durham. 2009. No. 30. P. 257–286.

References

1. Графова О. И., Рогов М. И. Трансляция экспрессивности политической речи в переводе на русский язык (на материале Фултонской речи У. Черчилля) // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 3. С. 18–21.

2. Графова О. И., Рязанцев К. А. Стилистические особенности манифеста Дж. Прайс «Stop saving the planet: an environmentalist manifesto» // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 15. С. 38–44.
3. Lyuter M. 95 тезисов [95 theses]. (In Russ.). Available at: http://krotov.info/library/12_/ut/er_03.html (accessed: 01.02.25).
4. Marks K., Engel's F. Manifest Kommunisticheskoy partii [Manifesto of the Communist Party]. Moscow, Politizdat, 1985, 63 p. (In Russ.).
5. Ostin Dzh. L. Slovo kak deystvie [Word as action]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. 17. Teoriya rechevykh aktov, Moscow, Progress, 1986, pp. 22-129. (In Russ.).
6. Рязанцев К. А., Графова О. И. Лингвистические особенности манифеста «United State Declaration of Independence» // Актуальные проблемы изучения иностранных языков и литератур. Сборник научных трудов молодых ученых. Пермь : Изд-во «Пермский государственный университет», 2024. С. 253–260.
7. Sarrot N. Tropizmy. Era podozreniya [Tropisms. The Age of Suspicion]. Moscow, Polinform-Talburi, 2000, 293 s. (In Russ.).
8. Abastado Cl. Introduction à l'analyse des manifestes / Littérature. Paris. No. 39, 1980. P. 3–11.
9. Berg H. Manifesto, eine Gattung?: Gattung?" in Berg and Grüttemeier 1998: 1998. P. 193–225.
10. Caws, Mary Ann, Ed. Manifesto: A Century of Isms. Lincoln: U of Nebraska P, 2001
11. Einstein A., Russell B. Russell–Einstein Manifesto. URL: <https://pugwash.org/1955/07/09/statement-manifesto/> (дата обращения: 01.02.25)
12. Lyon J. Manifestoes: Provocations of the Modern. New York // Cornell University Press, 1999. P. 12.
13. Marinetti T. Manifesto du Futurisme. Gallica // Le Figaro. Numéro 51. 1909.
14. Meyer, A. "Le manifeste politique: Modèle pur ou pratique impure?" / Littérature. 1980. No. 39. P. 29–38.
15. Stevens R. Manifestoes: A Study in Genre, 2003. URL: https://digitalcommons.uri.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1709&context=oa_diss (дата обращения: 01.02.25).
16. Yanoshevsky G. Les discours du nouveau roman // Presses universitaires du Septentrion. France. 2006.
17. Yanoshevsky G. Three Decades of Writing on Manifesto: The Making of a Genre // Poetics Today. Durham. 2009. No. 30. P. 257-286.

Информация об авторах

К. А. Рязанцев – студент, факультет современных иностранных языков и литератур, Пермский государственный национальный исследовательский университет;
О. И. Графова – кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

K. A. Ryazantsev – Student, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures, Perm State University;
O. I. Grafova – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.03.2025; одобрена после рецензирования 20.04.2025; принята к публикации 10.05.2025.

The article was submitted 10.03.2025; approved after reviewing 20.04.2025; accepted for publication 10.05.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 90–97.
Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 1. P. 90-97.

Научная статья
УДК 811.111'27

БАЗОВЫЕ КАТЕГОРИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Екатерина Олеговна Зубарева¹, Данил Алексеевич Колотов²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ fialka21-85@mail.ru

² danilkolotov18@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что миграция является непрерывным и всеобъемлющим процессом в современном мире, исследование выполняется в рамках перспективной области – миграционной лингвистики, которая стремится к моделированию языковых явлений, связанных с миграцией, для оценки общественного мнения и повышению лингвотолерантности. В данном исследовании изучаются базовые категории англоязычного миграционного дискурса и особенности их трансляции на русский язык. Несмотря на то, что в качестве материала анализируется научная статья, тематика миграции определяет оригинальную и стилистически насыщенную форму изложения. Стилистическая насыщенность, как правило, приводит к многочисленным аномалиям, ломает узואальное семантическое представление о лексемах, которые могут приобретать нетривиальный смысл. Именно поэтому авторы используют комплексный подход к анализу переводческих решений, учитывая и стилистические, и семантические аспекты. Статья посвящена сложностям перевода ключевых категорий англоязычного миграционного дискурса на русский язык. Миграционный дискурс, как особый вид институционального и интерферентного дискурса, изобилует специальной лексикой. Переводческой трудностью англоязычного миграционного дискурса можно назвать употребление многозначной лексики и синонимов, понимание и передача индивидуального авторского стиля, которые используются с целью подчеркнуть сложность и многоаспектность феномена миграции в современном мире. Изучение базовых категорий англоязычного миграционного дискурса и особенностей их трансляции на русский язык предполагает комплексный подход, необходим лексикографический, контекстуальный и стилистический анализ.

Ключевые слова: миграционная лингвистика, миграционный дискурс, институциональность, интерферентность, лексикографический анализ, антитеза, миграция, мобильность.

Для цитирования: Зубарева Е. О., Колотов Д. А. Базовые категории англоязычного миграционного дискурса: переводческий аспект // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 90–97.

Original article

BASIC CATEGORIES OF ANGLOPHONE MIGRATION DISCOURSE: TRANSLATION ASPECT

Ekaterina O. Zubareva¹, Danil A. Kolotov²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ fialka21-85@mail.ru

² danilkolotov18@mail.ru

Abstract. The relevance of the research is conditioned by the fact that migration is a continuous and comprehensive process in the modern world and is carried out within the framework of a promising field – migration linguistics, which seeks to model linguistic phenomena related to migration in order to assess public opinion and linguotolerance. This study examines the basic categories of English migration discourse and the specifics of their translation into Russian. Despite the fact that a scientific article is being analyzed as a material, the topic of migration determines the original and stylistically rich form of presentation. Stylistic saturation, as a rule, leads to numerous anomalies, breaks the usual semantic idea of lexemes, which can acquire a non-trivial meaning. That is why the authors use an integrated approach to the analysis of translation decisions, taking into account both stylistic and semantic aspects. The article is devoted to the difficulties of translating key categories of English-language migration discourse into Russian. Migration discourse, as a special type of institutional and interferent discourse, abounds with special vocabulary. The translation difficulty of the English-language migration discourse can be called the use of multivalent vocabulary and synonyms, understanding and conveying the author's individual style, which are used to emphasize the complexity and multidimensionality of the phenomenon of migration in the modern world. The study of the basic categories of the English-language migration discourse and the peculiarities of their translation into Russian implies a comprehensive approach, lexicographic, contextual and stylistic analyses are necessary.

Key words: migration linguistics, migration discourse, institutionality, interference, lexicographic analysis, antithesis, migration, mobility.

For citation: Zubareva E. O., Kolotov D. A. Basic categories of English migration discourse: translation aspect. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;2:90-97. (In Russ.).

Введение

Данное исследование актуально по двум причинам: во-первых, миграция является непрерывным и всеобъемлющим процессом в современном мире, во-вторых, работа выполняется в рамках перспективной области – миграционной лингвистики, которая стремится к моделированию языковых явлений, связанных с миграцией, для оценки общественного мнения, своевременного формирования языковой политики и обеспечения безопасности, повышения межкультурной толерантности, а также для выявления типичных коммуникативных сценариев и формирования нового лексического фонда [Прыткина, Шустова 2021; Шустова 2022; Зубарева 2019, 2024; Хорошева, Назарова 2024; Kerswill 2006; Piller 2016].

Миграционная лингвистика исследует миграционный дискурс. В ее предмет входит изучение модели миграционного дискурса, выявление ключевых категорий, а также разработка методических подходов в этой области [Шустова 2018]. Т. ван Дейк рассматривает миграционный дискурс как многоуровневую структуру, которая охватывает лингвистические, политические, социальные и культурные измерения. Ввиду сложности явления миграции, автор предлагает модульную структуру для анализа миграционного дискурса. Данная структура представлена модулем, который является семантической макроструктурой, состоящей из макропозиций, в каждой из которых заключены локальные значения дискурса [Dijk 2018].

Миграционный дискурс, учитывая многоаспектность такого феномена как миграция, включает и другие типы дискурсов и жанры. В результате происходит их взаимодействие, включение новых участников, наложение разных контекстов. В этом случае можно говорить о научном, политическом, религиозном, образовательном и других видах миграционного дискурса.

Таким образом, миграционный дискурс рассматривается как институциональный и интерферентный, так как интерферентность возникает, когда различные дискурсы и жанры реализуются в одном коммуникативном событии [Fairclough 1993].

Основная часть

Исследование проводится на материале статьи А. Триандафиллидоу и др. «Rethinking Migration Studies for 2050» из журнала *Journal of Immigrant & Refugee Studies*, объемом 45359 п. з. (без пробелов) [<https://www.researchgate.net/>]. Настоящая статья адресована широкому кругу читателей с целью привлечения их внимания к актуальным проблемам миграции. В центре внимания публикации – переоценка роли миграционных процессов, анализ взаимодействия моральных и правовых принципов, которые могут диссонировать в контексте миграции, а также рассмотрение ключевых положений и перспектив мировой миграционной политики.

В работе изучаются базовые категории англоязычного миграционного дискурса и особенности их трансляции на русский язык. Несмотря на то, что в качестве материала анализируется научная статья, тематика миграции определяет оригинальную и стилистически насыщенную форму изложения. Стилистическая насыщенность, как правило, приводит к многочисленным аномалиям, ломает узуальное семантическое представление о лексемах, которые могут приобретать нетривиальный смысл [Флоря 2023]. Именно поэтому авторы используют комплексный подход к анализу переводческих решений, учитывая и стилистические, и семантические аспекты.

Приведем наиболее яркие примеры из статьи и обозначим наши переводческие решения.

Для начала рассмотрим две ключевые лексические единицы в миграционном дискурсе *migration* и *mobility*. Исходя из зафиксированных значений в англоязычных и русскоязычных толковых словарях, под миграцией понимается *любое территориальное перемещение, совершающееся между различными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности* [Юдина 2007]; *the movement of persons away from their place of usual residence, either across an international border or within a State* [Glossary on migration]. В отличие от лексемы *мобильность*, которая определяется в русскоязычных и в англоязычных толковых словарях как *подвижность* [Большой энциклопедический словарь] или *перемещение людей из одной социальной группы, класса или уровня в другой или с одного социального или экономического уровня на другой* [Этнопсихологический словарь; The Free Dictionary]. Данная категория отражает, что территориальное перемещение неизбежно ведет к другим многочисленным изменениям: культура, социальный и материальный статус, самоидентификация и т. д.

В анализируемой статье авторы четко разграничивают эти две категории. Например, по контексту, один из авторов указывает на изменение своей идентичности, в силу цифровизации, что позволяет рассматривать мобильность как более широкую категорию. И при переводе статьи мы не считаем их синонимичными:

As such migration and mobility are shaped by broader processes of globalization, development, technological transformation, urbanization ... – Таким образом, миграция и мобильность являются следствием более широких процессов глобализации, развития, технологической трансформации и урбанизации...

What does this mean about the splitting of work and residence and how can we govern mobility and migration in such a space? – Что это означает в отношении разделения труда и места проживания, и как мы можем управлять мобильностью и миграцией в таком пространстве?

Автор также разграничивает такие понятия как *migration* и *displacement*:

... opportunities that may be intimately connected with the displacement or migration processes that the 'vagabond' groups experience... – ... возможностям, которые могут быть тесно связаны с вынужденной или добровольной миграцией, как опыт группы «бродяг»...

Лексема *displacement*, согласно толковым словарям определяется как *the act of displacing or the condition of being displaced* [The Free Dictionary].

Таким образом автор подчеркивает, что миграция представляет собой добровольный процесс, который может быть связан с работой, учебой, отдыхом, и предлагает отдельный термин для того, чтобы указать, что перемещение происходит вынужденно по разным причинам. В переводе разграничение сохраняется с помощью антитезы *вынужденная / добровольная миграция*.

Приведем еще один пример, который демонстрирует целый ряд базовых категорий англоязычного миграционного дискурса: *globalization, traveling people, borders, visas, illegal moving*. С точки зрения перевода наиболее интересными оказались такие лексемы и словосочетания как: *right / wrong passports, vagabond, the cosmopolitan nomad, sans papiers*:

It was more than 20 years ago when commenting on globalization, the Polish sociologist Zygmunt Bauman (1998) wrote about the emergence of two types of 'sans papiers' people traveling in the world today: the cosmopolitan 'nomads', moving across borders whether for work or leisure, seamlessly, without visas because in possession of the 'right' passports; and the 'vagabonds', those willing but unable to move or moving illegally because in possession of the 'wrong' passports or of no passports at all – Более 20 лет назад, комментируя глобализацию, польский социолог Зигмунт Бауман (1998) писал о появлении двух типов нелегальных мигрантов, путешествующих по миру сегодня: космополитические «кочевники», беспрепятственно пересекающие границы с целью поиска работы или отдыха без виз, поскольку имеют «правильные» паспорта; и «бродяги», те, кто хочет, но не может переехать или переезжают нелегально, поскольку имеют «неправильные» паспорта или вообще их не имеют.

В примере словосочетание *sans papiers*, заимствованное из французского языка, имеет значение *undocumented migrant* или *undocumented* [Collins Dictionary]. Обычно оно используется для обозначения людей, которые находятся на территории государства нелегально. Авторы используют стилистический прием эмфазы, употребляя иноязычное вкрапление и обращая внимание читателей на это определение. В словаре по миграции зафиксировано словосочетание *undocumented migrant* и обозначает *a non-national who enters or stays in a country without the appropriate documentation* [Glossary on migration], в другом словаре зафиксировано словосочетание *недокументированный иностранец* [Глоссарий терминов в области миграции 2005: 43].

Данные варианты перевода не являются устойчивыми словосочетаниями в русском языке, поэтому принято решение использовать более привычный аналог *нелегальный*

мигрант, несмотря на то, что словосочетание не зафиксировано в русскоязычных словарях, но при этом в них присутствует словосочетание *нелегальная миграция*, в связи с чем оно более понятно целевой аудитории.

Лексические единицы *vagabond* и *nomad* синонимичны, в определениях которых встречается значение *бродяга*. Исходя из зафиксированного значения в словаре, *nomad* определяется как *a member of a people that has no permanent abode but moves from place to place along a traditional circuit in search of pasturage or food* [The Free Dictionary] или *persons without a fixed place of usual residence who move from one site to another, usually according to well-established patterns of geographical mobility* [Glossary on migration]. Это человек, который не имеет постоянного места жительства, и все время в движении, как правило, с целью выжить или найти лучшие условия.

Синонимичное значение и у лексемы *vagabond* – *a person who moves from place to place without a permanent home and often without a regular means of support; an idle wandering beggar or thief* [The Free Dictionary], но имеет скорее негативный оттенок. Автор статьи в данном контексте вкладывает собственный смысл, отличный от словарного значения и разделяет эти категории, акцентируя внимания на том, что *nomad*, человек, который перемещается территориально по желанию и с определенной целью, имея соответствующие документы, но при этом делая это незаконно. *Vagabond* – человек, который хочет покинуть свою страну, но ему труднее это сделать, так как у него проблемы с документами. Оба типа участников миграции относятся к нелегальным мигрантам, при этом интересно отметить, что первый тип зафиксирован в словаре по миграции, а второй – нет.

Исходя из контекста и индивидуальной авторской интерпретации, мы решили перевести *nomad* как кочевники, а *vagabond* – бродяги, сохранив таким образом нейтральный и негативный оттенок значения. В связи с таким разграничением этих категорий, еще одной переводческой трудностью является антитеза *the 'right / wrong' passports*.

В примере автор указывает, что кочевники, беспрепятственно пересекающие границы, имеют отличные от бродяг паспорта. Сложно понять из контекста, что именно автор подразумевает под этими словосочетаниями. Возможно, продленный отечественный или заграничный паспорт или поддельный паспорт. Нами рассматривался вариант перевода *подлинные / поддельные паспорта*, но так как автор мог предполагать нечто иное, мы отказались от такой адаптации и сохранили в переводе оригинальное прямое и широкое значение – *правильный / неправильный*.

Обратимся к похожему примеру, где автор использует еще одну антитезу для определения документов: *Is such a new situation a potent development factor as it will do away with the division between 'strong' and 'weak' passports?* – Является ли такая новая обстановка мощным фактором развития, поскольку она устранил разделение на соответствующие и несоответствующие требованиям паспорта?

Автор использует кавычки для слов *strong / weak*, употребляющиеся в сочетании с существительным *паспорт*. Кавычки указывают на то, что эти категории имеют не совсем стандартное или привычное словарное значение. В контексте документов данные прилагательные описывают уровень свободы передвижения. Поэтому при переводе используются модуляция и предлагается вариант – *соответствующие / несоответствующие требованиям паспорта*.

Заключение

Представленные примеры и проведенный анализ позволяет заключить, что англоязычный миграционный дискурс представляет собой очень сложное и интересное явление. Он насыщен специальной лексикой и особой стилистикой, которая выражается в многочисленных антитезах, графических маркерах и индивидуальной авторской интерпретацией.

Переводческой трудностью англоязычного миграционного дискурса можно назвать употребление многозначной лексики и синонимов, понимание и передача индивидуального авторского стиля, который используются с целью подчеркнуть сложность и многоаспектность феномена миграции в современном мире. Изучение базовых категорий англоязычного миграционного дискурса и особенностей их трансляции на русский язык предполагает комплексный подход, необходим лексикографический, контекстуальный и стилистический анализы.

Список литературы

1. Зубарева Е. О. Синтагматический анализ концепта МИГРАЦИЯ (на материале корпусных данных) // Миграционная лингвистика. 2019. № 1. С. 23–41.
2. Зубарева Е. О. Миграционный дискурс: институциональность и интерферентность // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Т. 10. № 3. С. 31–41.
3. Прыткина Л. А., Шустова С. В. Репрезентация концепта «мигрант» в языковом сознании носителей английского и французского языков // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 27–35.
4. Хорошева Н. В., Назарова Н. А. Нарратив миграционного кризиса во французском политическом медиадискурсе: номинационный аспект // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 87–94.
5. Флоря А. В. Эстетические коннотации слова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2023. Т. 33. № 4. С. 731–736.
6. Шустова С. В. Миграционная лингвистика и миграционный дискурс // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4(2). С. 114–125.
7. Шустова С. В. Языковая репрезентация социальных агентов в миграционном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2022. Т. 16. № 1. С. 91–98.
8. Fairclough N. Discourse and Social Change. Polity, Pub. in the U.S. by Blackwell, Polity Press, 1993. 272 p.
9. Kerswill P. Migration and language // Soziolinguistik: International Handbook of the Science of Language and Society. Berlin: De Gruyter, 2006. Vol. 3. Pp. 2271–2285.
10. Piller I. Language and Migration. London : Routledge, 2016. 1600 p.
11. Van Dijk T. A. Discourse and migration // Qualitative Research in European Migration Studies / Ed. by R. Zapa. 2018. 23 p.

Словари

1. Большой энциклопедический словарь. 2007. URL: <https://gufo.me/dict/bes> (дата обращения: 01.02.2025).
2. Глоссарий терминов в области миграции / Отв. ред. Р. Перрушу. Женева: Изд-во: Международная организация по миграции (МОМ), 2005. 98 с.
3. Крысько В. Г. Этнопсихологический словарь. 1999. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/ethnopsychology/index.htm> (дата обращения: 05.02.2025).

4. Юдина Т. Н. Миграция: словарь основных терминов. М. : Издат-во РСГУ, 2007. 472 с.
5. Cambridge Dictionary. URL: dictionary.cambridge.org. (дата обращения: август–декабрь 2024).
6. Collins Dictionary. URL: [collinsdictionary.com](https://www.collinsdictionary.com) (дата обращения: август–декабрь 2024).
7. Glossary on migration. URL: <https://www.onlinelibrary.iihl.org/wp-content/uploads/2020/05/2019-IOM-Glossary-on-Migration.pdf> (дата обращения: август–декабрь 2024).
8. The Free Dictionary. URL: [thefreedictionary.com](https://www.thefreedictionary.com) (дата обращения: август–декабрь 2024).

References

1. Zubareva E. O. Sintagmatically analysis kontsepta MIGRATsIYa (na materiale korpusnykh dannyx) [Syntagmatic analysis of the concept MIGRATION (based on corpus data)]. *Migratsionnaya lingvistika* [Migration linguistics]. 2019, no. 1, pp. 23-41. (In Russ.).
2. Zubareva E. O. Migratsionnyy diskurs: institutsional'nost' i interferentnost' [Migration discourse: institutionality and interference]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics]. 2024, vol. 10, no. 3, pp. 31-41. (In Russ.).
3. Prytkina L. A., Shustova S. V. Reprezentatsiya kontsepta «migrant» v yazykovom soznanii nositeley angliyskogo i frantsuzskogo yazykov [Representation of the concept "migrant" in the linguistic consciousness of native English and French speakers]. *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2021, no. 1, pp. 27-35. (In Russ.).
4. Khorosheva N. V., Nazarova N. A. Narrativ migratsionnogo krizisa vo frantsuzskom politicheskom mediadiskurse: nominatsionnyy aspekt [The Narrative of the Migration Crisis in French Political Media Discourse: The Nomination Aspect]. *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2024, no. 1, pp. 87–94. (In Russ.).
5. Florya A. V. Esteticheskie konnotatsii slova [Aesthetic connotations of the word]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology]. 2023, vol. 33, no. 4, pp. 731-736. (In Russ.).
6. Shustova S. V. Migratsionnaya lingvistika i migratsionnyy diskurs [Migration linguistics and migration discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics]. 2018, iss. 4(2), pp. 114-125. (In Russ.).
7. Shustova S. V. Yazykovaya reprezentatsiya sotsial'nykh agentov v migratsionnom diskurse [Linguistic representation of social agents in migration discourse]. *Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Current issues of philology and methods of teaching foreign languages]. 2022, vol. 16, no. 1, pp. 91-98. (In Russ.).
8. Fairclough N. Discourse and Social Change. Polity, Pub. in the U.S. by Blackwell, Polity Press, 1993. 272 p.
9. Kerswill P. Migration and language // *Soziolinguistik: International Handbook of the Science of Language and Society*. Berlin: De Gruyter, 2006. Vol. 3. Pp. 2271–2285.
10. Piller I. Language and Migration. London : Routledge, 2016. 1600 p.
11. Van Dijk T. A. Discourse and migration // *Qualitative Research in European Migration Studies* / Ed. by R. Zapa. 2018. 23 p.

Dictionaries

1. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' [Large Encyclopedic Dictionary]. 2007. (In Russ.). Available at: <https://gufo.me/dict/bes> (accessed: 01.02.2025).
2. Glossarij terminov v oblasti migracii [Glossary of Migration Terms]. Editor-in-Chief R. Perrushu. Zheneva, Mezhdunarodnaja organizacija po migracii (MOM), 2005, 98 p. (In Russ.).
3. Krys'ko V. G. Jetnopsihologicheskij slovar' [Jetnopsychological dictionary]. 1999. (In Russ.). Available at: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/ethnopsychology/index.htm> (accessed: 05.02.2025).
4. Judina T. N. Migracija: slovar' osnovnyh terminov [Migration: Glossary of Basic Terms]. Moscow, Izdat-vo RSGU, 2007, 472 p. (In Russ.).

5. Cambridge Dictionary. URL: dictionary.cambridge.org. (дата обращения: август–декабрь 2024).
6. Collins Dictionary. URL: collinsdictionary.com (дата обращения: август–декабрь 2024).
7. Glossary on migration. URL: <https://www.onlinelibrary.iuhl.org/wp-content/uploads/2020/05/2019-IOM-Glossary-on-Migration.pdf> (дата обращения: август–декабрь 2024).
8. The Free Dictionary. URL: thefreedictionary.com (дата обращения: август–декабрь 2024).

Информация об авторах

Е. О. Зубарева – кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет;

Д. А. Колотов – студент, факультет современных иностранных языков и литератур, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

E. O. Zubareva – Ph. D. (Philology), Assistant Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University;

D. A. Kolotov – Student, Faculty of Modern Foreign Languages, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 20.03.2025.

The article was submitted 10.02.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 20.03.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 98–106.

Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 1. P. 98-106.

Научная статья

УДК 811(07)

ФЛЕШ-КАРТОЧКИ КАК МЕТОД ЭФФЕКТИВНОГО ЗАПОМИНАНИЯ СЛОВ: ПИЛОТНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ¹

Мария Дмитриевна Харченко

Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия, mari.kharchenko05@gmail.com

Аннотация. Цель статьи – оценить эффективность метода флеш-карточек при запоминании иностранных слов (английского и китайского языков). Современные технологии значительно изменили процесс изучения иностранных языков, предлагая новые методы и инструменты для эффективного запоминания и усвоения изученного материала. Одним из таких методов является использование флеш-карточек, которые давно зарекомендовали себя как удобное и действенное средство для изучения иностранной лексики. В последние годы, благодаря развитию мобильных приложений и онлайн-платформ, флеш-карточки стали более доступными и популярными среди изучающих иностранные языки. В настоящем исследовании рассматриваются ключевые когнитивные эффекты, лежащие в основе данного метода: повторение с интервалами, эффект тестирования и мультимодальное восприятие. Материалом для пилотного эксперимента выступили английские и китайские лексические единицы, подлежащие усвоению студентами. В качестве инструмента реализации метода использовалось мобильное приложение Quizlet. Пилотный эксперимент был проведен в 2025 г. среди студентов второго курса, изучающих английский язык как основной предмет. Для получения мнения студентов о роли флеш-карточек в усвоении вокабуляра был использован метод онлайн-анкетирования. Результаты исследования показали достаточно высокий уровень эффективности и удобства использования мобильного приложения Quizlet: около 75 % участников отметили, что оно существенно помогло им в усвоении учебного материала, особенно при подготовке к экзаменам и контрольным работам. Однако были выявлены и индивидуальные различия в оценке цифровых инструментов, что указывает на необходимость дальнейшего изучения факторов, влияющих на успешность применения метода флеш-карточек.

Ключевые слова: флеш-карточки, Quizlet, цифровые инструменты, интервальное повторение, заучивание лексики.

Для цитирования: Харченко М. Д. Флеш-карточки как метод эффективного запоминания слов: пилотный эксперимент // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 98–106.

Original article

FLASHCARDS AS A METHOD OF EFFECTIVE WORD LEARNING: A PILOT STUDY

¹ **Благодарности.** Автор благодарит студентов группы 391о62 за энтузиазм и активное участие в эксперименте, а также своего научного руководителя доктора филологических наук, профессора Светлану Викторовну Андросову за помощь и поддержку, а также Студенческое научное общество Амурского государственного университета в лице Полины Евгеньевны Андросовой за помощь в подготовке статьи.

Maria D. Kharchenko

Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, mari.kharchenko05@gmail.com

Abstract. The aim of this article is to assess the effectiveness of the flashcard method in memorizing foreign words (English and Chinese). Modern technologies have significantly changed the process of learning foreign languages, offering new methods and tools for effective memorization and assimilation of the studied material. One of these methods is the use of flash cards, which have long established themselves as a convenient and effective tool for learning foreign vocabulary. In recent years, thanks to the development of mobile applications and online platforms, flash cards have become more accessible and popular among foreign language learners. The key cognitive effects underlying this method are discussed: spaced repetition, the testing effect and multimodal perception. The material for this pilot study was obtained from the academic results obtained in 2025 by the second-year students majoring in English. A questionnaire was designed to obtain students' opinions about the role of flashcards in their own academic achievements in vocabulary acquisition. The results revealed a high level of perceived convenience and effectiveness in using the Quizlet mobile application: approximately 75 % of participants reported that it significantly supported their vocabulary acquisition, particularly during exam and test preparation. Although individual differences in the perception of digital tools were identified, indicating the need for further investigation of the factors influencing the success of its application.

Keywords: flashcards, Quizlet, digital tools, spaced repetition, vocabulary acquisition.

For citation: Kharchenko M. D. Flashcards as a method of effective word learning: a pilot study. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;2:98-106. (In Russ.).

Введение

Современные технологии значительно изменили процесс изучения иностранных языков, предлагая новые методы и инструменты для эффективного запоминания и усвоения изученного материала. Одним из таких методов является использование флеш-карточек, которые давно зарекомендовали себя как удобное и действенное средство для изучения иностранной лексики. В последние годы, благодаря развитию мобильных приложений и онлайн-платформ, флеш-карточки стали более доступными и популярными среди изучающих иностранные языки [Boroughani et al. 2023].

Целью данного исследования является анализ эффективности метода флеш-карточек в процессе запоминания иностранных слов студентами, изучающими английский и китайский языки. Для этого рассматриваются когнитивные механизмы, лежащие в основе данного метода, а также его преимущества по сравнению с традиционными способами обучения. Кроме того, исследование затрагивает влияние мобильных технологий и специализированных приложений, таких как Quizlet, на процесс изучения лексики [Mykytka 2023].

Основная часть

Мобильное обучение и саморегуляция

Согласно исследованиям, мобильное обучение оказывает значительное влияние на способность учащихся к саморегуляции в процессе изучения языка. Использование мобильных устройств для обучения способствует как краткосрочному, так и долгосрочному усвоению материала, предоставляя учащимся удобные инструменты для самостоятельного контроля своего образовательного прогресса [Boroughani et al. 2023]. С ростом популярности смартфонов становится важным оценить их потенциал в сравнении с более традиционными методами обучения, такими как портативные компьютеры и ноутбуки [Zarrati 2024].

Флеш-карточки как метод изучения лексики

Флеш-карточки представляют собой одну из наиболее распространенных стратегий для запоминания новой лексики. Этот метод поддерживает как намеренное, так и случайное изучение лексики [Nation 2001]. Исследования подтверждают, что флеш-карточки способствуют не только запоминанию материала, но и формированию как явного, так и неявного знания, что делает их особенно полезными для практического использования языка [Elgort 2011].

Флеш-карточки могут быть как традиционными (бумажными), так и цифровыми. Современные технологии позволяют создавать интерактивные карточки с возможностью аудиосопровождения, добавления изображений и автоматизированного повторения, что значительно повышает их эффективность. В ряде исследований подчёркивается эффективность флеш-карточек как средства визуализации и интерактивного взаимодействия с учебным материалом [Бородина, Калашникова 2022]. Одним из ключевых факторов успешного применения флеш-карточек является принцип интервального повторения, который помогает минимизировать забывание и увеличить долговременное запоминание материала [Hulstijn 2001]. Отмечается, что в условиях активного развития цифровых технологий все более широкое распространение получают программные решения, основанные на методе Лейтнера – системе интервального повторения, при которой карточки сортируются по уровням сложности (от первого до пятого) в зависимости от успешности их запоминания учащимся [Malik et al. 2020]. Подобные наблюдения находят подтверждение и в отечественных разработках, демонстрирующих интерес к использованию цифровых карточек в образовательных онлайн-сервисах [Девочки 2024].

Цифровые инструменты для изучения лексики

Современные приложения, такие как Quizlet, предоставляют учащимся возможность гибкого изучения лексики, включая тестирование, многократное повторение и геймификацию процесса обучения. Исследования показывают, что использование Quizlet положительно влияет на мотивацию студентов и улучшает их результаты в изучении иностранных языков [Mykytka 2023].

Метааналитический обзор показал, что флеш-карточки способствуют устойчивому росту языковых навыков [Sari et al. 2023]. Кроме того, интерактивный характер флеш-карточек позволяет учащимся не только запоминать новые слова, но и активно взаимодействовать с материалом, что делает процесс обучения более увлекательным и продуктивным [Jones 2013].

Преимущества флеш-карточек перед традиционными методами

В отличие от традиционных методов изучения лексики, таких как механическое повторение или работа со списками слов, флеш-карточки обеспечивают активное извлечение информации, что способствует лучшему запоминанию [Nakata 2008]. Они также позволяют студентам адаптировать процесс обучения под индивидуальные потребности, что делает их более гибким и эффективным инструментом [Oxford, Scarcella 1994]. Использование визуальных и аудиовизуальных элементов в карточках дополнительно способствует повышению уровня восприятия и усвоения материала [Nist, Joseph 2008; Hulstijn 2001].

Кроме того, эффективность флеш-карточек подтверждается когнитивной психологией: активное извлечение информации (retrieval practice), лежащее в основе их использования, способствует более прочному и долговременному запоминанию. Так, в исследовании

«Taking memory tests improves long-term retention» было установлено, что студенты, практиковавшие воспроизведение изученного материала, показали значительно лучшие результаты на долгосрочных тестах по сравнению с теми, кто просто перечитывал текст [Roediger, Karpicke 2006]. Это объясняется тем, что активное извлечение информации усиливает нейронные связи, связанные с воспоминаниями, и повышает устойчивость материала в долговременной памяти. Также отмечается потенциал флеш-карточек как средства развития креативного и ассоциативного мышления студентов [Векуа, Мамаева 2022]. Тем самым флеш-карточки становятся не просто удобным, но и научно обоснованным инструментом обучения.

В 2022 г. команда Quizlet представила обновлённую платформу Learning Assistant, которая сочетает в себе когнитивные научные подходы и анализ больших данных для создания более эффективного процесса обучения. Используя машинное обучение, эта платформа строит модели (интервальное повторение), чтобы сделать обучение более действенным и плодотворным для всех учащихся.

Внедрение адаптивных алгоритмов в такие цифровые инструменты, как Quizlet, способствует более качественному и персонализированному обучению с возможностью адаптации под индивидуальные потребности и особенности каждого учащегося. Таким образом, флеш-карточки, особенно в цифровом формате, представляют собой эффективный инструмент для изучения иностранных слов. Их применение, подкреплённое научными исследованиями, демонстрирует значительное улучшение результатов запоминания, что делает их важным компонентом современных методик обучения иностранным языкам.

Материалом для пилотного эксперимента выступили английские и китайские лексические единицы, подлежащие усвоению студентами. В качестве инструмента реализации метода использовалось мобильное приложение Quizlet, предназначенное для обучения с помощью использования флеш-карточек. Это цифровое приложение, предоставляющее интерактивные возможности для запоминания и повторения лексики, было выбрано как основной инструмент для исследования, поскольку оно предлагает многочисленные адаптивные функции, такие как режимы заучивания, карточек, письма и тестирования, что позволяет гибко и эффективно подходить к обучению.

Для пилотного эксперимента была сформирована группа из 22 студентов второго курса (21 женщина и 1 мужчина), изучающих английский и китайский языки. Возраст участников варьировался от 18 до 22 лет. Английский язык изучался как первый иностранный, китайский – как второй. В ходе исследования студенты использовали приложение Quizlet на протяжении полутора лет, интегрируя его в процесс обучения. Объём лексического материала составил 4638 единиц для английского языка и 830 – для китайского. Лексика была разделена на тематические модули: 65 по английскому языку и 48 – по китайскому. Материал создавался с помощью персонального компьютера и в редких случаях – с помощью смартфона. Персональный компьютер оказался более удобным инструментом для создания учебных материалов.

Для исследования был выбран метод активного запоминания через флеш-карточки, включающий аудиовизуальные элементы, что соответствует современным подходам к обучению иностранным языкам. Ранее проведённые исследования подтверждают, что использование цифровых флеш-карточек повышает мотивацию студентов и способствует лучшему усвоению материала благодаря внедрению принципов адаптивного повторения [Abdelrahman 2022].

Согласно последним исследованиям, цифровые флеш-карточки с возможностью добавления аудиосопровождения значительно улучшили способность учащихся к долговременному запоминанию [Robinson, Johnson 2021].

Также пилотный эксперимент был дополнен анкетированием, целью которого было выяснить, как студенты оценивают удобство и эффективность использования приложения Quizlet в процессе обучения.

Вопросы анкеты охватывали темы частоты использования приложения, предпочтений в форматах карточек, восприятия удобства работы с устройствами (персональный компьютер, ноутбук, планшет или смартфон) и общей оценки функционала приложения. Экспериментальная группа работала с карточками по следующим режимам: «Заучивание», «Карточки» и «Письмо», что позволило разнообразить подходы к запоминанию и оценить их эффективность.

На рисунке 1 представлен режим «Заучивание». Данный режим включает: просмотр карточки с термином или определением, попытку вспомнить ответ, проверку с правильным вариантом, оценку уровня знания, после чего сложные карточки повторяются чаще по принципу интервального повторения, а приложение отслеживает прогресс пользователя и предлагает дальнейшие шаги.

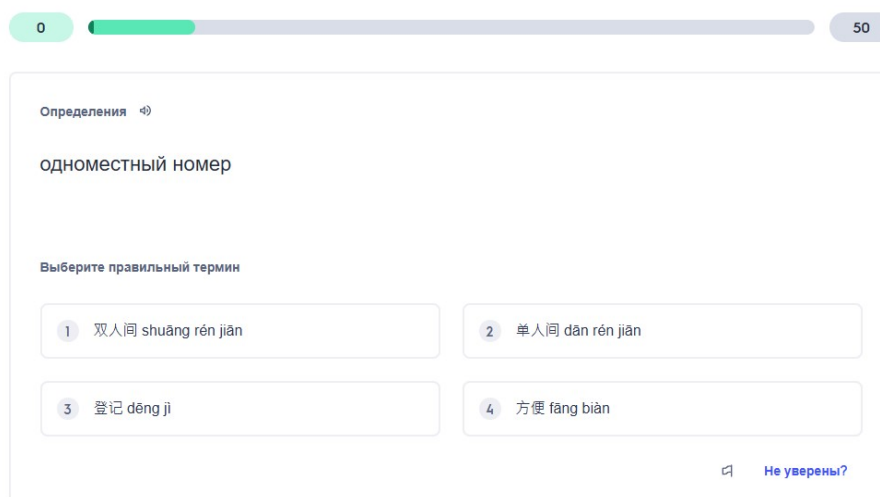

Рисунок 1. Интерфейс приложения Quizlet в режиме «Заучивание», демонстрирующий процесс запоминания лексики

На рисунке 2 представлен режим «Тестирование». Пользователь проходит серию вопросов, а приложение автоматически оценивает ответы, отображает результат и указывает на ошибки, что помогает выявить пробелы в знаниях и сфокусироваться на сложных темах для дальнейшего изучения.

На рисунке 3 представлен режим «Письмо». Благодаря данному режиму пользователь развивает навыки активного воспроизведения информации и улучшает запоминание, поскольку режим требует не просто узнавания, а точного воспроизведения изучаемого материала. Приложение проверяет правильность введенных ответов и предоставляет обратную связь для коррекции ошибок.

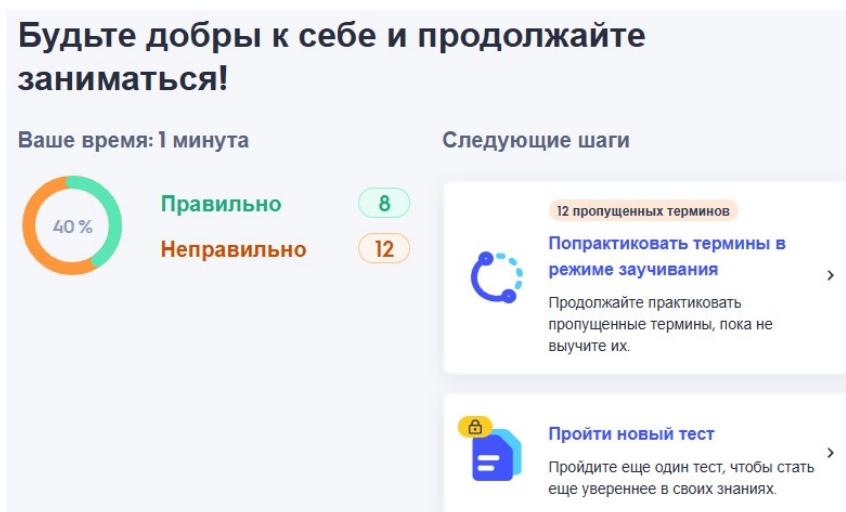

Рисунок 2. Интерфейс приложения Quizlet в режиме «Тест», демонстрирующий процесс запоминания лексики

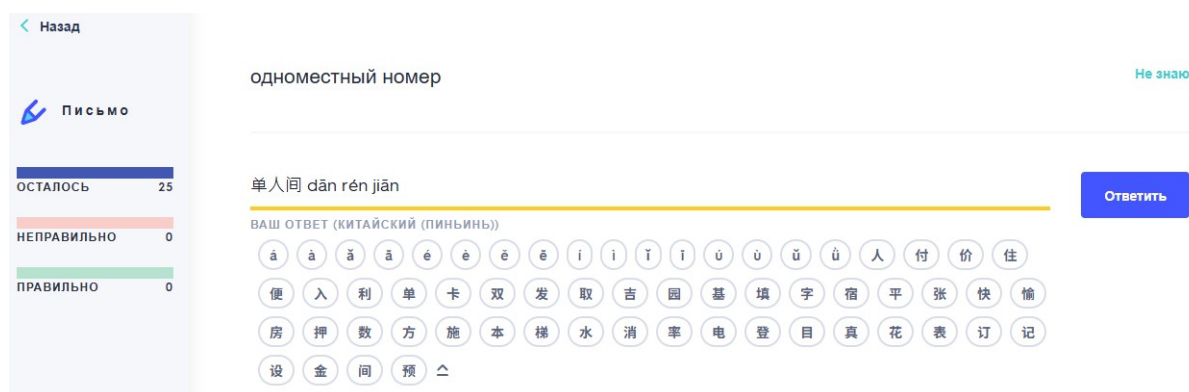

Рисунок 3. Интерфейс приложения Quizlet в режиме «Письмо», демонстрирующий процесс запоминания лексики

Обсуждение результатов

Анализ полученных результатов (см. рис. 4) показал, что большинство студентов использовали Quizlet 1–2 раза в неделю. Наиболее популярными функциями стали просмотр текста и прослушивание аудио, а также текстовые карточки без аудиосопровождения. Большинство студентов выбрали смартфоны как основное устройство для работы с приложением, некоторые использовали персональные компьютеры и ноутбуки.

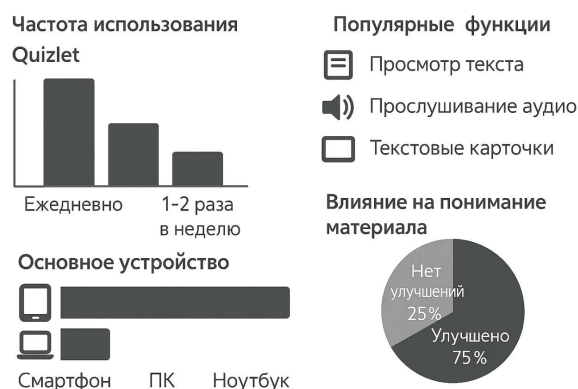

Рисунок 4. Результаты анкетирования участников эксперимента.

Большинство участников – 75 % – отметили, что Quizlet значительно улучшил их понимание изучаемого материала, особенно при подготовке к экзаменам и контрольным работам. Однако около 25 % респондентов использовали приложение нерегулярно или предпочли другие методы, такие как списки слов и механическое повторение. Эти различия могут быть связаны с индивидуальными предпочтениями обучающихся, что подчеркивает необходимость дальнейших исследований, направленных на адаптацию образовательных технологий к различным типам учащихся [Cheng et al., 2022, Sari et al., 2024].

Заключение

В ходе проведённого эксперимента была подтверждена высокая эффективность использования цифровых флеш-карточек, в частности через приложение Quizlet, для изучения иностранной лексики.

Студенты, принимавшие участие в эксперименте, продемонстрировали значительное улучшение в усвоении лексического материала, что подтверждается положительными результатами анкеты и промежуточных тестов. Особенно важно отметить, что большинство студентов отметили удобство использования приложения, а также его положительное влияние на подготовку к экзаменам и контрольным работам.

Результаты эксперимента показали, что использование Quizlet способствует улучшению долговременного запоминания лексики за счет интеграции принципа интервального повторения и разнообразных форматов карточек. Студенты, использовавшие флеш-карточки, более эффективно справлялись с заданиями по запоминанию и освоению новых слов, что подтверждается высокими баллами на «контрольных точках» и экзаменах.

Однако результаты также показали, что не все студенты использовали приложение с одинаковой регулярностью. Около 25 % участников предпочли альтернативные методы запоминания, что подчеркивает необходимость индивидуального подхода при использовании цифровых инструментов в обучении. В дальнейшем это открывает перспективы для оптимизации учебных материалов и методов, направленных на максимальную адаптацию технологий к потребностям разных категорий студентов.

Таким образом, полученные результаты подтверждают гипотезу о высокой эффективности флеш-карточек как метода обучения и важности их использования в современной образовательной практике. Этот метод может быть рекомендован как универсальный и удобный инструмент для изучения иностранных языков, особенно в условиях дистанционного обучения при использовании цифровых платформ.

Список литературы

1. Девочки В. В. Учиться легко и увлекательно: использование флеш-карточек в сервисе «Барабук» // Всероссийский научно-практический форум. 2024. Т. 5. Вып. 2. С. 45–52. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/138903> (дата обращения: 20.01.2025).
2. Бородин Н. А., Калашникова И. В. Флеш-карты и средства графической наглядности как приём интерактивного обучения немецкому языку в средней школе // Вестник Тюменского государственного университета. 2022. Т. 24, Вып. 6. С. 124–130. <https://doi.org/10.17223/19988635/24/12>
3. Векуа Н. Н., Мамаева Е. А. Использование флэш-карт как средства развития вербальной креативности студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2022. Т. 19, № 2. С. 108–120. <https://doi.org/10.22363/2312-8631-2022-19-2-108-120>

4. Abdelrahman M. Teaching Academic Words With Digital Flashcards: Investigating the Effectiveness of Mobile-Assisted Vocabulary Learning for University Students // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. Article 893821. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.893821>
5. Cheng X., Liu Y., Zhang W. The Impact of Digital Flashcards on Vocabulary Acquisition in Second Language Learning: A Meta-Analysis // *Educational Research Review*. 2022. Vol. 37. Article 100430. <https://doi.org/10.1016/j.edurev.2022.100430>
6. Hulstijn J. H. Intentional and incidental second language vocabulary learning: a reappraisal of elaboration, rehearsal and automaticity // Robinson P. (Ed.), *Cognition and Second Language Instruction*. Cambridge University Press, 2001. P. 258–286. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139524780.011>
7. Jones A. C., Scanlon E., Clough G. Mobile learning: Two case studies of supporting inquiry learning in informal and semiformal settings // *Computers & Education*. 2013. Vol. 61, No. 1. P. 21–32. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2012.08.008>
8. Malik C., Mahmud M., Anshari A., Salija K. EFL Teachers' Strategies in Teaching English at Kampung Inggris // *Asian EFL Journal*. 2020. Vol. 27, Issue 3.1. P. 165–192. URL: <https://eprints.unm.ac.id/26138/2/AEFL-Volume-27-Issue-3.1-June-2020-165-192.pdf>
9. Mykytko I. The Use of Quizlet to Enhance L2 Vocabulary Acquisition // *Encuentro Journal*. 2023. Vol. 31. P. 56–69. <https://doi.org/10.37536/ej.2023.31.2123>
10. Nist L., Joseph L.M. Effectiveness and efficiency of flashcard drill instructional methods on urban first-graders' word recognition, acquisition, maintenance, and generalization // *School Psychology Review*. 2008. Vol. 37(3). P. 294–308. <https://doi.org/10.1080/02796015.2008.12087819>
11. Oxford R. L., Scarcella R. C. Second language vocabulary learning among adults: State of the art in vocabulary instruction // *System*. 1994. Vol. 22(2). P. 231–243. [https://doi.org/10.1016/0346-251X\(94\)90005-8](https://doi.org/10.1016/0346-251X(94)90005-8)
12. Roediger H. L., Karpicke J. D. Test-enhanced learning: taking memory tests improves long-term retention // *Psychological Science*. 2006. Vol. 17, No. 3. P. 249–255. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2006.01693.x>
13. Sari S., Wahidah I., Wati S., Fadiana D., Tarihoran N. The Use of Flashcards and Its Effectiveness in ELT: A Systematic Review // *Jurnal Pendidikan dan Keguruan*. 2024. Vol. 2, No. 7. P. 884–897.
14. Zarrati Z., Zohrabi M., Abedini H., Xodabande I. Learning academic vocabulary with digital flashcards: Comparing the outcomes from computers and smartphones // *Social Sciences & Humanities*. 2024. Vol. 9. 100900. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2024.100900>

References

1. Devochko V. V. Uchit'sya legko i uvlekatel'no: ispol'zovanie flesh-kartochek v servise «Barabuk» [Learning is easy and fun: using flash cards in the Barabuk service]. *Vserossiyskiy nauchno-prakticheskiy forum* [All-Russian scientific and practical forum]. 2024, vol. 5, iss. 2, pp. 45-52. (In Russ.). Available at: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/138903> (accessed: 20.01.2025).
2. Borodina N. A., Kalashnikova I. V. Flesh-karty i sredstva graficheskoy naglyadnosti kak priem interaktivnogo obucheniya nemetskomu yazyku v sredney shkole [Flash cards and graphic visual aids as a method of interactive teaching of German in secondary school]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tyumen State University]. 2022, vol. 24, iss. 6, pp. 124-130. <https://doi.org/10.17223/19988635/24/12> (In Russ.).
3. Vekua N. N., Mamaeva E. A. Ispol'zovanie flesh-kart kak sredstva razvitiya verbal'noy kreativnosti studentov [Using Flash Cards as a Tool for Developing Students' Verbal Creativity]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Informatizatsiya obrazovaniya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Informatization of Education]. 2022, vol. 19, no. 2, pp. 108-120. <https://doi.org/10.22363/2312-8631-2022-19-2-108-120> (In Russ.).

4. Abdelrahman M. Teaching Academic Words With Digital Flashcards: Investigating the Effectiveness of Mobile-Assisted Vocabulary Learning for University Students // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. Article 893821. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.893821>
5. Cheng X., Liu Y., Zhang W. The Impact of Digital Flashcards on Vocabulary Acquisition in Second Language Learning: A Meta-Analysis // *Educational Research Review*. 2022. Vol. 37. Article 100430. <https://doi.org/10.1016/j.edurev.2022.100430>
6. Hulstijn J. H. Intentional and incidental second language vocabulary learning: a reappraisal of elaboration, rehearsal and automaticity // Robinson P. (Ed.), *Cognition and Second Language Instruction*. Cambridge University Press, 2001. P. 258–286. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139524780.011>
7. Jones A. C., Scanlon E., Clough G. Mobile learning: Two case studies of supporting inquiry learning in informal and semiformal settings // *Computers & Education*. 2013. Vol. 61, No. 1. P. 21–32. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2012.08.008>
8. Malik C., Mahmud M., Anshari A., Salija K. EFL Teachers' Strategies in Teaching English at Kampung Inggris // *Asian EFL Journal*. 2020. Vol. 27, Issue 3.1. P. 165–192. URL: <https://eprints.unm.ac.id/26138/2/AEFL-Volume-27-Issue-3.1-June-2020-165-192.pdf>
9. Mykytko I. The Use of Quizlet to Enhance L2 Vocabulary Acquisition // *Encuentro Journal*. 2023. Vol. 31. P. 56–69. <https://doi.org/10.37536/ej.2023.31.2123>
10. Nist L., Joseph L.M. Effectiveness and efficiency of flashcard drill instructional methods on urban first-graders' word recognition, acquisition, maintenance, and generalization // *School Psychology Review*. 2008. Vol. 37(3). P. 294–308. <https://doi.org/10.1080/02796015.2008.12087819>
11. Oxford R. L., Scarcella R. C. Second language vocabulary learning among adults: State of the art in vocabulary instruction // *System*. 1994. Vol. 22(2). P. 231–243. [https://doi.org/10.1016/0346-251X\(94\)90005-811](https://doi.org/10.1016/0346-251X(94)90005-811).
12. Roediger H. L., Karpicke J. D. Test-enhanced learning: taking memory tests improves long-term retention // *Psychological Science*. 2006. Vol. 17, No. 3. P. 249–255. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2006.01693.x>
13. Sari S., Wahidah I., Wati S., Fadiana D., Tarihoran N. The Use of Flashcards and Its Effectiveness in ELT: A Systematic Review // *Jurnal Pendidikan dan Keguruan*. 2024. Vol. 2, No. 7. P. 884–897.
14. Zarrati Z., Zohrabi M., Abedini H., Xodabande I. Learning academic vocabulary with digital flashcards: Comparing the outcomes from computers and smartphones // *Social Sciences & Humanities*. 2024. Vol. 9. 100900. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2024.100900>

Информация об авторе

М. Д. Харченко – студент, кафедра иностранных языков,
Амурский государственный университет.

Information about the author

M. D. Kharchenko – Student, Foreign Languages Department,
Amur State University.

Статья поступила в редакцию 20.02.2025; одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 25.03.2025.

The article was submitted 20.02.2025; approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 25.03.2025.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Вы направляете нам статью, оформленную в соответствии с требованиями на электронный адрес редакции (lanaschust@mail.ru).
2. Редакционный совет рассматривает Вашу статью (60 дней).
3. При успешном рецензировании редакция высылает Вам ответ о приеме статьи.
4. Журнал выходит в соответствии с графиком.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Сайт журнала: <https://press.psu.ru/index.php/ehj>

Научное издание

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

2025. № 2.

Редактор: С. В. Шустова
Компьютерная верстка: Л. Н. Голубцова
Переводчик: Н. Н. Меньшакова
Секретарь: Н. П. Сюткина

Подписано в печать 17.06.2025. Дата выхода в свет 18.06.2025.
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 12,55. Тираж 500 экз. Заказ № 1439.

Адрес учредителя и издателя: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Адрес редакции: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
ФГАОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет».
Факультет современных иностранных языков и литератур.

Отпечатано с готового оригинала-макета в ООО «Типограф»
Адрес: 618554, Пермский край, г. Соликамск, Соликамское шоссе, 17.

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.

Подписка на журнал осуществляется на сайте «УРАЛ-ПРЕСС»:

<https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8754715/>

Подписной индекс: 015009

Распространяется бесплатно.

Перепечатка материалов из журнала допускается
только по согласованию с редколлегией.